20 4/38

20 4/38

ПРОТИВЪ ГРАФА ЛЬВА ТОЛСТАГО.

ВОСЕМЬ БЕСѢДЪ

ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННАГО НИКАНОРА

АРХІЕПИСКОПА

ХЕРСОНСКАГО и ОДЕССКАГО.

Съ портретомъ въ Бозѣ почившаго Архипастыря.

Центральный книгосъѣздный фонд
Государственной библиотеки СССР
им. В. И. Ленина

ИЗДАНІЕ НАСЛѢДНИКОВЪ.

ОДЕССА.
Типографія Е. И. Фесенко, Ришельевская ул., с. д., № 47-й.
1891.

1 114/585 (1 б ж.)

2007081179

РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА

4461-05

Печатать дозволяется.—Одесса, 27 апрѣля 1891 г. Цензоръ Протоіерей *Василій Войтковскій.*

4461-05

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

1) Бесѣда въ день святаго благовѣрнаго князя Александра Невскаго о томъ, что не слѣдуетъ христіанскимъ проповѣдникамъ опровергать всѣ лжеученія. 1

2) Поученіе въ день иже во святыхъ отца нашего Димитрія, митрополита ростовскаго, о трехъ старцахъ, или о томъ, что должно изучать и знать вѣру христіанскую . 25

3) Бесѣда въ день святаго апостола Андрея Первозваннаго о томъ, что ересеученіе графа Льва Толстаго разрушаетъ самыя основы не только православно-христіанской вѣры, но и всякой религіи. 41

4) Бесѣда въ день святыхъ первоверховныхъ апостоловъ Петра и Павла о томъ, что нельзя отдѣлять Господа нашего Іисуса Христа, главу церкви, отъ тѣла церкви и въ частности отъ святыхъ пророковъ и апостоловъ . . . 57

5) Поученіе въ великій четвертокъ объ истинномъ тѣлѣ и истинной крови Христовыхъ въ св. евхаристіи. . 106

6) Поученіе на день святаго благовѣрнаго князя Александра Невскаго о томъ, что ересеученіе графа Льва Толстаго разрушаетъ основы общественнаго и государственнаго порядка. 120

7) Бесѣда о христіанскомъ супружествѣ 131

8) Церковь и государство 186

ФОТОТИП.
М. ФРЕЙДЕНБЕРГ

БЕСѢДА I.

На день святаго благовѣрнаго князя Александра Невскаго и тезоименитства Благочестивѣйшаго Самодержавнѣйшаго Великаго Государя нашего Императора АЛЕКСАНДРА АЛЕКСАНДРОВИЧА *).

О томъ, что не слѣдуетъ христіанскимъ проповѣдникамъ опровергать всѣ лжеученія.

Волею согрѣшающимъ намъ, по пріятіи разума истины, ктому о грѣсѣхъ не обрѣтается жертва; страшно же нѣкое чаяніе суда и огня ревность поясти хотящаго сопротивныя. Отверглся кто закона Моисеева, безъ милосердія при двоихъ или тріехъ свидѣтелехъ, умираетъ. Колико, мните, горшія сподобится муки, иже Сына Божія поправый, и кровь завѣтную скверну возмнивъ и Духа благодати укоривый! Вѣмы бо рекшаго: Мнѣ отмщеніе, Азъ воздамъ, глаголетъ Господь. И паки: яко судитъ Господь людемъ своимъ. Страшно есть еже впасти въ руцѣ Бога живаго (Евр. 10, 26—31).

По случаю появленія въ нашемъ отечествѣ Толстовской ереси, нѣкто укоряетъ учащую православную церковь въ Россіи за то, что она ничего не дѣлала для опроверженія всѣхъ заблужденій, возникавшихъ между русскою интеллигенціею со времени царствованія Императрицы Екатерины II.

Стѣны святыя, покровъ священный св. храма сего! Не взыщите. Обстоятельства нашего времени побуждаютъ, если

---

*) Сказана въ церкви Императорскаго Новороссійскаго университета.

только не вынуждаютъ насъ огласить васъ множествомъ именъ, которыя здѣсь никогда не раздавались, которыя и произносить тутъ признается не совсѣмъ умѣстнымъ. Впрочемъ мы слѣдуемъ въ этомъ примѣру Господа нашего Іисуса Христа и святыхъ апостоловъ Его, какъ и пророковъ, которые произносили сами, для наученія церкви многія имена злодѣевъ, богопротивниковъ, ложныхъ учителей, какъ и отца ихъ сатаны. Ихъ время имѣло своихъ богопротивниковъ и христоненавистниковъ, наше имѣетъ своихъ.

Противъ фактовъ, — говоритъ укоряющій насъ, — спорить нельзя. Посмотримъ, что мы давали тѣмъ, кто и хотѣлъ бы найти въ духовной литературѣ разсѣяніе своихъ сомнѣній, навѣянныхъ отрицательной литературой, и твердую поддержку своимъ христіанскимъ воззрѣніямъ. Съ половины XVIII вѣка проникли къ намъ разными путями идеи Вольтера и энциклопедистовъ. Распространенію этихъ ученій мы противопоставили нѣсколько проповѣдей (митрополита Платона, архіепископа Гедеона Криновскаго и епископа Анастасія Братановскаго) и весьма немного апологетическихъ трудовъ (два), которые отличались общими мѣстами, легкостію, непониманіемъ ученія противниковъ, отсутствіемъ глубины, обличая неподготовленность авторовъ къ научно-философской защитѣ религіи и церкви; тогда какъ на Руси было много лицъ, которые углублялись въ сочиненія мощныхъ противниковъ и выносили изъ чтенія ихъ разрушеніе своихъ вѣрованій. За антирелигіознымъ и антихристіанскимъ вліяніемъ Вольтера и энциклопедистовъ идетъ вліяніе Шеллинга (ум. 1854 г.), котораго въ нашемъ обществѣ пропагандировали Павловъ и Одоевскій. Вліяніе Одоевскаго на современниковъ было громадно. А былъ ли съ нашей стороны предложенъ вниманію общества живой и основательный анализъ философіи Шеллинга во всѣхъ ея фазахъ въ связи съ выясненіемъ ея отношеній къ православно-христіанскому сознанію. Для

нашихъ присяжныхъ богослововъ—философовъ какъ будто не существовало ни философіи Шеллинга, ни увлеченія ею со стороны нашей интеллигенціи. Они оказались, по отношенію къ вліянію Шеллинга въ Россіи, далеко не на высотѣ своего призванія и долга потому ли, что не могли, или потому, что не хотѣли удовлетворить запросамъ общественной мысли. Съ 1835 года представители и руководители нашей интеллигенціи (Станкевичъ, Бакунинъ, Бѣлинскій и другіе) начинаютъ знакомиться съ философіей Гегеля и все болѣе и болѣе увлекаются ею. Крайній пантеизмъ Гегельянскаго ученія, разсматривающаго и христіанскую религію, какъ низшую и преходящую форму проявленія и раскрытія абсолютной идеи въ человѣческомъ сознаніи, само собою разумѣется, отрывалъ отъ православно-христіанской церкви многихъ ея сыновъ, роняя въ ихъ глазахъ дѣйствительное значеніе всего православно-христіанскаго ученія. Казалось бы, въ виду всего этого долженъ былъ посыпаться со стороны нашихъ богослововъ—философовъ цѣлый рядъ обстоятельныхъ изслѣдованій, чтобы выяснить несостоятельность основныхъ началъ философіи Гегеля и въ особенности его взгляда на религію. Но призванные самимъ положеніемъ своимъ къ защитѣ святыни православно-христіанскихъ вѣрованій сохранили могильное молчаніе тогда, когда слѣдовало говорить горячо, убѣжденно, сильно. И для противодѣйствія антирелигіозному и антихристіанскому вліянію Гегелевскихъ воззрѣній въ надлежащее время нами не было сдѣлано ничего. Что же удивительнаго, если представители нашего общества все больше и больше отрывались отъ церкви? Вина этого ложится тяжкимъ бременемъ и на насъ. Въ 1835 г. появилось въ западной Европѣ сочиненіе Штрауса: *Жизнь І. Христа*, произведшее повсюду сильное впечатлѣніе. Штраусъ, въ концѣ своей жизни примкнувшій къ матеріалистической школѣ, до этого былъ однимъ изъ жаркихъ приверженцевъ Гегеля, и

книга его написана подъ вліяніемъ Гегелевскихъ началъ. Книга Штрауса переведена и на русскій языкъ. Но пока съ нашей стороны предложено (епископомъ Михаиломъ и священникомъ Буткевичемъ) какое-либо опроверженіе этой книги, сколько зла успѣла она сдѣлать! Въ началѣ 40-хъ годовъ вліяніе Гегеля начинаетъ у насъ вытѣсняться вліяніемъ Фейербаха, котораго не безъ основанія называютъ отцемъ новѣйшаго матеріализма. Въ 1843 г. окончательно переходятъ въ лагерь Фейербаховцевъ Бѣлинскій, Герценъ, Бакунинъ и другіе, бывшіе до того ярыми приверженцами гегелизма. Важнѣйшее сочиненіе Фейербаха: *Сущность христіанства* было напечатано въ 1861 г. на русскомъ языкѣ въ Лондонѣ и распространялось въ нашемъ отечествѣ всѣми темными путями. Мы же усиливаемся какъ бы замолчать и эту книгу Фейербаха, изъ которой между тѣмъ доселѣ черпаютъ возраженія противъ христіанства не только отечественные вольнодумцы, но и многіе изъ западныхъ. Затѣмъ распространялись въ нашемъ обществѣ вліянія ученій Сен — Симонизма и Фурьеризма. На послѣдніе 40-е годы падаетъ печатная пропаганда въ Россіи позитивизма *Огюста Конта* и *Литтре*, которые разсматривали миѳологическій періодъ, относя къ нему господство всякаго религіознаго воззрѣнія, какъ низшую стадію умственной жизни, долженствующую совершенно замѣниться высшею, позитивной или научной стадіей. Въ началѣ 50-хъ годовъ появилось сочиненіе Бюхнера: *Сила и Матерія*. Въ 60-хъ годахъ это сочиненіе, какъ и сочиненіе Молешотта и Карла Фохта, появилось и на русскомъ языкѣ. Такимъ образомъ весь тріумвиратъ вождей матеріализма въ Германіи предсталъ и предъ русскими непосредственно въ своихъ сочиненіяхъ. Пропагаторами ихъ воззрѣній оказались въ Россіи Чернышевскій, Добролюбовъ, Писаревъ, Антоновичъ и многіе другіе, не говоря о Герценѣ, о его изданіяхъ: *Полярной Звѣздѣ*, *Колоколѣ* и другихъ.

Параллельно пропагандѣ матеріализма шла у насъ пропаганда и морали эгоизма въ сочиненіяхъ Милля и Бентама. Тогда же появилось и въ Россіи въ двухъ переводахъ сочиненіе Бокля: *Исторія цивилизаціи въ Англіи*, и идеи Бокля примѣнялись у насъ къ рѣшенію всякихъ вопросовъ, религіозныхъ, нравственныхъ, политическихъ, общественныхъ. Вмѣстѣ съ пропагандою у насъ матеріализма со второй же половины 50-хъ годовъ началась проповѣдь и соціализма, переходившаго въ очевидный коммунизмъ, въ переводныхъ сочиненіяхъ Лассаля, Маркса, въ русскихъ сочиненіяхъ Чернышевскаго и др. Съ конца 60-хъ годовъ наша свѣтская литература начинаетъ все замѣтнѣе и рѣшительнѣе склоняться на сторону позитивизма. Переводятся на русскій языкъ одно за другимъ сочиненія позитивныхъ писателей, особенно *Герберта Спенсера*, который критикуетъ религіозно-философскія ученія о божествѣ, о происхожденіи міра и т. д., находя несостоятельнымъ и теизмъ наравнѣ съ другими ученіями, утверждая, что божество есть нѣчто непознаваемое. Ученіе Спенсера о религіи и нравственности стало трактоваться многими, какъ послѣднее слово научно-философской мысли. Независимо отъ переводныхъ позитивистскихъ сочиненій у насъ чаще и чаще стали появляться и оригинальныя, Лесневича, Де-Роберта, журналъ „Знаніе“ и т. д. Переводятся на русскій языкъ сочиненія Дрепера, Тайлора, Лебока, Топинара. Въ самые послѣдніе годы появляются у насъ переводы сочиненій *Шопенгауэра* и *Гартмана* по такъ называемой пессимистической философіи. Въ послѣдніе же годы появилось сочиненіе Ланге: *Исторія матеріализма*, которое своеобразно рѣшаетъ вопросы, имѣющіе самое близкое отношеніе къ религіи, и рѣшаетъ вовсе неблагопріятно для христіанства. Нужно ли говорить о важнѣйшихъ сочиненіяхъ по естествознанію, о Дарвинѣ, Геккелѣ, Ляйеллѣ и др.? Должно признать, что духовная литература съ

половины 50-хъ годовъ стала отзывчивѣе къ запросамъ современной общественной мысли. Тѣмъ не менѣе, кто пожелалъ бы найти въ нашихъ сочиненіяхъ разсѣяніе своихъ сомнѣній и недоумѣній, то находилъ большею частію поздно, или вовсе не находилъ потребнаго.

Довольно укоровъ себѣ. Закрыть ли намъ свое лицо отъ стыда? Я полагаю, нѣтъ. Я полагаю, что христіанскій проповѣдникъ не обязанъ ни опровергать, ни даже изучать всѣ возможныя заблужденія, несогласныя съ христіанскимъ ученіемъ.

Къ этому мы уполномочиваемся примѣромъ нашихъ первоучителей, основателей христіанства, примѣромъ самаго Господа нашего Іисуса Христа и святыхъ Его апостоловъ.

Зналъ ли Господь Іисусъ всѣ несогласныя съ Его божественнымъ ученіемъ лжеученія, лжеученія религіи египетской, индійской, китайской, огнепоклонической, во всѣхъ ихъ отрасляхъ и развѣтвленіяхъ, лжеученія язычества финикійскаго, карѳагенскаго, еллино-римскаго, со всѣми мистеріями и теургіями сего послѣдняго, съ его миѳологіею и теоріею евгемеризма, не говоря о язычествѣ дикаго сѣвера Азіи, Европы, глубинъ Африки и Аравіи, Америки и острововъ океана? Зналъ ли современныя Ему философскія и физическія ученія стоическія, эпикурейскія, скептическія, эклектическія, непотухшую философію Платона и Аристотеля, зарождающуюся философію неоплатонизма и гностицизма? Зналъ ли басни греко-римскихъ поэтовъ о началѣ вещей? Зналъ ли символическую герменевтику филонизма? Отвѣчаемъ, что зналъ по божественному всевѣдѣнію. Но относительно собственно человѣческаго изученія Господомъ Іисусомъ и знанія всего этого необъятнаго круга предметовъ напрасно и ставить этотъ вопросъ, когда ставится вопросъ даже о томъ, умѣлъ ли Онъ писать; когда принимается за достовѣрное, что Онъ не получилъ никакого внѣ-еврейскаго,

внѣшне-научнаго, философско-языческаго, обще-историческаго образованія. Напрасно ставить вопросъ также и о томъ, опровергалъ ли Онъ всѣ эти заблужденія, когда слѣдуетъ прямѣе ставить вопросъ о томъ, опровергалъ ли Онъ какія-либо заблужденія? Собственно языческихъ заблужденій коснулся Онъ только однажды, когда саддукеи предложили Ему извѣстное возраженіе противъ воскресенія тѣлъ, которое Господь и разрѣшилъ на основаніи не соображеній разума, а только божественнаго же откровенія, на основаніи изреченія пророка Моисея. Еврейскія же заблужденія Господь Іисусъ не опровергалъ, а только обличалъ. Въ чемъ однако же заключается разница между опроверженіемъ и обличеніемъ, это мы яснѣе усмотримъ въ примѣрѣ святыхъ апостоловъ.

Пусть Господь Іисусъ провозглашалъ, что посланъ только ко овцамъ погибшимъ дому Израилева, вовсе почти не приходя въ соприкосновеніе съ язычниками. Но ученики Его, святые апостолы, по Его заповѣди, пошли уже въ міръ весь проповѣдати евангеліе всей твари, которое и пронесли отъ Іерусалима даже до конецъ земли. Тѣмъ не менѣе и о нихъ напрасенъ вопросъ, знали-ль они всѣ заблужденія современнаго имъ міра? Будучи человѣками не книжными и простыми, конечно, не знали, пока Духъ Святый не находилъ благопотребнымъ просвѣтить ихъ умъ на счетъ того или другаго заблужденія чрезвычайнымъ откровеніемъ. Внѣшнее мірское образованіе отчасти замѣтно только въ апостолѣ Павлѣ. Но относительно даже его безплодно ставить вопросъ, былъ ли онъ знакомъ съ современнымъ ему совопросничествомъ современныхъ философскихъ школъ: стоическихъ, скептическихъ, эпикурейскихъ, эклектическихъ? Ясно, что онъ имѣлъ нѣкоторое вѣдѣніе о языческихъ поэтахъ. Ясно, что имѣлъ глубокое разумѣніе объ общемъ языческомъ міросозерцаніи. Онъ же одинъ изъ апостоловъ далъ намъ не

многіе, не болѣе трехъ (Дѣян. 14, 15—17; 17, 16—31 и 1 Кор. гл. 15), и краткіе образцы и опроверженія языческихъ заблужденій, если только даже эти рѣчи его можно признать опроверженіями. Мы разумѣемъ весьма краткую рѣчь его въ Листрѣ въ опроверженіе идолопоклонства, краткую же рѣчь о томъ же въ Аѳинскомъ ареопагѣ и апологію истины безсмертія души и воскресенія въ первомъ посланіи къ Коринѳянамъ (1 Коринѳ. гл. 15). Можно ли напримѣръ назвать опроверженіемъ идолопоклонства, съ громаднымъ его содержаніемъ, его миѳологіи, обожанія людей, языческихъ жертвоприношеній, краткую вдохновенную рѣчь апостоловъ Павла и Варнавы въ Листрѣ: *мужіе! что сія творите?* Жители Листры хотѣли принести имъ въ жертву тельцовъ, признавъ ихъ за Юпитера и Меркурія. *И мы подобострастни есмы вамъ человѣцы, благовѣствующе вамъ отъ сихъ суетныхъ обращатися къ Богу живу* и т. д. Всего нѣсколько словъ. А сколько можно бы, и съ современно-научной точки зрѣнія должно бы наговорить въ опроверженіе укоренившихся суевѣрій язычества? Основатели христіанства, Господь І. Христосъ и апостолы Его только обличаютъ антихристіанскія заблужденія, открывая высоту, глубину и свѣтлость христіанства и выставляя предъ неискаженною совѣстью человѣчества низость и гибельность заблужденія. Таковы всюду распространенныя въ Новомъ Завѣтѣ обличенія заблужденій извращеннаго іудейства. Таковы же у апостоловъ Петра, Іоанна, Іуды и Павла обличенія зарождающихся отраслей возникающаго гностицизма. Но нигдѣ у святыхъ апостоловъ не видимъ обстоятельно-научнаго изложенія гностическихъ ученій. Нигдѣ нѣтъ разбора, что эти основанія шатки. Нигдѣ усилія доказать, что истинно противное имъ христіанское ученіе. Нѣтъ. Въ своихъ писаніяхъ святые апостолы, имѣя въ виду главнымъ образомъ положительное раскрытіе вѣры, касаются лжеученій и лжеучителей мимоходомъ, про-

износя о нихъ только категорически-властный приговоръ, что эти ученія ложны и гибельны, а самые лжеучители сыны погибели. Господь Іисусъ только возжегъ свѣточъ своего ученія и поставилъ его на свѣщницѣ на горѣ, да свѣтитъ всѣмъ и освѣщаетъ окружающую тьму міра сего. Но Онъ не бралъ на себя усилій тушить всѣ блудячіе огни, мелькающіе по лицу вселенной, возникавшіе изъ блата общечеловѣческой нравственной гнили. Тоже творить заповѣдалъ Онъ и своимъ апостоламъ: *входяще во градъ или въ домъ*, заповѣдалъ Онъ, *цѣлуйте его глаголюще: миръ дому сему. И аще убо будетъ домъ достоинъ, пріидетъ миръ вашъ нань. Аще ли же не будетъ достоинъ, миръ вашъ къ вамъ возвратится. И иже аще не пріиметъ васъ, ниже послушаетъ словесъ вашихъ, исходяще изъ дому или изъ града того на распутія его, рцыте: и прахъ, прильпшій намъ отъ града вашего, отрясаемъ вамъ; обаче сіе вѣдите, что приблизилось къ вамъ царствіе Божіе* (Мат. 10, 12—14; Лук. 10, 10—11), но вы отверглись его. При возженіи свѣта Христова всѣ прочія свѣтила, даже великія, а о мелкихъ нечего и говорить, должны сами собою померкнуть, какъ померкаютъ даже звѣзды при солнечномъ восходѣ; что дѣйствительно и случилось, въ первые вѣка христіанства, со всѣми нехристіанскими ученіями, по принятіи евангельской проповѣди во всей вселенной.

Однакоже древніе св. отцы и учители церкви опровергали современныя имъ заблужденія? Опровергали, но кто и что и какъ? Во-первыхъ не опровергали ни естественно-физическихъ, ни философскихъ теорій современнаго имъ язычества, изъ которыхъ ни одна не была строго согласна съ ученіемъ евангелія; а касались этихъ теорій только мимоходомъ, сопоставляя ихъ съ ученіемъ христіанскимъ о соприкосновенныхъ предметахъ. Мы не видимъ у древнихъ отцевъ и учителей церкви ни одного обстоятельнаго изслѣдованія,

которое спеціально было бы направлено къ разбору той или другой изъ современныхъ философскихъ теорій. Усматриваемъ одно только чисто философское сочиненіе, построенное почти исключительно на началахъ разума, — это *О началахъ* Оригена. Видимъ, что именно Оригенъ, да еще Тертулліанъ, въ защищеніи христіанской истины, готовы были больше другихъ давать волю своему уму; и замѣчательно, они-то и впали въ заблужденія, отвергнутыя церковію, и причтены сами почти къ еретикамъ. Примѣръ не поощрительный. Одинъ же Оригенъ написалъ изслѣдованіе въ защиту евангельскаго текста и евангельской исторіи противъ Цельса; а прочіе такъ и остались безвѣстны. Не видимъ у древнихъ отцовъ обстоятельнаго опроверженія большинства гностическихъ ересей, которыя слишкомъ уже отдалились отъ божественнаго откровенія и вдались въ философское экстатическое суемудріе. У св. Иринея, у Ипполита и другихъ видимъ не столько опроверженіе, сколько болѣе или менѣе обстоятельное изложеніе тѣхъ или другихъ изъ первоначальныхъ ересей и низведеніе выводовъ ихъ къ основамъ христіанской проповѣди, къ священному писанію и преданію. Напротивъ, видимъ у отцовъ церкви самое обстоятельное, широкое и глубокое изложеніе ересей, которыя исходили изъ тѣхъ же началъ, изъ которыхъ исходитъ и православное ученіе, равно какъ и опроверженіе ихъ на основаніи тѣхъ же началъ божественнаго откровенія. Вообще пастыри и учители церкви, преемники апостольскіе, поставляли своею исключительною задачею, по примѣру своихъ первоучителей апостоловъ проповѣдать евангеліе на основаніи самаго евангелія Христова, на основаніи устной и письменной проповѣди Христа и апостоловъ, слѣдуя заповѣди св. апостола Павла Тимоѳею и Титу *не словопрѣтися ни на кую же потребу на разореніе слышащихъ, сквернихъ тщегласій отметаяся: напаче бо преспѣютъ въ нечестіе, и возмущаютъ нѣкоторыхъ вѣру;*

уклоняяся сквернымъ суесловій и прекословій лжеименнаго разума; отступая буйнымъ стязаній и гностическихъ родословій и ревній и сваровъ относительно ветхозавѣтнаго закона: суть бо не полезны и суетны (Тит. 3, 9; 2 Тим. 2, 16—18—23 и др.). *Еретика и человѣка,* заповѣдуетъ св. ап. Павелъ Титу (Тит. 3, 10), *по первомъ и второмъ наказаніи отрицайся, вѣдый, яко развратися таковый и согрѣшаетъ и есть самоосужденъ.* По этой апостольской заповѣди, какъ и по заповѣди *низлагать помышленія и всяко возношеніе, вземлющееся на разумъ Божій, плѣняя всякій разумъ въ послушаніе Христово* (2 Кор. 10, 4 – 5), древніе пастыри церкви Христовой воздерживались отъ излишнихъ безплодныхъ, а иногда и вредныхъ словопреній даже съ тѣми изъ еретиковъ, которые исходили изъ тѣхъ же началъ, на которыхъ зиждется и православіе, изъ божественнаго откровенія. Философское же суемудріе, основанное чисто на началахъ разума, древніе отцы церкви почти всесовершенно обходили, продоставляя ему сокрушаться въ себѣ самомъ, оставляя мертвымъ погребать своихъ мертвыхъ, попуская гнилому истлѣвать по естественному закону саморазложенія. И гдѣ теперь эти гордыя философскія построенія всѣхъ этихъ академиковъ, перипатетиковъ, циниковъ, стоиковъ, эпикурейцевъ, скептиковъ, эклектиковъ, неоплатониковъ? Гдѣ теперь всѣ эти безконечныя, безмѣрно-чудовищныя фантасмагоріи гностическія? Все это рухнуло, даже безшумно, и развѣялось по вѣтру прахомъ совсѣмъ безслѣдно. А христіанство стоитъ и простоитъ тысячелѣтія по глубочайшему изреченію ап. Павла: *твердое основаніе Божіе стоитъ, имущее печать сію: позна Господь сущыя своя, и еще: да отступитъ отъ неправды всякъ именуяй имя Господне* (2 Тим. 2, 19).

Спросимъ теперь въ свою очередь опять, гдѣ теперь также ближайшіе къ намъ антихристовы слуги Вольтеръ и

энциклопедисты, съ которыми стыдились и опасались соприкоснуться, даже для опроверженія, не только наши православно-русскіе пастыри, но и представители священства западно-европейскаго, латинскаго и протестантскаго? Вѣдь такая заразительная мерзость не могла же не марать своею гнилью при какомъ бы то ни было соприкосновеніи. Сами они потонули и ближайшее къ себѣ общество потопили въ лужахъ, въ потокахъ, въ цѣломъ морѣ человѣческой крови. А по началу жребія этого новѣйшаго антихристіанства можно отчасти судить и о продолженіи его и о пагубномъ концѣ. Стоило ли пастырямъ церкви изучать и опровергать Канта, отвергнувшаго всю философію древности, когда его оставили Фихте, Шеллингъ и Гегель, построивъ каждый свою собственную систему, несогласную съ системами другихъ? Стоило ли изучать и опровергать Гегеля, который утверждалъ, что его понялъ только одинъ человѣкъ, да и тотъ понялъ плохо; котораго, чтобъ понять, нужно напередъ сойти съ ума; котораго осмѣяли и откинули съ презрѣніемъ, какъ пустѣйшаго фантазера, Бюхнеръ, Молешоттъ, всѣ матеріалисты и позитивисты? Стоило ли пастырямъ церкви опровергать этого Бюхнера, котораго одинъ русскій, но европейски извѣстный ученый (Ціонъ), въ самые послѣдніе дни, называетъ „темнымъ медикомъ, одинаково далеко стоящимъ какъ отъ философіи, такъ и отъ науки“; котораго, какъ и единомышленниковъ его, Молешотта, Карла Фохта и другихъ матеріалистовъ, съ пренебреженіемъ отбрасываютъ новѣйшіе позитивисты, какъ ненаучныхъ метафизиковъ? Стоитъ ли пастырямъ церкви опровергать и позитивистовъ: Огюста Конта, который, относя христіанство въ область темной миѳологической эпохи, усиливался сочинить свою собственную, конечно, нелѣпую религію, или же Литтре, который обратился сперва въ масонство, а подъ конецъ жизни и въ католическое христіанство, или Джона Стюарта Милля, Бэна и на-

шихъ русскихъ самоновѣйшихъ позитивистовъ, которые стоятъ уже совсѣмъ не на той точкѣ зрѣнія, на которой усиливался поставить позитивное міросозерцаніе Огюстъ Контъ; когда ихъ самихъ новѣйшіе эмпирики—философы отписываютъ въ область ненаучныхъ метафизиковъ? Стоитъ ли опровергать и этихъ самоновѣйшихъ философовъ—эмпириковъ, которые съ своей стороны отрицаютъ все, не только Духа высочайшаго, но и человѣческую душу, и всѣ ея способности и законы логики и всѣ самыя общепринятыя понятія философіи всѣхъ прежнихъ вѣковъ, отдѣляя все это въ область всего болѣе ненавистной имъ метафизики, а свою собственную философію признавая не болѣе какъ произведеніемъ субъективнаго творчества, въ родѣ любой сказки или басни? Стоитъ ли изучать и опровергать философовъ пессимистовъ, Шопенгауера, Гартмана, которые въ основу бытія кладутъ буквально безсмысліе, совѣтуя человѣчеству стремиться отъ страданій бытія къ покою небытія, полагая, что безумное человѣчество, посягнувъ на собственное бытіе и потушивъ свое сознаніе, можетъ якобы достигнуть благотворнаго для всѣхъ и всего результата, потушенія бытія всей вселенной; Шопенгауэра и Гартмана, которые составляютъ странное до нелѣпости исключеніе изъ общаго направленія всѣхъ современныхъ умовъ; которые на всемъ пространствѣ исторіи не встрѣчаютъ себѣ предшественниковъ, развѣ только въ Гераклитѣ, да и то очень не много на нихъ похожемъ? Стоитъ ли пастырю церкви опровергать даже естественно-научныя теоріи, когда онѣ, помимо объясненія очевидныхъ фактовъ, переходятъ къ общимъ широкимъ, собственно философскимъ обобщеніямъ относительно происхожденія міра и всѣхъ вещей, относительно начала и развитія жизни и появленія человѣка; когда въ астрономіи относительно происхожденія міровъ мы не имѣемъ ничего вѣрнаго, твердо и несомнѣнно установленнаго; когда въ геологіи, появившейся на памяти

живаго еще поколѣнія, мы имѣли взаимно исключающія себя теоріи разныхъ нептунистовъ, плутонистовъ, а теперь имѣемъ метаморфистовъ, которые находятъ болѣе умѣстнымъ утверждать, что нашъ земной міръ вѣченъ и вѣчно преобразуется, начало же его отъ насъ такъ удалено, что и гадать о происхожденіи его безплодно? Нужно ли опровергать самого Дарвина, который уже въ наши дни сталъ извѣстенъ, прославился, и недавно скончался? Дарвинизмъ обуялъ всѣ умы. Дарвинизмъ символика современнаго естествовѣдѣнія. Но какъ Дарвинизмъ ниспровергаетъ основы всего прежняго общечеловѣческаго міросозерцанія, то нужно было только подождать и поджидая надѣяться, что кто-либо непремѣнно выскажется противъ этой разрушительной теоріи, самъ-ли Дарвинъ, послѣдователи-ль его, или же противники. Что и осуществилось уже, осуществилось отчасти и то и другое и третье.

Находятся уже ученые, которые доказываютъ, что для приученія нарочно выбирали животныхъ, а растенія для культуры, которыя сами по себѣ обладали высокою прирожденною способностію къ измѣнчивости; что при одичаніи организмовъ прежде прирученныхъ или культированныхъ, они возвращаются къ своему дикому типу; а то софизмъ, что измѣнчивость дикихъ животныхъ и растеній, сравнительно съ домашними, во столько разъ сильнѣе, во сколько природа могущественнѣе человѣка: природа не произведетъ паровую машину, изъ буквъ алфавита не составитъ ни малѣйшаго разумнаго изреченія; что отклоненія въ домашнихъ породахъ нигдѣ не достигли видовой ступени различія; значеніе самаго основанія, на которомъ зиждется вся Дарвинова теорія, т. е. значеніе искусственнаго подбора чрезмѣрно преувеличено; что такимъ образомъ база, отъ которой Дарвинъ исходитъ для заключеній, сокращается до самыхъ ничтожныхъ размѣровъ; что борьба за существованіе лишена необходи-

мыхъ для произведенія подбора свойствъ: напряженія, непрерывности и единства направленія; что эти свойства борьбы за существованіе крайне преувеличены Дарвиномъ; что скрещиваніе въ естественныхъ условіяхъ должно сглаживать все, что неопредѣленная измѣнчивость должна бы произвести, а въ устраненіи скрещиванія и заключается весь подборъ; что существованіе множества безразличныхъ, безполезныхъ и даже вредныхъ признаковъ, а также чисто морфологическій характеръ измѣненій, претерпѣваемыхъ нѣкоторыми органами, совершенно необъяснимъ для теоріи подбора; что міръ, построенный на началахъ Дарвина, имѣлъ бы совершенно иной характеръ, отличный отъ того, который нынѣ дѣйствительно существуетъ: то былъ бы міръ, по нашимъ теперешнимъ понятіямъ, изъ дѣйствительности почерпнутымъ, нелѣпый и безсмысленный; что слѣдовъ незамѣтными оттѣнками переливающихся, переходныхъ формъ ни въ живущемъ, ни въ палеонтологическомъ мірѣ не существуетъ, и главное объясненіе отсутствія этихъ слѣдовъ, представленное Дарвиномъ: крайняя скудость, неполнота, недостаточность геологическихъ и палеонтологическихъ документовъ, частію пустая отговорка, частію невѣрное перетолкованіе фактовъ; что всѣ примѣры вымиранія видовъ, которые мы можемъ прослѣдить, не представляютъ соотвѣтственнаго вымиранію нарожденія новыхъ формъ, между тѣмъ вытѣсненіе новыми вымирающихъ формъ должно бы по теоріи, главнымъ образомъ обусловливать вымираніе, какъ слѣдствіе пораженія въ борьбѣ за существованіе; всѣ извѣстные случаи вымиранія ни разу не представили подтвержденія нормальному Дарвинову процессу, что очень странно; что ко всѣмъ этимъ невѣроятностямъ и невозможностямъ присоединяется еще положительнѣйшая невозможность вмѣстить Дарвиновъ процессъ образованія видовъ въ огромный періодъ истекшаго геологическаго времени, наприм. невозможно объяснить происхожденіе и развитіе

глаза случайными находками и скачками, безъ всякой цѣлесообразности, хотя бы въ продолженіи билліоновъ лѣтъ; что Дарвинъ, по неправильной и пристрастной оцѣнкѣ вѣроятностей, преспокойно оставляетъ въ сторонѣ убивающія теорію: поглощеніе измѣнившихся формъ скрещиваніемъ и неизбѣжность нахожденія ископаемыхъ переходныхъ формъ; что по логической непослѣдовательности, признавая, что въ первыхъ изданіяхъ своихъ трудовъ слишкомъ слабо оцѣнилъ значеніе крупныхъ самопроизвольныхъ измѣненій, тѣмъ не менѣе оставляетъ у себя все по старому и не видитъ или не хочетъ видѣть, что съ этимъ признаніемъ онъ долженъ отказаться отъ возможности объяснять внутреннюю и внѣшнюю цѣлесообразность строенія организмовъ изъ началъ подбора; что при происхожденіи формъ отъ формъ скачками неизбѣжно принять цѣлесообразность, или разумную предуставленность направленій, въ коихъ идутъ эти переходы, что ниспровергаетъ все его ученіе. Многія изъ ошибокъ Дарвина замѣчены разными учеными, и къ числу ихъ принадлежатъ самые замѣчательные умы нашего времени изъ числа посвятившихъ себя естествознанію, каковы: Бэръ, Агассисъ, Мильнъ—Эдвардсъ, анатомъ Овенъ, палеонтологи: Броньяръ, Геппертъ, Броннъ, Барандъ, фитогеографъ Гризебахъ, ботаники: Декенъ и Вигандъ, знаменитѣйшій изъ современныхъ гистологовъ Келликеръ, физіологъ Флуранъ, біологи: Катрфажъ, Бурмейстеръ, Бланшаръ и нашъ знаменитый анатомъ Пироговъ. Къ противникамъ Дарвина нужно отнести и великаго Кювье, который уже предвидѣлъ Дарвинову теорію. Сообщаютъ, что и самый рьяный послѣдователь Дарвина Геккель начинаетъ измѣнять ему, „отказываясь отъ своихъ прежнихъ увлеченій“, по крайней мѣрѣ, въ ученіи о происхожденіи человѣка (Ціонъ въ Рус. Вѣст. 1886 г. іюнь, стр. 787). Бэръ иронически восклицаетъ: „громкая молва разносится по странамъ Европы: тайна созданія наконецъ открыта. Подобно

тому, какъ Ньютонъ открылъ законы движенія небесныхъ тѣлъ, такъ Дарвинъ указалъ законы жизненныхъ формъ, и тѣмъ совершилъ еще большій шагъ впередъ, чѣмъ Ньютонъ". Между тѣмъ, говорятъ, ясность и понятность Дарвинова филогенезиса собственно зависитъ отъ отсутствія всякихъ объективныхъ данныхъ, при построеніи теоріи подбора; ясность ея слѣдуетъ искать въ той свободѣ, съ какою Дарвинъ строитъ ученіе совершенно субъективнаго характера, не стѣсняясь ничѣмъ объективнымъ фактическимъ. Дарвинова теорія только умозрительная гипотеза, не болѣе. Съ положительно научной точки зрѣнія виды и послѣ Дарвина, какъ и до него, остаются для насъ постоянными, неизмѣнными въ своей сущности, но только колеблющимися около нѣкоего нормальнаго типа; таковыми оказываются они, насколько хватаютъ вдаль и вглубь наши наблюденія и наши опыты. Но постоянство не значитъ еще вѣчность, принять которую было бы столь же противно наблюденіямъ, какъ и принятіе перехода одного вида въ другой. Мы положительно знаемъ, что виды имѣютъ предѣлы своему существованію во времени; также точно имѣютъ и свое начало, т. е. какимъ нибудь образомъ да произошли, и это происхожденіе видовъ повторялось большое число разъ. Знаемъ, что они имѣютъ и свой конецъ,—вымираютъ, что также повторялось огромное число разъ. Но за отсутствіемъ всякихъ наблюденій и опытовъ надъ этимъ процессомъ происхожденія, этотъ процессъ находится пока внѣ области положительной науки. Поэтому Дарвиново ученіе, съ точки зрѣнія положительной науки, не имѣетъ ровно никакой цѣны. Это ученіе, недоказанное путемъ положительной методы, а, при теперешнемъ состояніи нашихъ знаній, и недоказуемое, по этому самому и не опровергаемо, т. е. никакимъ положительнымъ фактомъ оно не подтверждается. Дарвинъ предлагаетъ гипотезу, не болѣе, механическаго объясненія, или точнѣе—объясненія, вы-

веденнаго изъ случайности; тогда какъ другіе, отвергнувъ это объясненіе, переходятъ къ предуставленнымъ цѣлямъ, къ телеологіи, какъ Бэръ, принимая нисхожденіе органическихъ существъ, измѣненіе формъ по нѣкоему внутреннему, присущему въ организмахъ, закону развитія. По Келликеру органическія образованія подлежатъ тѣмъ же законамъ, какъ и неорганическая природа. Подъ закономъ развитія органической природы слѣдуетъ понимать то же, что понимаетъ и минералогъ, когда говоритъ о законѣ образованія кристалловъ, или астрономъ, говоря о законѣ тяготѣнія и развитія небесныхъ тѣлъ. Подобно тому, какъ въ основаніи образованія кристалловъ, небесныхъ тѣлъ, солнечныхъ системъ лежатъ общіе законы, которые производятъ точнѣйшія согласованія формъ въ единицахъ, безъ того, чтобы между ними существовала генетическая связь; точно также и въ царствѣ животномъ и растительномъ можетъ оказываться согласованіе безъ того, чтобы непремѣнно необходимо было признавать происхожденіе всѣхъ организмовъ другъ отъ друга, или медленное преобразованіе ихъ одного въ другой. Такъ организмы, могущіе находиться и на другихъ планетахъ, напр. на Марсѣ, въ сущности будутъ построены такъ же, какъ и на нашей землѣ, и слѣдовать законамъ образованія, какъ и эти, не происходя отъ земныхъ, какъ и слѣдуютъ органическія соединенія, усматриваемыя на метеоритахъ. Такимъ образомъ согласованіе или гармонія органическаго міра можетъ оказываться и безъ признанія ихъ генеалогическаго сродства, судя по аналогіямъ съ другими разрядами фактовъ. Органическій міръ предлагаетъ намъ для рѣшенія собственно морфологическую задачу. Очевидно, что морфологическій принципъ, не образуемый, не направляемый средою, но побѣждающій ея вліянія и заставляющій ихъ служить себѣ, составляетъ главное въ организмахъ; этотъ морфологическій принципъ образуетъ организмы не въ тѣхъ только

основныхъ чертахъ, по которымъ мы отличаемъ типы животнаго царства, но и всѣ прочія меньшія группы: классы, отряды, семейства, роды, виды. Недоказанная съ положительно научной точки зрѣнія филогенетическая связь между организмами съ умозрительной только вѣроятна, не болѣе. Коренной споръ идетъ только между началами случайности и разумности, и все грозное значеніе Дарвинизма заключается въ признаніи случайности верховнымъ міровымъ принципомъ. Если бы эта случайность могла быть доказана, то разумъ исчезаетъ изъ природы, становится плеоназмомъ, излишнимъ предположеніемъ, безъ котораго поэтому можно и должно бы обходиться, и міръ, сколько бы онъ предъ нами ни притворялся гармоничнымъ и разумнымъ, былъ бы въ сущности царствомъ нелѣпости. Доказать это и есть задача Дарвиновой философіи природы. Провести рѣшеніе этой задачи далѣе приложенія Дарвинова начала къ зоологіи и ботаникѣ принялъ на себя самъ Дарвинъ, написавъ особую книгу о происхожденіи человѣка. А такъ какъ и при этомъ онъ не прибѣгаетъ ни къ какому новому принципу, довольствуясь все тѣмъ же подборомъ, то значитъ онъ прилагаетъ свой принципъ не только къ біологической, но и къ психической сторонѣ космогонической задачи. Другіе приняли на себя трудъ провести это рѣшеніе въ область астрономіи, или точнѣе космогоніи. Такимъ образомъ подборъ является всеобъемлющимъ началомъ, которое преобразуетъ сущее изъ хаоса въ космосъ. Дарвиновъ подборъ необходимо отожествлять съ началомъ абсолютной случайности. Измѣненія, новыя органическія явленія происходятъ хаотически, безъ всякой закономѣрности, безъ всякой системы и порядка, безъ всякаго опредѣленнаго направленія; они совпадаютъ, согласуются, или не совпадаютъ, не согласуются, съ предшествовавшими, старыми органическими явленіями въ томъ же органическомъ существѣ, какъ и въ другихъ существахъ, и съ явленіями

внѣшняго неорганическаго міра, и сообразно съ этимъ остаются, сохраняются, или исчезаютъ, гибнутъ, и органическое существо становится такимъ образомъ мозаикою изъ взаимно между собою и съ внѣшними условіями совпавшихъ, согласовавшихся случайностей. Случайность слѣдовательно обращаетъ хаосъ въ космосъ, и этой случайности оказывается по Дарвину вполнѣ достаточно для произведенія такого результата. Но какимъ жалкимъ, мизернымъ представляется при этомъ міръ и мы сами, въ коихъ вся стройность, вся гармонія, весь порядокъ, вся разумность являются лишь частнымъ случаемъ безсмысленнаго и нелѣпаго; всякая красота — случайною частностію безобразія; всякое добро — прямою непослѣдовательностію во всеобщей борьбѣ, и—космосъ только случайнымъ частнымъ исключеніемъ изъ бродячаго хаоса. Подборъ—это печать бесмысленности и абсурда, напечатлѣнная на челѣ мірозданія; ибо это замѣна разума случайностію. Это ученіе абсолютной случайности имѣетъ значеніе замѣстителя или суррогата ученія о механической необходимости, такъ какъ эта механическая необходимость никогда не могла, и до сихъ поръ не можетъ быть строго проведена чрезъ всю область сущаго ни метафизическимъ-умозрительнымъ, ни научно-положительнымъ путемъ. Вотъ главная причина того восторга, съ которымъ принято было ученіе о подборѣ; ибо чего хочется, тому вѣрится... Благо пришла поддержка, откуда ее всего менѣе ждали, изъ ученія объ органическомъ мірѣ, гдѣ всегда неизбѣжно господствовала идея цѣлесообразности, гдѣ хотя на словахъ и чурались ея, но на дѣлѣ никогда отъ нея отдѣлаться не могли. Ненавистная и будто бы не научная телеологія замѣнилась псевдотелеологіею, обратившей очевидно цѣлесообразность или цѣлестремительность въ пустую обманчивую видимость.

Вотъ причина и того восторга рукоплесканій, отъ котораго не такъ давно трещали стѣны и сего храма науки,

когда лекторъ съ торжествомъ читалъ о какомъ-то новомъ открытіи, связывающемъ до сихъ поръ не связанныя переходною формою двѣ разновидности. И кому же это мы рукоплескали? Конечно, Дарвину, человѣку, который не обинуясь говоритъ намъ въ лицо, что мы скоты, не болѣе, что мы обезьяны въ существѣ дѣла. Мы-же что? А мы ничего; мы даже рады, больше того, мы въ восторгѣ; мы даже злорадствуемъ въ сторону людей, которые продолжаютъ увѣрять насъ: „да нѣтъ же, мы люди, существа разумныя, отличныя качественно, а не только количественно отъ скотовъ и даже отъ мнимыхъ прародичей нашихъ обезьянъ".

Такъ вотъ и Дарвина свѣтскіе же люди начинаютъ опровергать и отвергать. А ужъ онъ ли—не столбъ ходячаго современнаго міросозерцанія! А подождемъ еще годовъ десять,—Дарвиновы поклонники скоро же свергнутъ его въ Лету забвенія, какъ встарь Кіевляне свергнули въ волны Днѣпра своего обожаемаго идола Перуна: выдыбай-де, боже!

Скоро же будетъ низвергнутъ и другой идолъ нашего россійскаго недомыслія, новоявленный ересеучитель, странно сказать, графъ Толстой, этотъ радикальнѣйшій ученикъ самыхъ радикальнѣйшихъ учителей, который съ самой ранней поры своей жизни подвергся отрицательнымъ вліяніямъ, одно за другимъ надвигавшимся и одно другимъ смѣнявшимся, начиная съ Вольтера и энциклопедистовъ и оканчивая позитивизмомъ и соціализмомъ, а теперь самозванно рядится въ хламиду проповѣдника самоизмышленнаго имъ евангелія. Будетъ низвергнутъ какъ потому, что заключаетъ въ себѣ самомъ непримиримыя для свѣтлаго и крѣпкаго смысла противорѣчія, такъ и потому, что разрушаетъ основы общественнаго и государственнаго быта, слѣд. приводитъ къ нетерпимому абсурду какъ свою пропаганду, такъ и общественную къ ней толеранцію. Будетъ низвергнутъ помимо нашихъ опро-

верженій. Впрочемъ, что онъ подрываетъ основы государства, къ этому мы когда либо еще воротимся.

Но пока мы бездѣйствуемъ въ молчаніи, много христіанскихъ душъ совратится въ пагубныя ученія? Да. Такъ было искони на пространствѣ всѣхъ вѣковъ христіанской исторіи. Ереси и всякія лжеученія возникали, истинныхъ христіанъ отъ стада Христова отторгали, пастыри скорбѣли и стадо Христово оберегали, по мѣрѣ своихъ силъ, Богу содѣйствующу, благодати Божіей споспѣшествующей. *Азъ вѣмъ сіе*, —завѣщавалъ св. апостолъ Павелъ пресвитерамъ Ефесскимъ, —*яко по отшествіи моемъ внидутъ волцы тяжцы въ васъ, не щадящіи стада. И отъ васъ самыхъ востанутъ мужи, глаголющіи развращенная, еже отторгати ученики въ слѣдъ себе* (Дѣян. 20, 29—30). *Подобаетъ въ васъ и ересемъ быти, да искусніи въ васъ явлени будутъ*, — пишетъ св. Павелъ къ Коринѳянамъ (1 Кор. 11, 19). И вотъ уже съ апостольскаго вѣка начинаютъ возникать массы ересей гностическихъ, докетическихъ, антитринитарскихъ и т. д. Съ IV вѣка возникаютъ аріанство съ безчисленными оттѣнками, несторіанство, монофизитство и т. д. безъ конца. Массы вѣрующихъ отпадали. Пастыри и учители церковные противодѣйствовали повальному увлеченію разнообразными способами. Но многіе-ль писали въ опроверженіе ересей? Пишутъ, сколько извѣстно, св. Ириней, св. Ипполитъ, Тертулліанъ, кто въ Галліи, кто въ Италіи, кто въ Африкѣ, раздѣленные между собою разстояніемъ большихъ пространствъ и вѣками времени. Въ IV вѣкѣ пишутъ Аѳанасій почти одинъ на всю Африку, Василій великій и Григорій Богословъ одни на всю Азію, Григорій Богословъ и Іоаннъ Златоустъ одни на всю Византію, да и Европу. Да и при томъ многіе-ль могли слышать ихъ? Многіе-ль могли читать ихъ произведенія при тогдашней трудности сообщенія и распространенія письменныхъ твореній? Но пришло свое

время, и промыслъ Божій разомъ смелъ съ лица земли всѣ обуревавшія церковь ереси, такъ что чрезъ какихъ-либо два вѣка не осталось ни слѣда могучей раціональной ереси аріанства; а за нею, не долго спустя, понеслись и прочія ереси въ пучину забвенія, оставивъ слѣдъ развѣ только на страницахъ исторіи.

Теперь, начиная съ половины XVIII вѣка, христіанскій міръ представляетъ страшную, можно сказать небывалую свалку всякихъ антихристіанскихъ ученій, воздымаемыхъ превозношеніемъ ума, гордостію пустозвонныхъ умозрительно-философскихъ и научно-умозрительныхъ теорій. Однако же вглядываясь назадъ, можно усматривать, что это въ Европѣ пока еще продолжается небывалое сумасбродство умовъ, болѣзненно возбужденныхъ французскою революціею, которая пока еще, увы! не кончила даже перваго вѣка своего пагубнаго существованія. А вглядываясь впередъ, можно предусматривать, что эта толчея взаимно уничтожающихъ одна другую научно-философскихъ теорій весьма похожа на римскія навмахіи, въ которыхъ десятки тысячъ воиновъ, всѣ обреченные на смерть, бились, чтобы побить другъ друга до послѣдняго человѣка, для развлеченія римскаго цезаря и кровожаднаго пустомыслія публики. Побьютъ другъ друга и погибнутъ съ шумомъ. Если же этой самоубійственной, погибельной для всѣхъ и всего свалкѣ суждено и усиливаться къ концу вѣковъ, то мы этого не отвратимъ. Это предсказано Господомъ Іисусомъ Христомъ, древними пророками и апостолами. Предсказано, что какъ древле *быша лживіи пророцы, такъ и среди насъ будутъ лживіи учители, иже внесутъ ереси погибели, искупльшаго ихъ Владыки отметающеся, приводяще себѣ скору погибель. И многіе послѣдствуютъ ихъ нечистотамъ, — ихже ради путь истинный похулится. И въ преумноженіи льстивыхъ сло-*

весь многихъ уловятъ: ихже судъ искони не коснитъ, и погибель ихъ не дремлетъ (2 Пет. 2, 1—3).

Впрочемъ будемъ надѣяться, что Европейскій христіанскій міръ, внося глубокую анархію въ умы, еще не совсѣмъ дожилъ до окончательнаго разложенія; что настанутъ еще времена мирна во-первыхъ для умовъ и общественной мысли, для сердецъ и стремленій, а затѣмъ и для благоустроенія и счастія народовъ. Помолимся Богу, помолимся исконному ратоборцу, вѣковѣчному поборнику Русскія земли, святому благовѣрному князю Александру Невскому, да даруетъ Господь благоденственное и мирное житіе во-первыхъ тезоименитому нынѣ Благочестивѣйшему Самодержавнѣйшему Великому Государю нашему Императору Александру Александровичу, а въ Немъ, въ Его вѣрѣ, въ Его твердости, въ незыбленной преданности свято-отечественнымъ завѣтамъ, залогъ всякаго благоспѣшенія и боголюбивому россійскому народу. Аминь.

ПОУЧЕНІЕ II.

Въ церкви Одесскаго Епархіальнаго женскаго училища, въ храмовой день иже во святыхъ отца нашего Димитрія, Митрополита Ростовскаго.

О трехъ старцахъ, или о томъ, что должно изучать и знать вѣру христіанскую.

Глаголетъ писаніе: Близъ ти глаголъ есть, во устѣхъ твоихъ и въ сердцы твоемъ, сирѣчь глаголъ вѣры, егоже проповѣдаемъ: яко аще исповѣси усты твоими Господа Іисуса, и вѣруеши въ сердцы твоемъ, яко Богъ Того воздвиже изъ мертвыхъ, спасешися. Сердцемъ бо вѣруется въ правду, усты же исповѣдуется во спасеніе. Глаголетъ бо писаніе: всякъ вѣруяй въ Онь, не постыдится. Всякъ, иже призоветъ имя Господне, спасется. Како убо призовутъ, въ Негоже не вѣроваша? Како же увѣруютъ, Его-же не услышаша? Како же услышатъ безъ проповѣдающаго (Рим. 10, 8—14)?

Не такъ давно кто-то прислалъ на мое имя, въ безыменномъ пакетѣ, № газеты (Нива, № 13, 1886 г.), въ которомъ помѣщенъ извѣстный разсказъ новоявленнаго ересеучителя графа Льва Толстаго: „О трехъ старцахъ“. Я уже читалъ его прежде. Но, получивъ эту безыменную посылку, я задумался, чтобъ это значило? Что хотѣлъ сказать именно мнѣ пославшій анонимъ? Безъ сомнѣнія тоже, что хотѣлъ сказать всей христіанской Россіи именитый ере-

сеучитель, распространитель этого разсказа. „Вотъ-це ты, представитель, сторонникъ и горячій проповѣдникъ умственно-религіознаго просвѣщенія народа,—о чемъ ты хлопочешь, изъ-за чего суетишься! Вотъ что нужно, вотъ чего довольно яко бы для высокаго нравственнаго совершенства и для спасенія".

Содержаніе разсказа извѣстно. Распространяли его ретиво

Плылъ на кораблѣ архіерей изъ Архангельска города въ Соловки. На пути узналъ отъ спутниковъ простецовъ, что на одномъ изъ близъ лежащихъ небольшихъ острововъ спасаются въ безвѣстности три старца, якобы Божьи люди. Архіерей пожелалъ посѣтить этотъ островъ, чтобы увидѣть этихъ Божьихъ людей. На вопросъ архіерея: „какъ вы спасаетесь и какъ Богу служите? старцы отвѣчали: „не умѣемъ мы, рабъ Божій, служить Богу, только себѣ служимъ, себя кормимъ".— „Какъ же вы Богу молитесь?"—Отвѣтъ: „молимся такъ: трое васъ, трое насъ, помилуй насъ".— Архіерей сказалъ: „это вы про Святую Троицу слышали, да не такъ вы молитесь; хотите угодить Богу, да не знаете, какъ служить Ему. Не такъ надо молиться, а слушайте меня, я научу. Не отъ себя буду учить васъ, а отъ Божьяго Писанія научу тому, какъ Богъ повелѣлъ всѣмъ людямъ молиться Ему". И началъ архіерей толковать старцамъ, какъ Богъ открылъ себя людямъ. Растолковалъ имъ про Бога Отца, Бога Сына и Бога Духа Святаго и сказалъ: „Богъ самъ сошелъ на землю людей спасти и научилъ всѣхъ Богу молиться. Слушайте и повторяйте за мной". И архіерей говоритъ: *Отче нашъ*... И весь день до вечера потрудился съ ними архіерей: и десять, и двадцать, и сто разъ повторялъ одно слово, и старцы твердили за нимъ. И путались они, и поправлялъ онъ ихъ, и заставлялъ повторять сначала. И не оставилъ архіерей старцевъ, пока не научилъ ихъ, пока не прочли они молитву Господню сами. Тогда простился архіе-

рей со старцами, поклонились ему всѣ въ ноги. Но когда плыли на кораблѣ дальше, видитъ самъ, видятъ при лунномъ свѣтѣ и другіе, что старцы во свѣтѣ за ними по морю, какъ по суху, бѣгутъ и ногъ не передвигаютъ. Подошли къ борту корабля и заговорили въ одинъ голосъ: „забыли, рабъ Божій, забыли твое ученіе. Пока твердили, помнили, перестали на часъ твердить, одно слово выскочило, забыли, все разсыпалось. Ничего не помнимъ, научи опять". Перекрестился архіерей, перегнулся черезъ бортъ къ старцамъ и сказалъ: „доходна до Бога ваша молитва, старцы Божіи. Не мнѣ васъ учить. Молитесь за насъ грѣшныхъ". И поклонился архіерей въ ноги старцамъ. И остановились старцы, повернулись, и пошли назадъ по морю. И до утра видно было сіяніе съ той стороны, куда ушли старцы.

Какъ видите, такого событія на дѣлѣ никогда не было. Это легенда, не болѣе, и вовсе не благочестивая легенда. Это сказка, не болѣе, хотя и довольно распространенная сказка, излюбленное произведеніе народной фантазіи, въ родѣ любимой, общераспространенной сказки объ Иванѣ-дурачкѣ. Только въ разсказѣ о трехъ старцахъ древне-языческая сказка объ Иванѣ-дурачкѣ пріурочена къ христіанскимъ искаженнымъ понятіямъ. Та и другая сказка представляетъ въ себѣ поэтизированіе русскаго народнаго невѣжества: „ни читать-де, ни писать, а тутъ на царство садятъ". Въ легендѣ-же о трехъ старцахъ даже больше того: ни читать, ни писать не умѣютъ, даже больше того, ровно ничего не разумѣютъ, какъ пни деревянные, далеко хуже сказочнаго Ивана-дурачка, однакожъ и царство небесное улучаютъ, и кромѣ того еще въ тѣлѣ на землѣ прославляются паче самого Христа, по морю ходятъ, яко по суху, лучезарнымъ ѳаворскимъ свѣтомъ проникаются, такъ что и лунный и солнечный свѣтъ затмеваютъ. Это нелѣпѣйшій апоѳеозъ величайшаго народно-русскаго невѣжества, во-первыхъ въ вѣрѣ,

А этимъ словомъ, что это легенда, сказка—не болѣе, сказано все.

Тѣмъ не менѣе смыслъ ея глубокъ. Русскій человѣкъ часто ничего въ вѣрѣ христіанской не понимаетъ; по смыслу же сказки, и не нужно понимать ему безусловно ничего. Никакихъ молитвъ нерѣдко не знаетъ и не разумѣетъ,— и не нужно ему знать, не нужно разумѣть безусловно ни одной молитвы; достаточно вмѣсто молитвы лепетать какую-либо безсмыслицу, въ родѣ: „трое насъ, трое васъ, помилуй насъ"; или въ родѣ: „это Тебѣ, Боже, а это мнѣ", какъ разсказывается, будто одинъ подвижникъ подвизался только тѣмъ, что безпрерывно перепрыгивалъ черезъ пень, и при одномъ прыжкѣ повторялъ: „это Тебѣ, Боже", а при другомъ: „а это мнѣ", а все же спасся и угодилъ Богу. Здѣсь тотъ-же апоѳеозъ темнаго невѣжества. Нерѣдко русскій человѣкъ къ церкви принадлежитъ только по имени, или даже вовсе не принадлежитъ (какъ раскольники, хлысты, какъ графъ Левъ Толстой), въ церковь не ходитъ, отъ таинствъ уклоняется или даже отвращается, — и не нужно ему, по графу Толстому, ничего этого: не нужно приступать къ таинствамъ, не нужно ходить въ церковь, не нужно принадлежать къ церкви Христовой. Иногда русскій человѣкъ не умѣетъ и не хочетъ служить ни Богу, ни людямъ, служитъ только себѣ, да и себѣ-то служить не умѣетъ, нимало не заботясь и даже не помышляя о единомъ на потребу, работаетъ исключительно на свое чрево, живетъ единственно только, чтобъ кормиться, какъ скоты безсловесные, какъ тѣ три старца: „не умѣемъ, рабъ Божій, служить Богу, только себѣ служимъ, себя кормимъ". А по графу Толстому, такъ тому и слѣдуетъ быть: такъ и слѣдуетъ русскому человѣку не умѣть служить ни Богу, ни людямъ, а служить только себѣ; да и себѣ служа, не помышлять о душѣ, заботясь только о чревѣ; не заботиться о единомъ на потребу, о хлѣ-

бѣ духовномъ, о духовной жизни, а только о хлѣбѣ для живота, о кормѣ животномъ, чтобы только прокормиться. Какъ видите, это—идеализація, культъ чрева. Почему оно въ просторѣчіи и переименовано животомъ. При чемъ высшее понятіе, старинное — животъ, жизнь, съ теченіемъ вѣковъ, спустилось въ русскомъ скудомысліи въ низменное понятіе животъ—желудокъ, чрево; а чрево, наоборотъ, возвысилось въ животъ: во чревѣ животъ, во чревѣ вся жизнь и вся цѣль жизни. Увы! Такъ было, такъ есть, а графъ Левъ Толстой хочетъ, чтобъ такъ было и впередъ и всегда: умственнаго развитія никакого, заботы о душѣ никакой, а лишь бы прокормиться... Скотство — цѣль жизни! Скотоподобіе—высшая степень нравственнаго совершенства!

Опровергать ли главную мысль этой сказки? Доказывать ли, что нужно христіанину знать свою вѣру? Нужно молиться, знать и разумѣть молитвы? Нужно приступать къ святымъ таинствамъ? Нужно ходить въ церковь? Нужно принадлежать къ церкви Христовой? Что это угодно Богу, что этого требуетъ самъ Христосъ?

Для чего же иначе Христосъ приходилъ на землю проповѣдати евангеліе царствія Божія? Для того ли, чтобъ люди не слушали и вовсе не разумѣли Христовой проповѣди, какъ тѣ старцы? Для того ли Христосъ научилъ учениковъ молитвѣ Господней, чтобъ ученики ни слова изъ этой молитвы не выразумѣли и даже не запомнили, какъ тѣ старцы? Вѣдь Христосъ именно *училъ* своихъ учениковъ молитвѣ, изрекая молитву Господню, вслѣдствіе просьбы одного ученика: *Господи, научи ны молитися, якоже и Іоаннъ научи ученики своя* (Лук. 11, 1). Господь *повелѣваетъ* всѣмъ своимъ ученикамъ молиться молитвою Господнею: *сице молитеся вы: Отче нашъ* и т. д. Ужели Христосъ *повелѣваетъ* для того, чтобы мы не исполняли,—учитъ молитвѣ Господней, чтобъ бросили ее и совсѣмъ забыли? Ужели Онъ

вообще училъ учениковъ своихъ для того, чтобъ они не вникали въ Его ученіе? Вѣдь если вникнуть въ одну молитву Господню: *Отче нашъ*,—то можно усвоить себѣ все христіанское ученіе въ самой возвышенной тонкой и таинственной сторонѣ. А несомнѣнно, что молитву Господню преподалъ самъ Христосъ. Ужели Онъ просвѣщалъ умы своихъ учениковъ и естественнымъ способомъ ученія и сверхъестественнымъ озареніемъ для того, чтобъ они ничего не поняли, и напрасно говорилъ: *вамъ дано есть разумѣти тайны царствія небеснаго* (Матѳ. 13, 11)? За что-жъ Онъ такъ часто и такъ тяжко укоряетъ іудеевъ въ томъ, что они *видяще не видятъ, слышаще не слышатъ и не разумѣютъ* (Матѳ. 11, 13)? За что-же Онъ укоряетъ нерѣдко и ближайшихъ учениковъ своихъ въ недомысліи и неразумѣніи (Матѳ. 16, 23; Марк. 8, 33; 10, 38; 10, 14; Лук. 24, 25; Іоан. 14, 9 и т. д.)? Какъ же это Христосъ Господь и въ предсмертной молитвѣ своей говоритъ Богу Отцу: *се есть животъ вѣчный, да знаютъ Тебе, единаго истиннаго Бога и егоже послалъ еси Іисуса Христа... Глаголы ихъже далъ еси Мнѣ, дахъ имъ: и тіи пріяша и разумѣша воистину, яко отъ Тебе изыдохъ, и вѣроваша, яко Ты Мя послалъ еси* (Іоан. 17, 3—8)? Ужели и послѣ этого позволительно не знать ни Бога Отца, ни Бога Сына, не разумѣть глаголовъ Бога Сына, не разумѣть даже того, что и какъ Онъ низшелъ отъ Бога Отца, а все же оставаться ученикомъ Христовымъ, сдѣлаться даже праведникомъ, прославиться праведностью еще на землѣ? Ужели Христосъ Господь напрасно изрекалъ послѣднюю свою заповѣдь святымъ апостоламъ: *шедше научите вся языки, крестяще ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа, учаще ихъ блюсти вся, елика заповѣдахъ вамъ* (Матѳ. 28, 19—20)? Ужели и послѣ этого позволительно не знать даже того, что мы крещены во имя Отца и Сына и Святаго Духа, позволитель-

но не знать ничего, что Христосъ заповѣдалъ, позволительно не умѣть прочитать даже: *Во имя Отца и Сына и Святаго Духа*, какъ не умѣютъ старцы, замѣнивъ эту кратчайшую молитву нелѣпымъ бормотаньемъ: трое насъ, трое васъ, помилуй насъ? Вѣдь это извращеніе всякаго здраваго смысла, извращеніе основнаго христіанскаго здравомыслія. Ужели Христосъ заповѣдалъ апостоламъ: *шедше въ міръ весь, проповѣдите евангеліе всей и всякой твари* (Марк. 16, 15) для того, чтобы вся и всякая тварь считала себя въ правѣ не слушать, не разумѣть, не усвоить себѣ евангельскую проповѣдь? Ужели, посылая апостоловъ въ міръ весь, Христосъ повелѣлъ имъ разъяснять повсюду, что надобно исполниться на Немъ всему написанному о Немъ въ законѣ Моисеевомъ, у пророковъ и въ псалмахъ, что и какъ подобало пострадати Христу, и воскреснути изъ мертвыхъ въ третій день, и проповѣдатися во имя Его покаянію и отпущенію грѣховъ во всѣхъ народахъ, начиная отъ Іерусалима, повелѣлъ апостоламъ быть свидѣтелями всему тому, какъ все это на ихъ глазахъ совершилось (Лук. 24, 44—48; Дѣян. 1, 8; 2, 21—22),—для того, чтобъ люди заткнули себѣ уши, и не слушали апостоловъ Христовыхъ и ничего изъ ихъ проповѣди не вѣдали, какъ тѣ три старца?!

Евангелистъ Лука описываетъ по порядку то, что предали намъ бывшіе съ самаго начала очевидцами и служителями Слова Божія, Іисуса Христа,—описываетъ, по тщательномъ изслѣдованіи для того, чтобъ мы узнали тверже основаніе того ученія, въ которомъ наставлены (Лук. 1, 1—4). Послѣ этого ужели мы въ правѣ святое евангеліе не читать, не желать убѣдиться въ его истинности и даже не получить самаго перваго оглашенія въ истинѣ Христовой, какъ тѣ старцы?! Евангеліе Іоанново написано, дабы мы увѣровали, что Іисусъ Христосъ есть Сынъ Божій, и вѣруя имѣли жизнь вѣчную во имя Его (Іоан. 20, 31). Ужели

тѣмъ не менѣе мы уполномочены евангеліе Іоанново такъ же, какъ и Лукино, не читать, во Христа Іисуса Сына Божія не вѣровать, ничего о Немъ не слышать и не знать?! Святый апостолъ Петръ возбуждаетъ насъ напоминаніемъ о пришествіи Господа нашего Іисуса Христа, бывъ очевидцемъ Его величія, и побуждаетъ обращаться къ слову пророковъ, какъ къ свѣтильнику сіяющему во мракѣ міра (2 Пет. 1, 12—19). А мы смѣемъ уполномочить себя напоминаній первоверховнаго апостола не слушать, пророковъ не читать и вовсе о нихъ не знать, какъ тѣ старцы?! Нѣтъ, это умопомѣшательство у графа Льва Толстаго.

Оставимъ его пока; а послушаемъ святаго апостола Павла о томъ, нужно ли знать вѣру, можно ли спастись безъ этого знанія? У св. Павла вопросъ этотъ разсматривается обстоятельно. „Что говоритъ о семъ ветхозавѣтное писаніе“? спрашиваетъ св. апостолъ.—Говоритъ: „близко къ тебѣ слово, во устахъ твоихъ и въ сердцѣ твоемъ, то есть, слово вѣры, которое мы проповѣдуемъ“. Итакъ, проповѣдуемое Духомъ Божіимъ въ словѣ Божіемъ слово должно быть не только въ сердцѣ, но и въ устахъ вѣрующаго, ищущаго спасенія. „*Если устами своими будешь исповѣдывать Іисуса Господомъ*“,—продолжаетъ св. апостолъ, – „*и сердцемъ своимъ вѣровать, что Богъ воскресилъ Его изъ мертвыхъ, то спасешься*“. Значитъ, и обратно: спасешься, если не только сердцемъ будешь вѣровать въ Господа Іисуса, но и устами исповѣдывать свою вѣру. „*Сердцемъ бо вѣруется въ правду*“,—продолжаетъ св. апостолъ,—„*устами же исповѣдуется во спасеніе*“, т. е. достигнешь оправданія, когда будешь вѣровать сердцемъ, и спасенія, когда будешь исповѣдывать устами. „Ибо писаніе говоритъ“,—продолжаетъ св. апостолъ,—„всякій, вѣрующій въ Него, не будетъ постыжденъ. Спасется всякій, кто призоветъ имя Господне. Но какъ призывать Того, въ Кого не увѣровали? Какъ вѣ-

ровать въ Того, о Комъ не слыхали? Какъ слышать безъ проповѣдующаго? Итакъ,—заключаетъ св. апостолъ,—„вѣра отъ слышанія, а слышаніе отъ слова Божія". И вотъ, по апостолу, имѣется слово Божіе письменное и устное. То и другое возглашается посланниками Божіими. Ихъ проповѣдь нужно и должно выслушать, выразумѣть и принять. Отъ слышанія евангельской проповѣди родится вѣра, родится въ сердцѣ. Родившуюся въ сердцѣ вѣру должно исповѣдать устами. Сія-то вѣра сердечная породитъ оправданіе, а исповѣданіе вѣры поведетъ ко спасенію. Кто же не имѣетъ вѣры въ сердцѣ и не исповѣдуетъ ея устами, тотъ и не спасется. Значитъ, не спасется, кто не слушаетъ евангельской проповѣди, не разумѣетъ ея умомъ, не питаетъ ея въ сердцѣ и не исповѣдуетъ устами. А такова ли вѣра старцевъ: „не умѣемъ служить ни Богу, ни людямъ; не вѣдаемъ ни одной молитвы; молимся такъ: трое насъ, трое васъ, помилуй насъ"?!

Но вѣдь есть же на Руси не мало людей, которые вовсе не разумѣютъ Христовой вѣры и никакъ не умѣютъ исповѣдать ее устами? Увы! явленіе крайне грустное, однако же безспорное. Я самъ встрѣчалъ на Руси много людей, которые о Господѣ Іисусѣ Христѣ не имѣютъ никакого понятія, о ликѣ Его никакого представленія, о словахъ молитвъ почти никакого разумѣнія; встрѣчалъ не мало людей, которые не знаютъ молитвы Господней, даже Іисусовой, даже сей краткой символической: *Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь.* При этомъ приходилось задаваться безмѣрно прискорбнымъ вопросомъ: *какой вѣры эти люди*, тѣмъ болѣе, что они и сами не знаютъ, или точнѣе, не умѣютъ сказать, какой они вѣры. Но я отвѣчаю за нихъ: они несомнѣнно православной христіанской вѣры, потому что принадлежатъ къ православно-христіанской церкви и раздѣляютъ вѣру этой церкви, участвуютъ въ ея молитвословіяхъ, приступаютъ къ ея таинствамъ; постигаютъ смыслъ всего

этого не всегда умомъ, но постигаютъ сердцемъ, такъ какъ помимо ума имѣется въ нашей душѣ болѣе глубокій способъ постиженія таинъ вѣры, способъ постиженія именно сердцемъ, какъ, напримѣръ, дѣти и простые благочестивые люди сердцемъ далеко глубже постигаютъ внутренній смыслъ пасхальной пѣсни: *Воскресенія день! просвѣтимся, людіе!* чѣмъ постигаютъ умные своимъ умомъ. Не всегда способны простые люди исповѣдать свою вѣру, т. е. точно выразить ея смыслъ собственными устами, независимо отъ сторонняго руководства; но исповѣдуютъ подъ руководствомъ церкви, повторяя вмѣстѣ съ нею и за нею въ душѣ и собственными устами: *Господи помилуй. Боже! милостивъ буди мнѣ грѣшному. Вѣрую во единаго Бога Отца Вседержителя. Вѣрую Господи и исповѣдую, яко Ты еси воистину Христосъ, Сынъ Бога живаго* и т. д. Такая-то простота нашего простаго православнаго люда слишкомъ далеко отстоитъ отъ самозаключеннаго идіотства трехъ старцевъ, которые или отъ роду не знали ничего, или же все въ своей отрѣшенности отъ міра забыли; которые ни въ богослуженіи церковномъ, ни въ таинствахъ не участвовали; у которыхъ не имѣется не только никакихъ словъ для исповѣданія вѣры въ Бога христіанскаго, но никакихъ и понятій христіанскихъ, никакого содержанія вѣры.

А что благодать Святаго Духа, витая въ церкви, врачуетъ немощное и недостающее восполняетъ въ ея членахъ, объ этомъ послушаемъ опять же св. апостола Павла. „Братіе! блюдите единеніе духа въ союзѣ мира. Едино тѣло есмы, единъ Духъ, якоже и звани бысте во единомъ упованіи званія вашего. Едина вѣра у насъ; едино крещеніе, единъ Богъ и Отецъ всѣхъ, иже надъ всѣми и чрезъ всѣхъ и во всѣхъ насъ. И Онъ поставилъ однихъ апостолами, другихъ—пророками, иныхъ—евангелистами, иныхъ—пастырями и учителями, къ совершенію святыхъ, въ дѣло служенія, для созида-

нія тѣла Христова, т. е. церкви; доколѣ всѣ пріидемъ во единство вѣры и познанія Сына Божія, въ мужа совершеннаго, въ мѣру полнаго возраста Христова: дабы мы не были болѣе младенцами, колеблющимися и увлекающимися всякимъ вѣтромъ ученія, по лукавству человѣковъ, по хитрому искусству обольщенія; но истинною любовью все возращали въ Того, Который есть Глава, Христосъ, изъ Котораго все тѣло, составляемое и совокупляемое посредствомъ всякихъ взаимно скрѣпляющихъ связей, при дѣйствіи въ свою мѣру каждаго члена, получаетъ приращенія для созиданія самого себя въ любви, въ любви каждаго и всѣхъ ко всѣмъ (Ефес. 4, 4—16). Дары благодати Св. Духа въ церкви различны, но Духъ одинъ и тотъ же. И служенія различны, а Господь одинъ и тотъ же. И дѣйствія различны, а Богъ одинъ и тотъ же, производящій все во всѣхъ. *Но каждому дается проявленіе Духа на пользу*, на общую пользу всего тѣла церкви. Одному дается Духомъ слово мудрости, другому — слово знанія, иному—вѣра, иному—дары исцѣленій, иному—пророчество, иному—разные языки. Все же сіе производитъ одинъ и тотъ же духъ на общую пользу тѣла церкви. Ибо какъ тѣло одно, но имѣетъ многіе члены, и всѣ члены одного тѣла, хотя ихъ и много, составляютъ одно тѣло: такъ и Христосъ и тѣло Его церкви. Тѣло состоитъ не изъ одного члена, но изъ многихъ. Если нога скажетъ: я не принадлежу къ тѣлу, потому что я не рука, то ужели она потому не принадлежитъ къ тѣлу? И если ухо скажетъ: я не принадлежу къ тѣлу, потому что я не глазъ, то неужели оно потому не принадлежитъ къ тѣлу? Но теперь членовъ много, а тѣло одно. Не можетъ глазъ сказать рукѣ: ты мнѣ не надобна; или также голова ногамъ: вы мнѣ не нужны. Напротивъ, члены тѣла, которые кажутся слабѣйшими, гораздо нужнѣе; дабы не было раздѣленія въ тѣлѣ, а всѣ члены одинаково заботились другъ о другѣ. Посему

страдаетъ ли одинъ членъ, страдаютъ съ нимъ всѣ члены; славится ли одинъ членъ, съ нимъ радуются всѣ члены. Такъ и вы всѣ тѣло Христово, а порознь члены. И иныхъ Богъ поставилъ въ церкви, во-первыхъ, апостолами, во-вторыхъ, пророками, въ-третьихъ, учителями; инымъ далъ силы чудодѣйственныя, дары исцѣленій, управленія, разные языки, —на общую пользу тѣла церкви. Всѣ ли апостолы? Всѣ ли пророки? Всѣ ли учители? Всѣ ли чудотворцы? Всѣ ли имѣютъ дары исцѣленій? Всѣ ли говорятъ языками? Но всѣ призваны дѣйствовать на общую пользу церкви (1 Кор. 12, 3 —30). Раздающій сіи дары единый Духъ, чрезъ это раздѣленіе даровъ благодати разнымъ членамъ церкви, подкрѣпляетъ каждаго изъ нихъ; такъ что даже когда мы не вѣдаемъ, о чемъ молиться, какъ должно, самъ Духъ ходатайствуетъ за насъ воздыханіями неизглаголанными. Испытующій же сердца знаетъ, какая мысль у Духа, потому что Онъ ходатайствуетъ за святыхъ по волѣ Божіей (Рим. 8, 26— 27). Оказывается, такимъ образомъ, по мысли св. апостола, какъ и по существу дѣла, что всякій членъ въ тѣлѣ церкви Христовой нуженъ, сочувствуетъ и помогаетъ другому: голова нужна ногамъ, какъ и всему тѣлу; но и обратно, ноги также нужны головѣ и всему тѣлу. Пастыри и учители, мудрые и свѣдущіе, нужны простецамъ своею мудростію, своимъ знаніемъ вѣры, за то и простецы нужны и полезны высшимъ членамъ церкви теплотою, твердостію и дѣтскою простотою своей вѣры. Простецы помогаютъ пастырямъ всеобщностію, собирательною силою и глубиною молитвы; а пастыри незримо, не всегда ощутительно, тѣмъ не менѣе неизбѣжно содѣйствуютъ неполной сознательности молитвы простаго христіанскаго люда всесторонностію, широтою и глубиною своего развитаго религіознаго сознанія. Избыткомъ въ однихъ восполняется недостатокъ въ другихъ, и обратно. Какъ недостатокъ въ однихъ, такъ и избытокъ въ другихъ

принадлежитъ всему тѣлу. А общечеловѣческая немощь всѣхъ членовъ церкви возводится въ полную мѣру совершенства благодатію нашего Главы Господа Іисуса Христа, животворящаго тѣло церкви, и неизреченнымъ ходатайствомъ за насъ Святаго Духа, дышащаго въ тѣлѣ церкви. Внѣ же церкви Христовой духовная смерть. *Аще не снѣсте плоти Сына человѣческаго, ни піете крове Его, живота не имате въ себѣ* (Іоан. 6, 53),—говоритъ самъ Христосъ. *Иже вѣру имѣтъ и крестится, спасенъ будетъ, а иже не имѣтъ вѣры и не крестится, осужденъ будетъ* (Марк., 16, 16), —говоритъ самъ-же Христосъ. *Аще кто не родится водою и Духомъ, не можетъ внити въ царство Божіе* (Іоан. 3, 5),—говоритъ опять же самъ Христосъ. А причащаться святымъ тайнамъ крещенія, евхаристіи и другимъ можно только въ церкви Христовой.

Но были же подвижники, отшельники, пустынники, которые спасались вдали отъ всего міра, какъ и отъ церкви? Да, были подвижники, отшельники, пустынники, въ родѣ Павла Ѳивейскаго и Маріи Египетской, которые по десяткамъ лѣтъ жили внѣ общества человѣческаго, желая также пламенно отрѣшиться отъ міра, какъ и наоборотъ, прилѣпиться духомъ къ церкви Христовой и самому Христу; которые освящены были тайнами церковными или до отшествія изъ міра, или же во время самаго отшельничества; которые всегда пребывали въ духовномъ общеніи съ церковію, какъ земною, такъ и особенно небесною; которые въ большинствѣ, съ самыми незначительными исключеніями, и селились хотя и въ пустынѣ, и внѣ общества человѣческаго, однакоже невдалекѣ отъ церквей и монастырей, куда по временамъ и приходили, чтобы причаститься св. Таинъ, вообще соутѣшитися общею съ другими вѣрою во Христа и укрѣпиться въ духѣ общею молитвою церкви. Съ теченіемъ же вѣковъ, къ нашему времени, въ самыхъ строгихъ монастыряхъ, какъ я

слышалъ отъ духовныхъ мужей, принимается за правило не поощрять совершенное отшельничество, совершенное отрѣшеніе отъ общенія съ братіею святыхъ обителей, и принимается по важнымъ причинамъ, вслѣдствіе многихъ духовныхъ опытовъ; потому именно, что отшельники, при суровомъ подвижничествѣ, нерѣдко впадаютъ въ крайнее изнеможеніе не только плоти, но иногда и духа, впадаютъ въ духовную гордыню, въ тайное самомнѣніе, въ духовное мечтаніе, или же подвергаются подавляющему духу унынія, происходящему также изъ источника нечистаго. Замѣчаютъ объ одиночномъ заключеніи, что оно представляетъ въ себѣ самое тяжкое наказаніе, сопровождаясь самоубійственнымъ томленіемъ духа, которое оканчивается нерѣдко разстройствомъ всѣхъ душевныхъ силъ. Съ другой стороны, извѣстенъ психологическій фактъ, что люди, по несчастному стеченію обстоятельствъ выросшіе внѣ общества человѣческаго, безъ воздѣйствія на ихъ дѣтское сознаніе сознанія возрастнаго развитаго, остаются въ большемъ или меньшемъ одичаніи на всю жизнь. Естественно и обратное, когда человѣкъ, выросшій въ обществѣ людей съ дѣтства, удалился бы въ юношескомъ или зрѣломъ возрастѣ въ глубокое уединеніе на всю жизнь, на долгіе годы. Неизбѣжно за такимъ отрѣшеніемъ отъ людей, отъ воздѣйствія здраваго общаго сознанія на одиночное сознаніе, неизбѣжно послѣдовало бы въ отрѣшившемся потемнѣніе его сознанія, упадокъ всякихъ умственныхъ и нравственныхъ силъ и стремленій, ослабленіе всѣхъ вообще душевныхъ силъ.

По этому соображенію очень возможно, что въ основѣ легенды о трехъ старцахъ лежитъ дѣйствительный фактъ, только фактъ, пріукрашенный народною фантазіей. Очень возможно, что три простеца, съ крайне скуднымъ развитіемъ религіознаго сознанія, каковое такъ обычно въ средѣ нашего простаго люда, удалились смолоду на необитаемый

островъ, допустимъ, что и для спасенія души; прожили тамъ много и много лѣтъ до глубокой старости. Тамъ въ полнѣйшемъ отрѣшеніи отъ общества людей, отъ дѣйствительнаго общенія съ церковью, подавленные физическою нуждою глубокаго одиночества на необитаемомъ островѣ, среди суровой и скудной сѣверной природы, они естественно остыли для всѣхъ высшихъ порывовъ человѣческой природы; забыли и думать о томъ, какъ это надо служить Богу, а служить людямъ не имѣли ни побужденій, ни возможности. Всѣ помыслы у нихъ съузились на низменной заботѣ, какъ прокормить себя, чтобы хотя съ голоду не умереть. Ясныхъ и твердыхъ религіозныхъ понятій у нихъ не было никогда; а къ концу долгаго вѣка ихъ безслѣдно испарились и тѣ, какія вынесены когда-то давно изъ жизненной среды. Остались у нихъ въ памяти только жалкіе обрывки самыхъ краткихъ и употребительныхъ въ мірѣ молитвъ: *Господи помилуй*, и: *Во имя Отца и Сына и Святаго Духа;* остались тусклые слѣды чего-то такого: *помилуй*, чего-то такого о *трехъ*, о которыхъ кстати напоминало то, что и ихъ, и старцевъ, было трое же. Ихъ безпомощность среди дикой, скудной, суровой природы вынуждала иногда обращеніе очей горѣ и молитвеннаго вопля къ небу. Вотъ и вышло грустное и скудное: *трое насъ*, *трое васъ*, *помилуй насъ*. Проще сказать, старцы выжили изъ ума, сдѣтинились и одичали. Конечно, по морю, яко по суху, они не ходили и ѳаворскимъ свѣтомъ не сіяли. А въ одичаніи своемъ уже неспособны были даже безсмысленно затвердить молитву Господню: *Отче нашъ*... „Одно слово выскочило, забыли, все разсыпалось“... А графъ Левъ Толстой, отъ великаго пошатнувшагося ума, хочетъ и хлопочетъ, чтобъ и вся Русь, отказавшись отъ вѣры и церкви, одичала: чтобъ забыла даже: *Отче нашъ*... Не нужно-де. И онъ, увы! учитель многихъ, очень многихъ, очень ум-

ныхъ, съ ихъ стороны учитель желанный, съ своей стороны —самозванный.

Дѣти! Учитесь, чтобъ учить. Вотъ сей ересеучитель учитъ св. Русь, ни болѣе ни менѣе, какъ невѣжеству въ вѣрѣ, учитъ однакоже, дѣйствуя на умы своимъ замѣчательнымъ, хотя и растлѣннымъ умомъ. Такъ дѣйствуютъ и всѣ враги церкви и вѣры Христовой. Дѣйствуютъ умами же и ученіемъ, развращая народный смыслъ. Поэтому, чтобъ и оздоровлять народный смыслъ, среди современнаго нездравомыслія, среди повальной заразы шатанія умовъ, нужно дѣйствовать на народъ умомъ же, умомъ здоровымъ, крѣпкимъ, правильно развитымъ и настойчивымъ. Учитесь же уму-разуму, основывая свое умственное и нравственное развитіе на началѣ премудрости, на страхѣ Божіемъ. Аминь.

БЕСѢДА III.

Въ день св. апостола Андрея Первозваннаго *).

О томъ, что ересеученіе графа Льва Толстаго разрушаетъ самыя основы не только православно-христіанской вѣры, но и всякой религіи.

Внемлите отъ лживыхъ пророкъ, иже приходятъ къ вамъ во одеждахъ овчихъ, внутрь же суть волцы хищницы. Отъ плодъ ихъ познаете ихъ (Матѳ. 7, 15—16).

По плодамъ узнавайте дерево. По корнямъ, по вѣтвямъ не всегда разберете разницу между деревьями. Тамъ незначительная, повидимому, и незамѣтная разность, въ строеніи ли частей, въ смѣшеніи ли соковъ,—эта разность сопровождается въ плодахъ уже ощутительнымъ, часто огромнымъ различіемъ. По строенію, по растворенію соковъ въ деревѣ не вдругъ различите яблоню дикую отъ культированной. Но какое разстояніе между плодами одной отъ другой! По плодамъ различите ихъ одну отъ другой легко. Въ системѣ того или другаго вѣроученія корни—это всегда догматы, а плоды—это нравоученіе, это практическіе выводы, это жизненный духъ, какой изъ нихъ развивается. Въ корняхъ, въ догматахъ разница кажется иногда кое-кому и не особенно-поразительною; но смотрите, въ практическихъ выводахъ она отразится болѣе или менѣе рѣзко и откликнется на измѣненіи всего духа жизни такъ или иначе вѣрующаго общества. Такъ папство развило свой жизненный

*) Изложена въ залѣ Одесской духовной семинаріи.

РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА

духъ. Протестантство свой. Нашъ расколъ старообрядчества свой. Духоборчество свой. Штундизмъ развиваетъ и еще разовьетъ свой. Наконецъ, Толстовщина грозитъ развитіемъ своего духа, радикально разрушительнаго духа. Небольшое отклоненіе радіуса у центра отразится большимъ отклоненіемъ у периферіи, и чѣмъ больше оно у центра, тѣмъ больше, въ квадратахъ и кубахъ будетъ больше у отодвигающейся периферіи. Чего же добраго ждать отъ практическихъ выводовъ графа Льва Толстаго, когда онъ сдвигаетъ самый центръ христіанства съ его основы и силится установить свой новый центръ вѣроученія, вѣроученія не Христова, а Іисусова? Замѣчательно, что онъ избѣгаетъ имени Іисусъ Христосъ, а употребляетъ почти исключительно только имя Іисусъ. И вѣра у него выходитъ не Христова, а Іисусова, точнѣе, вѣра самаго Толстаго. Какихъ ждать плодовъ отъ его нравоученія, когда онъ подрываетъ самые корни истинно евангельскаго Христова вѣроученія, и подрываетъ съ самаго ихъ основанія? Онъ подрываетъ корни не только истинной Христовой вѣры, но и всякой религіи. На этомъ мы и намѣрены остановить ваше вниманіе. Будемъ излагать вѣру графа Льва Толстаго собственными его изреченіями.

Метафизическое ученіе Іисуса,—проповѣдуетъ графъ, — не ново. Основаніе древняго ученія евреевъ и ученія Іисуса одно и тоже—любовь къ Богу и ближнимъ. Однакоже сила ученія Іисуса заключается собственно не въ метафизикѣ, а въ приложеніи метафизической доктрины къ жизни. Ученіе Іисуса не можетъ не быть принято *искреннимъ іудеемъ такъ же, какъ и ученикомъ Конфуція, буддистомъ, магометаниномъ, какъ и людьми нашего христіанскаго міра*, которые теперь не имѣютъ никакого нравственнаго закона. Ученіе Іисуса (разумѣя ученіе собственно нравственно-практическое) никакимъ образомъ не можетъ противорѣчить людямъ нашего вѣка въ ихъ міросозерцаніи. Оно уже напе-

редъ согласно съ ихъ метафизикой. Предположимъ, что вы *искренній христіанинъ* какого бы то ни было вѣроисповѣданія. Вы вѣрите въ твореніе міра, въ Троицу, въ грѣхопаденіе и искупленіе людей, въ таинства, въ молитвы, въ церковь. Ученіе Іисуса (разумѣя только нравственно-практическое ученіе) не только не ниспровергаетъ ваше міровоззрѣніе, но оно абсолютно согласно съ вашей космогоніей. *Вѣрьте въ воскресеніе, въ рай, въ адъ, въ геенну, въ церковь, въ таинства, въ искупленіе;* молитесь согласно съ предписаніями вашей религіи, говѣйте, причащайтесь, пойте гимны, —ученіе Іисуса (разумѣя только нравственное) обязательно для васъ, потому что оно есть ученіе вашего Бога. Предположимъ, что *вы невѣрующій, вы философъ* какой-нибудь школы. Вы утверждаете, что вещи въ мірѣ происходятъ въ силу какого нибудь открытаго вами закона. Ученіе Іисуса (разумѣя только нравственное) не возстаетъ противъ васъ, —оно признаетъ открытый вами законъ. Предположимъ, что *вы человѣкъ средины, полувѣрующій, полускептикъ*, у котораго нѣтъ времени поглубже понять смыслъ жизни, и у котораго нѣтъ опредѣленнаго воззрѣнія, — ученіе Іисуса (нравственно-практическое) нисколько не противорѣчитъ и вамъ. *Люди вѣрующіе* говорятъ, что нужно изучить три лица Троицы: нужно знать, какая природа у каждаго изъ лицъ, какія существуютъ таинства, какія изъ нихъ нужно и не нужно совершать, потому что спасеніе людей произойдетъ не отъ нашихъ усилій, но отъ Троицы и правильнаго совершенія таинствъ. *Скептики* говорятъ: нужно знать, по какимъ законамъ совершаетъ свое развитіе безконечно малая частица матеріи въ безконечномъ пространствѣ и времени; улучшеніе же человѣка совершится не человѣкомъ, а въ силу законовъ, какіе мы откроемъ. *Церковь* говоритъ: ученіе Іисуса здѣсь на землѣ не можетъ быть осуществлено вполнѣ, потому что земная жизнь есть только отраженіе истин-

ной жизни; въ ней много зла; наилучшій способъ провести эту жизнь это жить *вѣрой, т. е. воображеніемъ*, въ жизнь будущую, вѣчную, и молиться милостивому Богу. *Философія, наука, общественное мнѣніе* говорятъ: жизнь зависитъ отъ общихъ законовъ; и будемъ увѣрены, что хотя бы мы жили и дурно, по закону прогресса историческаго, соціологическаго и какого-нибудь другаго, наша жизнь вдругъ сама собою сдѣлается хорошею. Между тѣмъ, всѣ они, и церковь и наука, могутъ согласиться въ ученіи Іисусовомъ. Какъ же это такъ? А вотъ какъ. Графъ Толстой убѣжденъ, что чрезъ нѣсколько вѣковъ исторія того, что называютъ умственною дѣятельностію нашихъ славныхъ послѣднихъ вѣковъ, сдѣлается для будущихъ поколѣній предметомъ, вызывающимъ неистощимую веселость и жалость. Скажутъ: въ теченіе многихъ вѣковъ ученые западной части великаго континента находились въ состояніи повальнаго сумасшествія: *они вообразили себя обладателями вѣчной жизни*, и неустанно трудились надъ составленіемъ различныхъ сочиненій, имѣвшихъ цѣлью *точно опредѣлить, по какимъ законамъ осуществится для нихъ эта жизнь*. Всего печальнѣе покажется будущему историку то, что онъ увидитъ, что у этой группы людей былъ *одинъ учитель (Іисусъ), который училъ ихъ правиламъ простымъ и яснымъ, точно указывая, что имъ нужно дѣлать, чтобы сдѣлать свою жизнь счастливою*, и что слова этого учителя были истолкованы одними въ томъ смыслѣ, что этотъ учитель придетъ на облакѣ устроить все, а другими въ томъ смыслѣ, что слова учителя достойны удивленія, но мало практичны, и человѣческій разумъ самъ долженъ заниматься исключительно изученіемъ законовъ этой жизни, не обращая вниманія на благо каждаго человѣка въ отдѣльности. Между тѣмъ жизнь похожа на ферму, снабженную всѣмъ въ изобиліи для всѣхъ людей. Но люди, приходя сюда, дерутся. Избитые, голодные

они оставляютъ ферму, то есть умираютъ, принимая ферму за гостинницу, *вообразивши, что обѣщанная ферма, вполнѣ устроенная, будетъ гдѣ-то въ другомъ мѣстѣ*... О, еслибы люди, — восклицаетъ графъ-провѣдникъ,—перестали стремиться къ своей погибели и ожидать, что кто-нибудь придетъ къ нимъ на помощь, наприм., Христосъ на облакахъ при звукѣ трубъ! Или о, еслибы они перестали ссылаться на какой-нибудь законъ исторіи, законъ прогресса, по которому жизнь улучшится сама собой! *Никто не прійдетъ имъ на помощь*, если они не будутъ помогать сами себѣ. А чтобы помогать самимъ себѣ, *не нужно ждать ничего ни отъ неба, ни отъ земли*, а нужно только перестать трудиться для своей собственной погибели. Короче и яснѣе, *никакого личнаго безсмертія на небѣ нѣтъ. А нужно всѣмъ трудиться надъ устройствомъ общечеловѣческаго счастія здѣсь на землѣ.* Въ этомъ послѣднемъ выводѣ всѣ, какъ вѣрующіе, такъ и невѣрующіе, могутъ согласиться.

Въ „религіи“ графа прямо говорится, что *ожидать новой лучшей жизни, той жизни, въ которой будетъ доступно человѣку ближайшее общеніе съ Богомъ, блаженство личности, рай, мы не должны.* Жить по природѣ, работать мускулами преимущественно и умереть—вотъ нормальная задача, цѣль человѣческаго бытія. Этого взгляда будто бы держались всѣ мудрецы древности, и особенно Іисусъ, глаголемый Христосъ.

Жизни индивидуальной, личной,—проповѣдуетъ графъ, —всегда угрожаетъ смерть. Жизнь, какъ жизнь личная, не только не имѣетъ для каждаго изъ насъ, взятаго въ отдѣльности, никакого смысла, но напротивъ, она жестокая насмѣшка надъ сердцемъ и разумомъ. Сѣкира лежитъ у корня всякаго дерева: смерть, гибель подлѣ каждаго изъ насъ... Если вы трудитесь для одного себя, для вашего личнаго будущаго, то знайте, что васъ въ будущемъ ожидаетъ смерть.

И эта смерть разрушитъ все, все лично для васъ. Слѣдовательно, жизнь для себя не можетъ имѣть никакого смысла. Разумная жизнь должна быть отлична отъ этой жизни. Она должна имѣть въ виду иной предметъ, чѣмъ бѣдная человѣческая личность. Истинная жизнь есть та жизнь, которая прибавляетъ ко благу, собранному поколѣніями прошедшими, которая умножаетъ это наслѣдство въ настоящемъ и завѣщаетъ его поколѣніямъ будущимъ. Изъ всѣхъ евангелій видно,—проповѣдуетъ графъ,—что (будто) Іисусъ училъ только этой жизни. „*Іисусъ*“ (будто) „*не только никогда ничего не говорилъ въ подтвержденіе индивидуальнаго воскресенія и индивидуальнаго замогильнаго безсмертія*, но напротивъ, всякій разъ, когда встрѣчалъ это суевѣріе, внесенное въ эту пору въ Талмудъ, и котораго даже „*слѣда*“ (будто бы) „*нѣтъ у еврейскихъ пророковъ, Онъ*“ (будто бы) „*непремѣнно отрицалъ его... Іисусъ* (будто бы) „*никогда и нигдѣ не говорилъ о своемъ личномъ безсмертіи...* Іисусъ противопоставляетъ личной жизни“ (будтобы) „*не жизнь замогильную, но жизнь общую, которая сливается съ настоящею, прошедшею и будущею жизнью всего человѣчества*. Продолжаемость жизни въ потомствѣ одного народа сомнительна, потому что самый народъ можетъ исчезнуть. Продолжаемость жизни, по ученію Іисуса, принадлежитъ всему человѣчеству, и она несомнѣнна. *Вѣра въ личное безсмертіе, въ будущія награды и наказанія* не только не облегчаетъ пониманія ученія Іисуса, а напротивъ, отнимаетъ у него его главное основаніе. Вся доктрина Іисуса состоитъ въ ученіи отрекаться *отъ личной жизни, которая есть химера*, и вводитъ эту личную жизнь *въ общую жизнь человѣчества, въ жизнь Сына человѣческаго, которая одна безсмертна несомнѣнно. Но ученіе о безсмертіи души индивидуальной* не только не располагаетъ къ отреченію отъ личной жизни, а напротивъ, закрѣпляетъ инди-

видуальность навсегда. По понятіямъ іудеевъ, китайцевъ, индусовъ и всѣхъ людей, не вѣрующихъ въ догматъ паденія, искупленія, жизнь есть жизнь; она такова, какова она есть. Человѣкъ живетъ: вступаетъ въ бракъ, раждаетъ дѣтей, воспитываетъ ихъ, старѣется, умираетъ. Его дѣти вырастаютъ; они продолжаютъ его жизнь, которая такимъ образомъ безъ перерыва переходитъ изъ одного поколѣнія въ другое. *Жизнь есть жизнь, и намъ нужно пользоваться ею, какъ можно лучше.* Жить для себя одного, животной жизнью, неразумно. Посему люди, какъ начали существовать, ищутъ *цѣлей бытія внѣ самихъ себя: они живутъ для своихъ дѣтей, для своего семейства, для народа, для человѣчества, для всего, что не умираетъ съ жизнью личности...* Это и значитъ жить для истиннаго безсмертія Оно единственно и исключительно *въ неумирающей жизни всего человѣческаго рода, въ жизни Сына человѣческаго*"... По графу, „*только церковь выдумала химеры. Іисусъ* (будто бы) *не говорилъ о будущей жизни*"; Ему даже неизвѣстно ученіе о паденіи Адама, о вѣчной жизни въ раю, о безсмертной душѣ, вдохнутой Богомъ Адаму. „Іисусъ (будто бы) *говорилъ только о жизни такой, какова она есть и будетъ для людей*". Я знаю,—проповѣдуетъ графъ,— „что моя жизнь съ точки зрѣнія моего индивидуальнаго счастія, моя жизнь, взятая отдѣльно, есть *величайшая безсмыслица*, и что *это глупое существованіе окончится такою же глупою смертію.* Но моя жизнь и моя смерть будутъ имѣть смыслъ для жизни всѣхъ.

Такимъ образомъ, какъ мы видимъ, графъ Левъ Толстой отвергаетъ основной догматъ не только христіанства, воскресеніе Іисуса Христа, но основной догматъ и всякой религіи, ученіе о загробной жизни. Въ тоже время графъ продолжаетъ настаивать, что его ученіе есть единственное

истинное ученіе Іисуса. На какомъ же основаніи онъ это утверждаетъ?

„Истинное евангельское ученіе“,—проповѣдуетъ графъ, —„открыто мнѣ *не систематическимъ, методическимъ изученіемъ его, а какимъ-то внезапнымъ озареніемъ. Я нашелъ ключъ къ истинному смыслу ученія Іисуса.* Съ моего дѣтства, съ тѣхъ поръ, какъ я началъ читать евангеліе, меня всего болѣе трогала та часть доктрины Іисуса, гдѣ онъ учитъ любви, смиренію, уничиженію, отреченію и обязанности не воздавать зломъ за зло. *Такова была всегда для меня сущность христіанства; мое сердце признавало тутъ истину*, несмотря на мой скептицизмъ и мое отчаяніе. Обратившись къ религіи и сперва подчинясь церкви, я замѣтилъ, что я не нашелъ въ ея ученіи подтвержденія этой самой сущности христіанства. Церковь, кромѣ внутренней стороны—любви, смиренія, самоотреченія, признаетъ въ христіанствѣ внѣшній смыслъ, догматическій. Этотъ смыслъ чуждъ для меня, даже отталкиваетъ меня. *Въ ученіи церкви меня отталкивали странность ея догматовъ и ея одобреніе, поддержка, какую она оказывала преслѣдованіямъ, смертной казни, войнамъ*, возбуждаемымъ взаимною нетерпимостію всѣхъ церквей. Но особенно поколебали мою довѣренность *къ церкви индифферентизмъ церкви ко всему, что мнѣ казалось въ евангеліи существеннымъ, и ея пристрастіе къ тому, что мнѣ казалось второстепеннымъ.* Церковь не давала мнѣ того, чего я ожидалъ отъ нея. Я перешелъ отъ нигилизма къ церкви единственно потому, что я чувствовалъ невозможность жить безъ религіи, т. е. безъ знанія того, что добро и что зло. Но церковь предлагала мнѣ правила, въ которыхъ я не находилъ той практики христіанской жизни, которая была мнѣ такъ дорога. *Правила церкви касательно членовъ вѣры, догматы, соблюденіе таинствъ, посты, молитвы не были для меня необхо-*

димы, и я не видалъ тутъ правилъ, основанныхъ на истинѣ христіанской. Всего болѣе меня возмущало то, что *всѣ бѣдствія человѣчества, обычай судить другъ друга, судить націи и религіи, войны и убійства, которыя были слѣдствіемъ этого,* все это дѣлалось съ одобренія церкви. Послѣ многихъ сомнѣній и страданій, я снова остался одинъ съ моимъ сердцемъ и съ таинственной книгой евангелій. Мнѣ не удавалось ни найти въ этой книгѣ того смысла, какой находили въ ней другіе, *ни открыть тотъ смыслъ, котораго я искалъ;* а еще менѣе я могъ отказаться отъ этого исканія. Я только тогда вдругъ сразу понялъ то, чего не понималъ прежде, когда бросилъ объясненія ученой критики и теологіи, по слову Іисуса: *если вы не будете, какъ маленькія дѣти, вы не войдете въ царство небесное.* Я понялъ все, потому что забылъ всякіе комментаріи. Ключемъ ко всему послужило слово Христово: „*не противиться злу, которое хотятъ вамъ сдѣлать*“. Лишь только открылся предо мною точный и простой смыслъ этихъ словъ, я понялъ, что *Іисусъ говоритъ ни болѣе, ни менѣе,* какъ именно то, что Онъ говоритъ. *И тотчасъ я увидѣлъ, какъ исчезло все, что затемняло для меня истину, и истина явилась мнѣ во всемъ своемъ величіи.* Лишь только я постигъ простой и точный смыслъ этихъ словъ, какъ *вдругъ для меня стало ясно все, что было темно во всѣхъ четырехъ евангеліяхъ.*

И вотъ передѣлывая четыре евангелія въ одно,—говоритъ графъ,— „я старался методически, шагъ за шагомъ, разсѣять тотъ *туманъ,* который скрывалъ отъ людей истину; я переводилъ снова стихъ за стихомъ четвероевангелія, сравнивалъ ихъ, соединялъ ихъ въ новую конкорданцію; *исправлялъ заблужденія*“ (это въ евангеліяхъ заблужденія!). „*Всѣ другіе толкователи,* какъ принадлежащіе къ церкви, такъ и свободо-мыслящіе, *нелѣпо представляютъ*

ученіе Іисуса. Толковники церковные *преувеличиваютъ значеніе личности Іисуса, смотрятъ на него, какъ на Бога,* тогда какъ, по ученію графа, Іисусъ, какъ личность историческая, *былъ просто бѣднякъ, который имѣлъ обыкновеніе высказывать нравственныя сентенціи. Его подвергли бичеванію и предали позорной смерти*" (графъ употребляетъ о страданіяхъ и смерти Іисуса Христа выраженія рѣзкія и низменныя). „*А потомъ этого бѣднаго равви стали считать Богомъ*". Ученія Его не только никто изъ окружавшихъ Его, но и послѣ, до самаго обращенія графа Толстаго къ религіи, никто не понималъ, хотя почти всѣ цивилизованные народы стали и до послѣдняго времени состояли христіанами. Новѣйшіе же свободомыслящіе, въ своихъ сужденіяхъ объ Іисусѣ, противорѣчатъ ясному свидѣтельству исторіи, отвергая значеніе дѣла, совершеннаго Іисусомъ. Графъ проситъ читателя помнить, что *то, что отталкиваетъ его, читателя, и что представляется ему, читателю, суевѣріемъ, то не есть ученіе Іисуса;* что Іисусъ не можетъ быть повиненъ въ томъ безобразномъ преданіи, которое приписали къ Его ученію и выдавали за христіанство", т. е. *графъ уполномочиваетъ не только себя, но и всякаго читателя исключать изъ евангелія все, что угодно, что не нравится ему, всякому читателю!* На этомъ основаніи прежде всѣхъ самъ графъ выбрасываетъ изъ св. писанія новаго завѣта все высокое и чудесное. Выбрасываетъ богооткровенныя истины богословія, психологіи и проч., потому что онѣ не согласуются съ его разумомъ, почему и причисляются къ разряду суевѣрій. Повторяя постоянно, что нужно держаться истинныхъ буквальныхъ словъ евангелія, а не тѣхъ, которыя приписываются Іисусу толковниками, графъ приводитъ слова Христовы въ произвольномъ видѣ. Такъ, напр., въ евангеліи (Мат. 18, 6) говорится: кто соблазнитъ одного изъ малыхъ сихъ, вѣрующихъ

въ Меня, *тому* лучше было бы, если бы повѣсили *ему* мельничный жерновъ на шею и потопили *его* во глубинѣ морской; но графъ это мѣсто читаетъ такъ: „соблазнить ребенка такъ же дурно, какъ повѣсить *тому ребенку* жерновъ на шею и бросить въ воду. *Трудно, чтобы онъ выплылъ, а скорѣе потонетъ*“ (ребенокъ!). Тамъ же въ евангеліи (ст. 15—17) читается: „аще и церковь преслушаетъ, да будетъ *тебѣ якоже язычникъ и мытарь*“; у графа же это мѣсто читается такъ: „если же не послушаетъ обидѣвшій тебя и церкви, *то прости его*“. Тамъ же (ст. 18) въ евангеліи читается: *истинно говорю вамъ, что вы свяжете на землѣ, то будетъ связано на небѣ, и что разрѣшите на землѣ, то будетъ разрѣшено на небѣ*; у графа же читается: „*вѣдь вы сами знаете, что какъ завяжетесь на землѣ, таковы и будете предъ Отцемъ. А коли развяжетесь на землѣ, будете развязаны и предъ Отцемъ*“. Безсмыслица, но это для графа неважно. Начало евангелія у Іоанна: *въ началѣ бѣ Слово* .. превратилось у графа въ слѣдующую безсмыслицу: „*въ основу и начало всего стало разумѣніе жизни. Разумѣніе жизни стало вмѣсто Бога. Разумѣніе жизни есть Богъ!*“ — въ безсмыслицу однакоже крайне тенденціозную: „*разумѣніе жизни стало вмѣсто Бога! Богъ есть разумѣніе жизни!*“ не больше того. А такъ какъ личнаго высочайшаго Бога у графа Толстаго не оказывается, то вотъ *его сужденіе о существенномъ содержаніи евангелія*: 1) человѣкъ есть сынъ *безконечнаго начала, сынъ Отца*, но не личнаго Бога, сынъ не плотью, но духомъ; 2) и потому человѣкъ долженъ служить этому началу, Отцу и Богу (но не личному) духомъ (не таинствами, не богослуженіемъ, не молитвами); 3) жизнь всѣхъ людей имѣетъ божественное начало: *она одна свята*; 4) и потому человѣкъ долженъ служить этому началу *въ жизни всѣхъ людей*,—это воля Бога (безличнаго). *Жизнь*

всѣхъ людей единственная достопоклоняемая святыня; 5) истинная жизнь есть только въ каждый мигъ настоящаго; *обманъ жизни во времени, жизни прошедшаго и будущаго, т. е. вѣра въ вѣчность личнаго Бога, какъ и надежда на личное безсмертіе скрываетъ отъ людей истинную жизнь настоящаго*; 6) и потому человѣкъ долженъ стремиться къ тому, чтобы *разрушить обманъ прошедшаго и будущаго (обманчивую надежду на вѣчную премірную жизнь)*; 7) *истинная жизнь есть жизнь настоящаго, общая всѣмъ людямъ*. И 8) потому живущій въ настоящемъ общей жизнью всѣхъ людей соединяется *съ Отцемъ — началомъ и основой всей жизни. Оказывается, Отецъ — это безличное начало и основа всей жизни...* И это якобы проповѣдь Господа Іисуса Христа! Это якобы содержаніе четвероевангелія! Итакъ проповѣдь объ искупленіи отъ грѣха общечеловѣческаго, отъ природной грѣховности, благовѣстіе живота вѣчнаго, словомъ — Христово евангеліе сводится у графа къ ученію о томъ, что *человѣку нужно пользоваться какъ можно лучше мгновеніемъ быстро улетающаго настоящаго!* По графу, въ каноническихъ евангеліяхъ Іисусъ будто бы ничего не говоритъ о своемъ воскресеніи, вообще о воскресеніи изъ мертвыхъ. Дѣйствительно въ графскомъ евангеліи не говорится о воскресеніи потому, что все, что говорится, то зачеркнуто самимъ графомъ!

Поставивъ такимъ образомъ, въ своемъ евангеліи, разумъ на мѣсто Бога, провозгласивъ разумъ Богомъ, признавъ свой разумъ критеріемъ истины въ каноническихъ евангеліяхъ, передѣлавъ самое евангеліе по своему разуму, графъ, навязывая свое ученіе своему Іисусу, учитъ такъ-же думать и поступать и своихъ послѣдователей, т. е. считать свой разумъ богомъ и безусловнымъ судіей всего. Іисусъ училъ людей,—учитъ графъ,—прежде всего вѣрить въ свѣтъ, пока свѣтъ въ нихъ. Іисусъ учитъ людей ставить выше всего

этотъ свѣтъ разума, жить руководясь этимъ свѣтомъ,—не дѣлать того, на что *они сами смотрятъ, какъ на дѣло противное разуму.* Вы считаете,—проповѣдуетъ графъ,—безсмысленнымъ идти убивать на войнѣ турокъ или нѣмцевъ, не ходите.—Вы считаете неразумнымъ запирать въ тюрьмы, —не дѣлайте этого. Словомъ, не дѣлайте того, что теперь дѣлаетъ весь нашъ европейскій міръ. Вся наша нынѣшняя общественная жизнь,—учитъ графъ,—негодна въ самомъ своемъ корнѣ. Вся она основана *на насиліи.* Отъ насилія вся наша теперешняя жизнь проникнута развратомъ. Развратъ, по графу, скрывается и тамъ, гдѣ его никакъ не предполагаютъ; онъ гнѣздится даже въ томъ, что нынѣшніе люди считаютъ *самымъ законнымъ пользованіемъ своими правами, или исполненіемъ своихъ обязанностей: на насиліи основана администрація, на насиліи основанъ судъ; развратъ, произведеніе насилія— вся наша культура, вся цивилизація. Отсюда графъ дѣлаетъ такой выводъ: нужно радикально измѣнить всю теперешнюю нашу жизнь.* Мѣры палліативныя, частныя улучшенія, реформы нисколько не помогутъ; это будутъ все компромиссы со зломъ, которое, не уничтоженное въ корнѣ, вскорѣ возникнетъ снова и возникнетъ съ большею силою, какъ возвратившаяся болѣзнь, какъ усилившееся зло. *Корень всего общественнаго зла въ насиліи. Нынѣшнее общество все держится на насиліи одного человѣка* надъ другимъ, и оттого оно такъ несчастно и такъ развратно. Насиліе, на которомъ держится современное общество и отъ котораго жестоко страдаетъ какъ всякій членъ общества, такъ и все общество людей, налагаетъ, нынѣшнимъ строемъ жизни, на каждаго обязанность дѣлать зло ближнему, и чрезъ это дѣлать зло и себѣ самому. Всякая внѣшняя сила, *самая законная власть, есть насиліе,* которое должно быть изгнано изъ человѣческаго общества. *Итакъ нужно уничтожить насиліе вообще,* без-

дѣ и всецѣло. „Уничтожать насиліе“, (т. е. весь нынѣшній общественный порядокъ) „вообще, вездѣ и всецѣло“, это и значитъ, по графу Льву Толстому, „не сопротивляться злу или злому“. Ясны сколько противорѣчіе графа съ самимъ собою, столькожъ и *радикально-нигилистическая* въ немъ тенденція.

Теперь и спрашиваемъ: чтожъ это за религія, проповѣдуемая графомъ Львомъ Толстымъ, — религія безъ Бога и безъ вѣчной жизни и безсмертія? Чтожъ это за Іисусъ, бѣдный равви, жалкимъ образомъ казненный и, конечно, никогда не воскресавшій, даже не вѣрившій въ безсмертіе и въ личнаго Бога? Чтожъ это за евангеліе, которое пересочинилъ графъ Толстой, вымаравъ изъ евангелія все то, что ему, графу Толстому, въ подлинномъ Христовомъ евангеліи не нравится?! Чѣмъ же это графъ Толстой, поставляющій разумъ вмѣсто Бога, отличается отъ первыхъ французскихъ революціонеровъ, посадившихъ на престолѣ Божіемъ богиню разума? Проповѣдуя, что всякая власть есть насиліе, отвергая всякіе титулы и достоинства, воспрещая присягать на вѣрность Царю и отечеству, далеко-ль ушелъ графъ Толстой отъ французскихъ якобинцевъ, провозглашавшихъ всеобщую свободу, равенство и братство?! Чѣмъ графъ Толстой отличается отъ Герцена, отъ Чернышевскаго, отъ Добролюбова и отъ всѣхъ этихъ ходаковъ въ народъ, русскихъ нигилистовъ, которые учили, что весь общественный порядокъ христіанской Европы, особенно же Россіи гнилъ въ самомъ корнѣ и что его нужно вездѣ и всецѣло искоренить? Не тѣмъ ли только, что наши нигилисты проводили свое ученіе все же болѣе или менѣе сдержанно, тогда какъ графъ Левъ Толстой проповѣдуетъ открыто вслухъ всей Россіи? Не оставляетъ ли онъ позади себя всѣхъ самыхъ радикальныхъ учителей, проповѣдуя, что присяга на вѣрность — санкція обмана, суды — зло, войны — преступленіе, любовь къ отечеству

—омерзительный продуктъ безсмысленнаго воспитанія, всякая власть — насиліе, которое нужно всячески искоренять, чего не проповѣдывали ни французскіе революціонеры, ни наши нигилисты? Не почтеннѣе-ли, не благороднѣе-ли графа Льва Толстаго даже нигилисты, которые вызывали общество на бой съ собой довольно открыто, рискуя слишкомъ многимъ и съ своей стороны; а сей графъ проповѣдуетъ неслыханныя, нестерпимыя вещи, странно расчитывая на общественное русское неразуміе, окруженный ребяческимъ благоговѣніемъ всей россійской интеллигенціи, покрываемый непонятною терпимостью тѣхъ, кому вѣдать бы его тенденціи надлежало; а что всего наглѣе, кощунно выступая въ статьи якобы благонамѣреннаго, даже горячаго христіанскаго проповѣдника, съ простодушнымъ коварствомъ рядясь въ тексты священнаго писанія, волкъ натягиваетъ на себя одежду овчую и безнаказанно проникаетъ во всѣ углы овчарни?!...

Графъ Левъ Толстой провозглашаетъ всѣхъ современныхъ европейцевъ, исповѣдующихъ древнюю христіанскую вѣру, сумасшедшими, заключая отъ частнаго къ общему, отъ противнаго, отъ самаго себя; не вѣрнѣе ли заключить наоборотъ, отъ общаго къ частному, отъ общаго противнаго къ частному противоположному, что онъ одинъ, считая себя одного здравомыслящимъ, между тѣмъ разсуждая не какъ всѣ, онъ-то одинъ и помѣшался въ умѣ и что въ отношеніи къ нему и справедливо и пора принять приличныя болѣзненному пораженію его ума мѣры врачеванія?...

Такъ вотъ куда, естественно и прямо, въ концѣ концовъ, заводитъ отступничество отъ православной христіанской вѣры. Опытъ этого мы видѣли въ русскихъ нигилистахъ. Опытъ того же видимъ и въ графѣ Львѣ Толстомъ. Онъ началъ, какъ и нигилисты начали, съ корня: съ подрытія корней христіанской вѣры, а оканчиваетъ, какъ и нигилисты, призывомъ ко всеобщему перевороту,—разрушать основы су-

ществующаго общественнаго и государственнаго порядка. Отступничество отъ вѣры — это корень, призывъ ко всеобщему взрыву — это плодъ. Если плодъ не хорошъ, поймите, что и корень не хорошъ. И помните, что отъ этого дурнаго корня выростетъ всегда и дурное дерево съ дурнымъ плодомъ — всеобщимъ переворотомъ.

Потому-то истинный Христосъ Богъ нашъ и предостерегаетъ насъ, вѣрныхъ чадъ своихъ, и все наше христолюбивое отечество и богопоставленныхъ носителей власти Божіей на землѣ: *берегитесь лжепророковъ, которые приходятъ къ вамъ въ овечьей одеждѣ, а внутри суть волки хищные. Всякое дерево, не приносящее плода добраго срубаютъ, и бросаютъ въ огонь. По плодамъ ихъ узнаете ихъ. Не всякій говорящій Мнѣ: Господи! Господи! войдетъ въ царствіе небесное, но исполняющій волю Отца моего небеснаго. Мнѣ скажутъ въ тотъ послѣдній день: Господи! Господи! не отъ твоего ли имени мы пророчествовали и проповѣдали? И тогда объявлю имъ: Я никогда не зналъ васъ; отойдите отъ Меня дѣлающіе беззаконіе* (Мат. 7, 15—23). Аминь.

БЕСѢДА IV.

На день святыхъ первоверховныхъ апостоловъ Петра и Павла, о томъ, что нельзя отдѣлять Господа нашего Іисуса Христа, главу церкви, отъ тѣла церкви и въ частности отъ святыхъ пророковъ и апостоловъ.

Кіими духовными пѣсньми похвалимъ Петра и Павла, новаго завѣта богописанныя скрижали мысленныя; ѩже въ Сіонѣ Христосъ возгласи? Стихира дневная.

Съ горы Синая въ ветхомъ завѣтѣ Богъ возгласилъ десять основныхъ заповѣдей своего закона, вслухъ всего Израиля; затѣмъ начерталъ ихъ собственнымъ перстомъ на вещественныхъ каменныхъ скрижаляхъ, которыя и вручилъ Моисею для руководства Израилю и всему человѣчеству. Подобно сему и въ новомъ завѣтѣ самъ Богъ начерталъ свой новозавѣтный законъ на скрижаляхъ же, только не каменныхъ, а мысленныхъ, на сердцахъ своихъ апостоловъ, первоверховныхъ Петра и Павла и всѣхъ святыхъ апостоловъ. А что самимъ Богомъ написано на сихъ мысленныхъ скрижаляхъ, то самъ Христосъ съ горы Сіонской провозгласилъ вслухъ всей церкви Божіей и всего свѣта. Въ этой пѣсни церковной, такимъ образомъ, выражена та коренная вѣра церкви, что самъ Христосъ Богъ, святымъ своимъ Духомъ, вдохновлялъ и просвѣщалъ святыхъ своихъ апостоловъ, самъ говорилъ ихъ устами, самъ писалъ ихъ перстами и вообще дѣйствовалъ ими, какъ избранными орудіями своими.

Но въ наши дни появилось особое ересеученіе, особенно рѣзко выразившееся именно въ нашемъ, сколько обуреваемомъ сильными, столько-жъ увлекающемся и всякими легкими вѣтрами отечествѣ, — ересеученіе, которое отдѣляетъ Господа Іисуса Христа отъ апостоловъ и отъ церкви и пустословитъ, что Іисусъ Христосъ провозгласилъ дѣйствительно высочайшее, чистѣйшее, истинно-божественное ученіе; но это ученіе будто-бы измѣнили во-первыхъ апостолы, а затѣмъ апостольскіе преемники, пастыри и учители церковные; будто исказили его до неузнаваемости, обременяя его съ теченіемъ вѣковъ больше и больше, каждый отъ себя, собственными измышленіями. Оно не ново — это лжеученіе. Оно современно самимъ апостоламъ. Уже въ ихъ пору появлялось много лже-апостоловъ, которые усиливались принимать личину апостоловъ Христовыхъ, а объ истинныхъ апостолахъ Христовыхъ внушали, будто они не чисто проповѣдуютъ слово Христово (2 Кор. 2, 17; 12, 13). Это лжеученіе особенно рѣзко выказалось въ писаніяхъ Цельса язычника, злѣйшаго врага Христовой церкви, еще во II вѣкѣ. И этого язычника, какъ и упомянутыхъ лже-апостоловъ не стыдится повторять въ себѣ именитый нашъ современникъ и соотечественникъ и единовѣрецъ, православный христіанинъ по крещенію, а теперь ни даже по имени, такъ какъ самъ отрекается отъ своей прародительской православно-христіанской вѣры. Напротивъ, самъ включаетъ себя въ число страстныхъ и злѣйшихъ враговъ православной церкви, особенно же ея предстоятелей. А толпа — всегда толпа, слѣдуетъ за вожакомъ, воображая, будто разсуждаетъ, будто слѣдуетъ сознательно, а не по стадному увлеченію неразумныхъ овецъ.

Между тѣмъ это ересеученіе разрушаетъ одинъ изъ коренныхъ догматовъ христіанства,—догматъ о томъ, что нельзя отдѣлять Господа нашего Іисуса Христа, какъ главу церкви, отъ тѣла церкви вообще, и во-первыхъ отъ пророковъ и апо-

столовъ. Такое отдѣленіе противно ясному, точному, многократно и многообразно повторенному ученію самого Іисуса Христа и всему разуму несомнѣнно подлиннаго историческаго ученія святыхъ апостоловъ.

Вѣритъ же главный виновникъ этого новѣйшаго ересеученія евангелію или даетъ видъ, будто вѣритъ. Предварительно замѣтимъ, что у новѣйшихъ ересеучителей принято за правило противополагать первыхъ трехъ евангелистовъ (синоптиковъ) четвертому, евангелисту Іоанну, такъ что одни изъ еретиковъ даютъ предпочтеніе тремъ первымъ евангеліямъ, а другіе четвертому предъ тремя первыми. Посему и мы проведемъ изъясняемый нами догматъ сперва по тремъ первымъ евангеліямъ, затѣмъ по четвертому. При этомъ увидимъ, что въ четвертомъ онъ раскрытъ гораздо шире, хотя и въ трехъ первыхъ заложены уже всѣ его основы. Направимъ наше изслѣдованіе къ разъясненію той истины, что истинные апостолы Христовы и не могли проповѣдывать иное, какъ только единственно и исключительно истинное и подлинное ученіе Христово.

Самимъ Христомъ сказано апостоламъ при самомъ ихъ призваніи: „грядите по Мнѣ, и сотворю васъ ловцами человѣковъ“ (Матѳ. 4, 3). Во-первыхъ апостоламъ, а затѣмъ уже всѣмъ ученикамъ Христовымъ сказано: „вы есте соль земли. Вы есте свѣтъ міра. Не мните, что Я самъ пришелъ разорить законъ Моисеевъ, или ученіе пророковъ. Не пришелъ Я разорить, но исполнить и восполнить. Такъ и изъ васъ если кто разоритъ одну изъ сихъ заповѣдей, хотя самую малую, и научитъ такъ человѣковъ, малымъ наречется въ царствѣ небесномъ“ (Матѳ. 5, 3—19). Посылая двенадесять апостоловъ на проповѣдь, Господь Іисусъ внушаетъ имъ: „Не заботьтесь, что и какъ вы станете говорить: *ибо не вы будете говорить, но Духъ Отца вашего будетъ говорить въ васъ* (Матѳ. 10, 20). Если кто не пріиметъ васъ и не

послушаетъ словесъ вашихъ, исходя изъ дома или града того, отрясите и прахъ отъ ногъ вашихъ. Аминь глаголю вамъ: отраднѣе будетъ земли Содомской и Гоморрской въ день судный. Иже васъ пріемлетъ, Мене пріемлетъ; и иже пріемлетъ Мене, пріемлетъ пославшаго Мя Отца“ (Матѳ. 10, 14—15, 40). Посылая на проповѣдь семьдесятъ другихъ апостоловъ, Господь Іисусъ говоритъ имъ тоже: *слушаяй васъ, Мене слушаетъ; и отметаяйся васъ, Мене отметается; отметаяйся же Мене, отметается пославшаго Мя Отца* (Марк. 10, 16). Тоже самое внушаетъ Господь святымъ апостоламъ и предъ смертію своею въ рѣчи своей о послѣднихъ судьбахъ міра: „не заботьтесь напередъ, что вамъ говорить, и не обдумывайте; *но что дано будетъ вамъ въ тотъ часъ, то и говорите: ибо не вы будете говорить, но Духъ Святый* (Марк. 13, 11). Когда поведутъ васъ въ синагоги и темницы, къ царямъ и владыкамъ, то это приключится вамъ во свидѣтельство. *Положите же себѣ на сердцѣ не обдумывать заранѣе, что отвѣчать. Азъ бо дамъ вамъ уста и премудрость, которой не возмогутъ противорѣчить, ни противостоять всѣ, противящіеся вамъ*“ (Лук. 21, 12—15). Прежде чѣмъ воздѣйствовать на апостоловъ особою чрезвычайною благодатію, прежде чѣмъ просвѣтить ихъ чрезвычайною силою Духа Святаго, Господь Іисусъ Христосъ просто въ естественномъ порядкѣ училъ ихъ, какъ совмѣстно со всѣмъ народомъ, такъ и особо наединѣ, ихъ однихъ. Когда св. апостолы спрашивали Его наединѣ: зачѣмъ Ты притчами говоришь имъ (народу),—Онъ въ отвѣтъ говорилъ имъ: „*вамъ дано отъ Отца моего разумѣти тайны царствія небеснаго, а тѣмъ не дано* (Матѳ. 13, 12). Тѣмъ внѣшнимъ все въ притчахъ предлагается, такъ что они своими глазами смотрятъ, и не видятъ; своими ушами слышатъ, и не разумѣютъ, такъ какъ еще не пришло время имъ обратиться; ибо одебелѣло сердце

людей сихъ“ (Марк. 14, 11—12). Наставляя апостоловъ всему, что имъ вѣдать надлежало, и всенародно, и особо наединѣ, Іисусъ Христосъ и вразумлялъ ихъ, исправляя ошибочныя ихъ воззрѣнія, какъ апостоловъ Іакова и Іоанна Зеведеевыхъ (Марк. 10, 35—45; Лук. 9, 51—56), или Филиппа (Іоан. 14, 8—10), и обличалъ, какъ апостола Петра (Матѳ. 16, 22—23), и предостерегалъ, какъ Іуду Искаріотскаго неоднократно. Тѣмъ не менѣе еще при жизни своей, до сошествія на апостоловъ Святаго Духа, Господь дѣйствовалъ на нихъ по временамъ и особымъ благодатнымъ откровеніемъ. Такъ Господь Іисусъ, послѣ Петрова исповѣданія Его Христомъ Сыномъ Бога живаго, изрекъ Петру: *блаженъ еси Симоне, сыне Іонинъ! Яко не плоть и кровь явили тебѣ сіе, но Отецъ мой, иже на небесѣхъ* (Матѳ. 16, 17). И не одному Петру Богъ Отецъ открывалъ тайны царствія небеснаго, но и прочимъ апостоламъ. Такъ, когда семьдесятъ возвратились съ проповѣди и разсказывали съ радостію своему Учителю, что и духи имъ повинуются, въ тотъ часъ возрадовался духомъ Іисусъ и говоритъ въ молитвенномъ обращеніи къ Богу Отцу: „исповѣдаюся Тебѣ, Отче, Господи небесе и земли, яко утаилъ еси сія отъ премудрыхъ и разумныхъ, *и открылъ еси та младенцемъ. Ибо таково было твое благоволеніе.* И обратившись къ ученикамъ, сказалъ: *все предано Мнѣ Отцемъ Моимъ. И кто есть Сынъ, не знаетъ никто, кромѣ Отца, и кто есть Отецъ, не знаетъ никто, кромѣ Сына, и кому Сынъ хочетъ открыть*“ (Лук. 10, 21—22). Св. апостоламъ Онъ самъ открылъ, и они знали, кто есть Отецъ и кто Сынъ. Знали потому, что ихъ, какъ и пророковъ, послала въ міръ премудрость Божія, она же ихъ и просвѣщала и руководила во всемъ (Лук. 11, 49). По воскресеніи же своемъ Господь Іисусъ особымъ чудодѣйственнымъ образомъ отверзъ имъ умъ къ уразумѣнію божественныхъ писаній, при чемъ разъ-

яснялъ: *что надлежитъ исполниться всему написанному о Немъ въ законѣ Моисеевомъ, и въ пророкахъ и въ псалмахъ; что такъ написано, и такъ надлежало пострадать Христу, и воскреснуть изъ мертвыхъ въ третій день, и проповѣдану быть во имя Его покаянію и прощенію грѣховъ во всѣхъ народахъ, начиная съ Іерусалима. Вы же свидѣтели сему*, – заключаетъ свою рѣчь Воскресшій. Несмотря на такое чудодѣйственное отверзеніе ихъ ума, Господь Іисусъ повторяетъ имъ и здѣсь, предъ вознесеніемъ, обѣтованіе о ниспосланіи на нихъ просвѣщающей, освящающей и укрѣпляющей благодати Святаго Духа, прежде чѣмъ идти имъ на проповѣдь евангелія: *И се Азъ пошлю обѣтованіе Отца моего на васъ; вы же оставайтесь въ городѣ Іерусалимѣ, доколѣ не облечетесь силою свыше* (Лук. 24, 44—53). И уже послѣ сего *идите по всему міру, и проповѣдуйте евангеліе всей твари. И се Азъ съ вами есмь во вся дни до скончанія вѣка. И они пошли и проповѣдывали вездѣ. И Господь имъ содѣйствовалъ и подкрѣплялъ ихъ слово послѣдующими знаменіями*, дарованною имъ силою чудотвореній (Марк. 16, 15 – 20).

Въ евангеліи св. Іоанна Богослова сей догматъ раскрытъ во всей глубинѣ и широтѣ, и что особенно для насъ драгоцѣнно, раскрытъ въ цѣльномъ образѣ, въ послѣдней прощальной бесѣдѣ Господа съ учениками. Сущность своихъ отношеній къ св. апостоламъ Господь Іисусъ представляетъ подъ образомъ лозы и вѣтвей. *„Я есмь истинная виноградная лоза*, – учитъ Онъ, – а Отецъ мой—виноградарь. Всякую у Меня вѣтвь, не приносящую плода, Отецъ отсѣкаетъ; и всякую, приносящую плодъ, очищаетъ, чтобы болѣе принесла плода. *Вы уже очищены чрезъ слово, которое Я проповѣдалъ вамъ*. Пребудьте во Мнѣ, и Я въ васъ. *Какъ вѣтвь не можетъ приносить плода сама собою, если не будетъ на лозѣ,—такъ и вы, если не будете во*

Мнѣ. Я есмь лоза, а вы вѣтви. Безъ Меня не можете дѣлать ничего. *Если пребудете во Мнѣ, и слова мои въ васъ пребудутъ.* Тѣмъ прославится Отецъ мой, если вы принесете много плода, и будете моими учениками. Не вы Меня избрали, а Я васъ избралъ, и поставилъ васъ, чтобы вы шли, и приносили плодъ, и чтобы плодъ вашъ пребывалъ. Я есмь путь, и истина, и жизнь; никто не приходитъ къ Отцу, какъ только чрезъ Меня. Если бы вы знали Меня, то знали бы и Отца моего. И отнынѣ знаете Его и видѣли Его. Ибо кто видѣлъ Меня, видѣлъ Отца. Я въ Отцѣ и Отецъ во Мнѣ. Какъ Я въ Отцѣ моемъ, такъ и вы во Мнѣ, и Я въ васъ. Кто имѣетъ заповѣди мои и соблюдаетъ ихъ, тотъ любитъ Меня; а кто любитъ Меня, тотъ возлюбленъ будетъ Отцемъ моимъ; и Я возлюблю его и явлюсь ему самъ. И Отецъ мой возлюбитъ его, и Мы прійдемъ къ нему и обитель у него сотворимъ. Самъ Отецъ любитъ васъ, потому что вы возлюбили Меня, и увѣровали, что Я изшелъ отъ Бога. Я изшелъ отъ Отца и пришелъ въ міръ; и опять оставляю міръ, и иду къ Отцу. Но для васъ лучше, чтобы Я пошелъ. Ибо если Я не пойду, Утѣшитель не прійдетъ къ вамъ, а если пойду, то пошлю Его къ вамъ. *Я умолю Отца, и дастъ вамъ инаго Утѣшителя, да пребудетъ съ вами во вѣкъ, Духа истины, котораго міръ не можетъ принять, потому что не видитъ Его и не знаетъ Его, а вы знаете Его, ибо Онъ съ вами пребываетъ, и въ васъ будетъ.* Не оставлю васъ сиротами. Сіе говорилъ Я вамъ, находясь съ вами. *Утѣшитель же, Духъ Святый, котораго пошлетъ Отецъ во имя мое, научитъ васъ всему, и напомнитъ вамъ все, что Я говорилъ вамъ. Еще многое имѣю сказать вамъ; но вы теперь не можете вмѣстить. Когда же прійдетъ Онъ, Духъ истины, то наставитъ васъ на всякую истину; ибо не отъ Себя говорить будетъ, но будетъ говорить, что услышитъ, пото-*

му что отъ моего возметъ и возвѣститъ вамъ. Все, что имѣетъ Отецъ, есть мое; потому Я и сказалъ, что Утѣшитель отъ моего возметъ, и возвѣститъ вамъ. Когда прійдетъ сей Утѣшитель, котораго я пошлю вамъ отъ Отца, Духъ истины, который отъ Отца исходитъ, Онъ будетъ свидѣтельствовать о Мнѣ. А также и вы будете свидѣтельствовать, потому что вы пребыли сначала со Мною, какъ мои самовидцы. *И въ тотъ день вы не спросите Меня ни о чемъ. Доселѣ Я говорилъ вамъ притчами; но наступаетъ время, когда уже не буду говорить вамъ притчами, но прямо возвѣщу вамъ объ Отцѣ. Еще не много, и міръ уже не увидитъ Меня: ибо Я живу, и вы будете жить. Въ тотъ день узнаете вы, что Я въ Отцѣ моемъ, и вы во Мнѣ, и Я въ васъ. Аминь, аминь глаголю вамъ: вѣрующій въ Меня, дѣла, которыя творю Я, и онъ сотворитъ, и больше сихъ сотворитъ, потому что Я къ Отцу моему иду".*

Такія свои наставленія св. апостоламъ объ отношеніи ихъ къ Нему, какъ вѣтвей къ лозѣ, Господь Іисусъ запечатлѣваетъ послѣднею своею предсмертною первосвященническою молитвою къ Богу Отцу, въ которой изрекаетъ къ лицу Бога Отца: *„Я открылъ имя твое человѣкамъ, которыхъ Ты далъ Мнѣ отъ міра; они были твои, и Ты далъ ихъ Мнѣ, и они сохранили слово твое.* Нынѣ уразумѣли они, что все, что Ты далъ Мнѣ, отъ Тебя есть. Ибо слова, которыя Ты далъ Мнѣ, Я передалъ имъ, и они приняли и уразумѣли истинно, что Я изшелъ отъ Тебя, и увѣровали, что Ты послалъ Меня. Когда Я былъ съ ними въ мірѣ, Я соблюдалъ ихъ во имя твое; тѣхъ которыхъ Ты далъ Мнѣ, Я сохранилъ. Я передалъ имъ слово твое, и міръ возненавидѣлъ ихъ, потому что они не отъ міра, какъ и Я не отъ міра. Но какъ Ты послалъ Меня въ міръ, такъ и Я посылаю ихъ въ міръ. Я уже не въ мірѣ, но они остаются

въ мірѣ, а Я къ Тебѣ иду". Почему Господь Іисусъ и молитъ, чтобы Отецъ небесный *„сохранилъ ихъ въ мірѣ отъ всякаго зла; молитъ не о всемъ мірѣ, но о тѣхъ, которыхъ Отецъ небесный далъ Ему*, объ избраннѣйшихъ ученикахъ, чтобы Богъ Отецъ *освятилъ ихъ истиною своею, освятилъ словомъ своимъ, которое есть истина; чтобъ они были едино, какъ Отецъ и Сынъ едино суть*; молитъ о нихъ преимущественно, впрочемъ не исключительно, молясь и о вѣрующихъ въ Него, во Христа, по слову ихъ, да будутъ всѣ едино, да разумѣетъ міръ, что Ты, Отче, послалъ Меня, и возлюбилъ ихъ, какъ возлюбилъ Меня,—міръ Тебя не позналъ, *а сіи познали, какъ и Я позналъ Тебя; Я открылъ имъ имя твое, и открою, да любовь, которою Ты возлюбилъ Меня, въ нихъ пребудетъ, и Я въ нихъ*".— Такъ заключаетъ Господь Іисусъ Христосъ свою первосвященническую молитву (Іоан. гл. 14—17).

Оглянемся же теперь назадъ на ученіе всѣхъ четырехъ евангелистовъ, на ученіе самого Господа Іисуса Христа объ отношеніи къ Нему святыхъ апостоловъ и къ возвѣщенной Имъ божественной истинѣ, Христову ли истину они возвѣщали? Могли ли они проповѣдывать иное, свое, а не Христово ученіе? Вотъ они отъ вѣка принадлежали Богу Отцу, который и предъизбралъ ихъ прежде сложенія міра. Богъ Отецъ далъ ихъ своему Сыну, Спасителю міра, который и избралъ ихъ отъ міра. Избралъ, чтобы сотворить ихъ ловцами человѣковъ, солію міра, свѣтомъ міра. Училъ ихъ самъ, вразумлялъ, обличалъ, предостерегалъ. Училъ вмѣстѣ съ прочими учениками, но училъ и особо, сокровенно, наединѣ, какъ избраннѣйшихъ своихъ учениковъ, какъ будущихъ избраннѣйшихъ учителей міра, проповѣдниковъ имени Его, какъ избраннѣйшихъ посланниковъ премудрости Божественной. Многое открывалъ имъ еще при жизни своей на землѣ особою Божественною своею благодатію, какъ Петру самъ Богъ Отецъ

открылъ единороднаго своего Сына въ лицѣ Христа Іисуса, открылъ, чтобы въ лицѣ Петра явить будущій незыблемый камень Христовой церкви, который и врата адова не одолѣютъ. Такъ и прочимъ апостоламъ, еще при жизни Христа на землѣ, самъ Богъ Отецъ открывалъ въ нѣкоторой мѣрѣ тайны царства небеснаго, открывалъ симъ младенцамъ, людямъ не книжнымъ, простымъ, утаевая въ тоже время сіи тайны отъ премудрыхъ и разумныхъ. По воскресеніи же своемъ Господь чудодѣйственно отверзаетъ имъ умъ разумѣти писанія Моусея и другихъ пророковъ, которые всѣ предвозвѣщали о Немъ, о Его пришествіи въ міръ, о Его страданіи и воскресеніи, и о спасеніи міра именемъ Его. Тѣми и другими, естественными и сверхъестественными способами, Господь Іисусъ открывалъ избраннѣйшимъ своимъ ученикамъ имя Бога Отца, передалъ имъ слова, которыя далъ ему самому самъ Богъ Отецъ. И они приняли, и уразумѣли истинно, что Христосъ изшелъ отъ Бога Отца. Но полное уразумѣніе божественной истины Христосъ обѣщаетъ имъ по сошествіи на нихъ Духа Утѣшителя, Духа истины, который наставитъ ихъ на всякую истину и воспомянетъ имъ все, что Христосъ говорилъ имъ при жизни; скажетъ имъ даже больше того, что они слышали отъ Него самого при жизни; но скажетъ не свое, но Христово же слово, потому что отъ Него же пріиметъ и возвѣститъ имъ, потому что Духъ Утѣшитель исходитъ вѣчно отъ Бога Отца, съ которымъ единородный Сынъ Его едино, какъ и вси сіи тріе, Отецъ, Сынъ и Святый Духъ, едино суть. По сошествіи же на апостоловъ Святаго Духа, по очищеніи ихъ благодатію Святаго Духа, тогда и апостолы будутъ едино со Отцемъ и Сыномъ и Святымъ Духомъ. Тогда Сынъ Божій прямо возвѣститъ имъ объ Отцѣ. Тогда они и Его самого, Сына Божія, увидятъ, какъ теперь, до смерти Его, пока не видятъ; тогда явится Онъ имъ самъ, чтобы пребывать съ ними во вѣкъ;

тогда и Духъ Святый, разъ сошедши на нихъ, пребудетъ съ ними также во вѣкъ, чтобы наставлять ихъ на всякую истину. Тогда Христосъ, какъ истинная лоза, привьетъ ихъ къ себѣ, какъ вѣтви, и они станутъ жить Его жизнію, просвѣщаться его вѣдѣніемъ, дышать Его духомъ, духомъ истины и правоты, такъ какъ Онъ есть путь, истина и жизнь. Тогда вѣрующіе въ Него, силою Его, сотворятъ дѣла, которыя Онъ самъ творилъ, и больше того сотворятъ. При жизни своей Христосъ самъ соблюдалъ своихъ учениковъ отъ міра; а теперь передъ смертію Онъ молитъ Бога Отца, чтобы самъ Богъ Отецъ соблюдалъ ихъ отъ мірскаго зла; молитъ, чтобы освящалъ ихъ истиною своею; молитъ о нихъ особо и исключительно, да будутъ они едино во Отцѣ и Сынѣ, чтобы и міръ чрезъ слово ихъ позналъ, что Отецъ послалъ Христа въ міръ, и чтобы чрезъ эту вѣру люди достигали жизни вѣчной, которая въ томъ и состоитъ, да знаютъ единаго истиннаго Бога Отца и егоже послалъ Онъ, Іисуса Христа. Тогда, по сошествіи на нихъ Святаго Духа, не они, не апостолы будутъ говорить, но Духъ Отца небеснаго будетъ говорить въ нихъ. Тогда Онъ самъ, Господь Іисусъ, дастъ имъ уста и премудрость, ейже не возмогутъ противитися или противостати. Тогда они пребудутъ въ Духѣ Святомъ, и Онъ въ нихъ; пребудутъ въ Сынѣ Божіемъ, якоже Онъ въ Отцѣ, и Отецъ въ Немъ, такъ и апостолы пребудутъ во Отцѣ и Сынѣ и Святомъ Духѣ. Тогда чрезъ нихъ Духъ святый будетъ свидѣтелемъ Іисуса Христа въ мірѣ, и они, пробывъ со Христомъ отъ начала, какъ самовидцы Слова, станутъ также Его свидѣтелями повсюду, отъ Іерусалима и до конецъ земли. Тогда кто приметъ ихъ, приметъ самаго Христа, а кто отвергнется ихъ, отвергнется самого Христа. Тогда, по сошествіи на нихъ Святаго Духа, они и дѣйствительно изшедше проповѣдаша слово Христово всюду, Господу поспѣшествующу, и слово ихъ, какъ истинное божественное сло-

во, утверждающу послѣдствующими знаменіями неисчислимыхъ чудотвореній.

Еслибъ кому недостаточными показались свидѣтельства первыхъ трехъ евангелистовъ въ подтвержденіе истины, что св. апостолы только продолжали проповѣдь самого Іисуса Христа, не придумывая отъ себя ничего съ нею несогласнаго, то вотъ цѣлый рядъ поразительнѣйшихъ доказательствъ, той же истины въ книгѣ Дѣяній апостольскихъ, написанной писателемъ третьяго евангелія, св. евангелистомъ Лукою. Вотъ Іисусъ по воскресеніи повелѣваетъ апостоламъ „отъ Іерусалима не отлучатися, но ждати исполненія обѣтованія Бога Отца, о которомъ вы слышали отъ Меня“,—говорилъ имъ воскресшій Господь, предъ самымъ вознесеніемъ. „Спустя немного дней вы имѣете креститься Духомъ Святымъ. И когда найдетъ на васъ Святый Духъ, вы пріимете силу, и будете для Меня *свидѣтелями* во Іерусалимѣ и во всей Іудеи и Самаріи и даже до концовъ земли“ (Дѣян. 1, 4—8). Вотъ одинъ изъ лика двѣнадцати, Іуда Искаріотскій, отпалъ и погибъ; апостолы озабочены восполненіемъ своего священнаго лика, и первоверховный Петръ держитъ къ нимъ такую рѣчь: *итакъ надобно, чтобъ одинъ изъ тѣхъ, которые находились съ нами во все время, когда пребывалъ и обращался съ нами Господь Іисусъ, начиная отъ крещенія Іоаннова до того дня, въ который Онъ вознесся отъ насъ, былъ вмѣстѣ съ нами свидѣтелемъ воскресенія Его.* И поставили двоихъ Іосифа и Матѳія и помолились и сказали: Ты, Господи, сердцевѣдецъ всѣхъ, покажи изъ сихъ двоихъ одного, котораго Ты избралъ принять *жребій сего служенія и апостольства.* И бросили о нихъ жребій“ (Дѣян. 1, 21—26). Итакъ, что значило принять жребій апостольства? Значило принять назначеніе—быть свидѣтелемъ проповѣдникомъ, на основаніи личнаго свидѣтельства, воскресенія Іисуса Христа и всѣхъ Его дѣяній и ученія за все

время, когда пребывалъ и обращался Господь Іисусъ съ апостолами, начиная отъ крещенія Іоаннова до того дня, въ который вознесся отъ нихъ предъ очами ихъ на небо. За симъ чрезъ всю книгу Дѣяній проходитъ эта идея, что святые апостолы были именно *свидѣтели жизни, дѣяній и ученія Іисуса Христовыхъ*. Въ этомъ качествѣ свидѣтелей они сами себя признаютъ, и постоянно заявляютъ, что они *свидѣтели и возвѣщаютъ то именно, чему сами личные свидѣтели*.

Такъ, тотчасъ по сошествіи св. Духа, первоверховный Петръ, сказавъ великому собранію народа свою первую проповѣдь, заключаетъ ее такъ: „сего Іисуса Богъ воскресилъ, *чему всѣ мы свидѣтели*. Затѣмъ Онъ, бывъ вознесенъ десницею Божіею, и принявъ отъ Отца обѣтованіе святаго Духа, излилъ то, что вы нынѣ видите и слышите“ (Дѣян. 2, 32—33). Тоже, немного дней спустя, утверждаетъ первоверховный Петръ въ рѣчи къ народу и во храмѣ іерусалимскомъ: „мужи израильскіе! Богъ отцовъ вашихъ прославилъ Сына своего Іисуса, котораго вы предали; вы отъ святаго и праведнаго отреклись, Начальника жизни убили. Сего Богъ воскресилъ изъ мертвыхъ, *чему мы свидѣтели*“ (Дѣян. 3, 12—16). Тоже выражаетъ первоверховный Петръ и въ рѣчи предъ синедріономъ, когда начальники іудейскіе запрещали имъ учить о имени Іисусовомъ. Петръ же и Іоаннъ въ отвѣтъ сказали имъ: „*аще праведно есть предъ Богомъ васъ послушати паче, нежели Бога, судите. Не можемъ бо мы, яже видѣхомъ и слышахомъ, не глаголати*“ (Дѣян. 4, 19—20),—не свидѣтельствовать о томъ, чему были очевидцами свидѣтелями. „И съ великою силою“,—заключаетъ св. дѣписатель (Дѣян. 4, 33),—„апостолы *свидѣтельствовали* о воскресеніи Господа Іисуса Христа“. Когда вторично поставили апостоловъ въ синедріонѣ, и спросилъ ихъ первосвященникъ, говоря: „не запретили ли мы вамъ накрѣпко

учить о имени семъ? и вотъ вы наполнили Іерусалимъ ученіемъ вашимъ,—Петръ и прочіе апостолы въ отвѣтъ сказали: должно повиноваться больше Богу, нежели человѣкамъ. Богъ отцовъ вашихъ воскресилъ Іисуса, котораго вы умертвили, повѣсивъ на древѣ. Его возвысилъ Богъ десницею своею въ Начальника и Спасителя. *Свидѣтели Ему въ семъ мы и Духъ Святый*, котораго Богъ далъ повинующимся Ему" (Дѣян. 5, 27—32). Когда Самарія приняла слово Господне отъ Филиппа, и когда находившіеся въ Іерусалимѣ апостолы, послѣ убіенія Стефана, услышавъ, что самаряне приняли слово Божіе, послали къ нимъ Петра и Іоанна, сіи апостолы, прибывъ въ Самарію, *засвидѣтельствовали*,—какъ выражается свящ. дѣписатель (Дѣян. 8, 25),—и проповѣдали тамъ слово Господне, затѣмъ обратно пошли въ Іерусалимъ, и во многихъ селеніяхъ самарійскихъ проповѣдали евангеліе. Тоже первоверховный Петръ возвѣщаетъ и въ домѣ Корнилія сотника: „Богъ",— проповѣдуетъ св. Петръ,— „послалъ сынамъ Израилевымъ слово, благовѣствуя миръ чрезъ Іисуса Христа; сей есть Господь всѣхъ. Вы знаете происходившее по всей Іудеѣ, начиная отъ Галилеи, послѣ крещенія, проповѣданнаго Іоанномъ; какъ Богъ Духомъ Святымъ и силою помазалъ Іисуса изъ Назарета, и Онъ ходилъ благотворя и исцѣляя всѣхъ, обладаемыхъ діаволомъ; потому что Богъ былъ съ Нимъ. *И мы свидѣтели всего, что сдѣлалъ Онъ въ странѣ іудейской и въ Іерусалимѣ*, и что наконецъ Его убили, повѣсивъ на древѣ. Сего Богъ воскресилъ въ третій день, и далъ Ему являться, не всему народу, *но свидѣтелямъ, предызбраннымъ отъ Бога, намъ, которые съ Нимъ пли и пили по воскресеніи Его изъ мертвыхъ, и Онъ повелѣлъ намъ проповѣдывать людямъ и свидѣтельствовать*, что Онъ есть опредѣленный отъ Бога Судія живыхъ и мертвыхъ. *О Немъ всѣ пророки свидѣтельствуютъ*,

что всякій вѣрующій въ Него получитъ прощеніе грѣховъ именемъ Его“ (Дѣян. 10, 36—43).

Тоже самое св. Петръ пишетъ и во второмъ посланіи своемъ (2 Петр. 1, 16—18), что *„мы возвѣщаемъ вамъ силу и пришествіе Господа нашего Іисуса Христа, не хитросплетеннымъ баснямъ послѣдуя, но бывъ очевидцами Его величія“*. И далѣе повѣствуетъ, что Христосъ Господь „отъ самого Бога Отца принялъ честь и славу, когда отъ велелѣпной славы принесся къ Нему такой гласъ: сей есть Сынъ мой возлюбленный, въ которомъ мое благоволеніе. И этотъ гласъ“, —прибавляетъ святый первоверховный апостолъ, — „принесшійся съ небесъ мы сами слышали, будучи съ Нимъ на святой горѣ“ Преображенія. И что сами апостолы видѣли и слышали, то благовѣствовали Духомъ Святымъ, ниспосланнымъ на нихъ съ небесъ. Не только апостолы, но и пророки благовѣствовали Духомъ Святымъ, именно Духомъ Христовымъ, въ нихъ живущимъ. „Пророки предсказывали, —пишетъ св. Петръ, —(1 Петр. 1, 10—12), — „какъ указывалъ сущій въ нихъ Духъ Христовъ, который предвозвѣщалъ чрезъ нихъ Христовы страданія и послѣдующую за ними славу; имъ открыто было, что не имъ самимъ, а намъ служило то, что нынѣ проповѣдано вамъ благовѣствовавшими Духомъ Святымъ (апостолами), посланнымъ съ небесъ. Никогда пророчество не было произносимо по волѣ человѣческой, но изрекали его святые Божіи человѣки, будучи движимы Духомъ Святымъ“ (2 Петр. 1, 21). Въ частности также о св. Павлѣ св. Петръ далъ свидѣтельство, что Павелъ написалъ свои посланія по данной ему отъ Бога премудрости (2 Пет. 3, 15).

Подобнымъ же образомъ св. евангелистъ Іоаннъ, въ концѣ своего евангелія, заявляетъ, что онъ только ученикъ свидѣтель того, что творилъ и чему училъ Его божественный Учитель (Іоан. 21, 24—25); что *видѣвшій свидѣтель-*

ствуетъ о семъ, и истинно *свидѣтельство* его; и онъ знаетъ, что говоритъ истину (Іоан. 19, 35). Мы *свидѣтельствуемъ* вамъ о томъ“,—такъ начинаетъ Іоаннъ свое первое посланіе (Іоан. 1, 1—3),—„что было отъ начала, что *мы слышали, что видѣли своими очами, что разсматривали и что осязали руки наши*, о Словѣ жизни, (ибо сія жизнь явилась, и *мы видѣли и свидѣтельствуемъ и возвѣщаемъ* вамъ сію вѣчную жизнь, которая была у Отца и явилась намъ),—о томъ, что *мы видѣли и слышали, возвѣщаемъ вамъ*, сіе и пишемъ вамъ. *Мы свидѣтели*, и вы знаете, что *свидѣтельство* наше истинно“,—такъ заключаетъ Іоаннъ свое третье посланіе (3 Іоан. ст. 12).

Евангелистъ Лука также свидѣтельствуетъ, что онъ пишетъ свое евангеліе „о совершенно извѣстныхъ между нами событіяхъ“, и пишетъ такъ, „какъ предали намъ то бывшіе съ самаго начала самовидцами и служителями Слова“. А въ началѣ Дѣяній апостольскихъ св. евангелистъ Лука такъ опредѣляетъ содержаніе своей книги, т. е. евангелія: „первую книгу написалъ я о всемъ, что *Іисусъ дѣлалъ и чему училъ отъ начала до того дня*, въ который Онъ вознесся, давъ Святымъ Духомъ повелѣнія апостоламъ, которыхъ Онъ избралъ, которымъ и явилъ Себя живымъ, по страданіи своемъ, со многими вѣрными доказательствами, въ продолженіи сорока дней являясь имъ и говоря о царствіи Божіемъ“ (Дѣян. 1, 1—3). *Чему мы всѣ точію свидѣтели есмы*, могли сказать о себѣ всѣ апостолы, могли сказать и въ концѣ своей апостольской проповѣди, какъ говорили въ началѣ (Дѣян. 2, 32).

Павлу апостолу самъ Господь, при самомъ первомъ явленіи своемъ ему, сказалъ: „Я для того и явился тебѣ, чтобы поставить тебя *служителемъ и свидѣтелемъ того, что ты видѣлъ и что Я открою тебѣ*“ (Дѣян. 26, 16). Тогда же, посылая Ананію къ Павлу, Господь Іисусъ засвидѣ-

тельствовалъ о немъ, что это — „*мой избранный сосудъ, мое избранное орудіе*, чтобъ возвѣщать имя мое предъ народами и царями и сынами Израилевыми. И *Я покажу ему*, сколько онъ долженъ подвизаться и пострадать за имя мое“ (Дѣян. 9, 15—16). Ананія же, явившись тогда же Павлу, возвѣщаетъ ему, что „Богъ отцовъ нашихъ предъизбралъ тебя, чтобы ты позналъ волю Его, *увидѣлъ Праведника и услышалъ гласъ изъ устъ Его*: потому что *ты будешь Ему свидѣтелемъ* предъ всѣми людьми о томъ, что *ты видѣлъ и слышалъ*“ (Дѣян. 22, 14—15). Святый Павелъ называетъ другихъ апостоловъ также *свидѣтелями* Христовыми. Такъ называетъ напр., Стефана (Дѣян. 22, 20), говоря въ видѣніи къ лицу самого Господа Іисуса Христа: „проливалась кровь Стефана, *свидѣтеля* твоего“.... Такъ называетъ и другихъ апостоловъ въ своей рѣчи къ іудеямъ въ Антіохіи Писидійской, опредѣляя содержаніе и характеръ ихъ проповѣди такимъ образомъ: „жители Іерусалима и начальники ихъ, не узнавъ Іисуса, исполнили слова пророческія. И не нашедши въ Немъ никакой вины, достойной смерти, просили Пилата убить Его. Когда же исполнили все, написанное о Немъ, то, снявъ съ древа, положили Его во гробъ. Но Богъ воскресилъ Его отъ мертвыхъ. Онъ въ продолженіи многихъ дней *являлся тѣмъ, которые вышли съ Нимъ изъ Галилеи въ Іерусалимъ, и которые нынѣ суть свидѣтели Его предъ народомъ*“ (Дѣян. 13, 27—31). Господь Іисусъ называетъ служеніе Павла *свидѣтельствомъ*, говоря ему въ видѣніи: какъ *свидѣтельствовалъ* ты о Мнѣ въ Іерусалимѣ, такъ надлежитъ тебѣ *свидѣтельствовать* и въ Римѣ (Дѣян. 23, 11); подобнымъ образомъ и самъ Павелъ называетъ свое апостольское служеніе *свидѣтельствомъ* же. — „Не обинухся“, — говоритъ онъ пресвитерамъ ефесскимъ, — „научити васъ предъ людьми и по домамъ, *засвидѣтельствуя* іудеемъ же и еллиномъ къ Богу покаяніе и вѣру въ Господа нашего

Іисуса Христа, чтобы скончати теченіе мое съ радостію и службу, юже пріяхъ отъ Господа Іисуса —*засвидѣтельствовати* евангеліе благодати Божія" (Дѣян. 20, 20—24).— „До сего дня стою",—говоритъ Павелъ въ рѣчи предъ царемъ Агриппою,— *„свидѣтельствуя малому и великому, ничего не говоря кромѣ того, о чемъ пророки и Моисей говорили, что это будетъ, т. е. что Христосъ имѣлъ пострадать и, возставъ первымъ изъ мертвыхъ, возвѣститъ свѣтъ народу іудейскому и язычникамъ"* (Дѣян. 26, 22—23). Также и о послѣднемъ времени дѣятельности св. Павла въ Римѣ, свящ. дѣписатель замѣчаетъ, что онъ „училъ іудеевъ въ Римѣ, *свидѣтельствуя* царствіе Божіе, и увѣряя ихъ, яже о Іисусѣ (приводя свидѣтельства и удостовѣряя ихъ о Іисусѣ) отъ закона Моисеева и пророковъ" (Дѣян. 28, 23).

Въ писаніяхъ своихъ св. Павелъ говоритъ о себѣ: „Павелъ *званный* (отъ Бога) апостолъ, *избранный* (отъ Бога) въ благовѣстіе Божіе (Рим. 1, 1). Я сдѣлался служителемъ церкви *по домостроительству Божію*, ввѣренному мнѣ для васъ, чтобъ исполнить слово Божіе. Для чего я и подвизаюсь *силою Божіею, дѣйствующею во мнѣ* могущественно (Кол. 1, 25—26). Павелъ апостолъ *по повелѣнію Бога Спаса* нашего и Господа Іисуса Христа, упованія нашего (1 Тим. 1, 1). *Богъ призвалъ насъ званіемъ святымъ по своему изволенію и благодати*, данной намъ во Іисусѣ Христѣ прежде лѣтъ вѣчныхъ, для котораго я поставленъ проповѣдникомъ и апостоломъ и учителемъ язычниковъ (2 Тим. 1, 9—11). Богъ явилъ свое слово въ проповѣди, ввѣренной мнѣ *по повелѣнію Спасителя нашего Бога* (Тит. 1, 3). *Богъ далъ мнѣ благодать* быть служителемъ Іисуса Христа у язычниковъ и совершать священнодѣйствіе благовѣствованія Божія (Рим. 15, 15—16); какъ и прочіе *апостолы посланы Богомъ и силою Его дѣйствуютъ. Самъ*

Богъ поставилъ однихъ апостолами, другихъ пророками, иныхъ евангелистами, иныхъ пастырями и учителями, къ совершенію святыхъ, въ дѣло служенія, для созиданія тѣла Христова (Еф. 4, 11—12). Никто не можетъ даже назвать Іисуса Господомъ, какъ только *Духомъ Святымъ*. Дары въ церкви Христовой различны, но раздаетъ ихъ *одинъ и тотъ же Духъ*. И служенія различны, а Господь одинъ и тотъ же. И дѣйствія различны; а Богъ одинъ и тотъ же, производящій все во всемъ. Но каждому дается *разное проявленіе Духа* на общую пользу. Одному дается Духомъ слово мудрости, другому слово знанія тѣмъ же Духомъ. Иному дары исцѣленій тѣмъ же Духомъ. Иному чудотворенія, иному пророчество, иному разные языки. *Все же производитъ одинъ и тотъ же Духъ*, раздѣляя каждому особо, какъ Ему угодно. Иныхъ *Богъ поставилъ* въ церкви во-первыхъ, апостолами, во-вторыхъ, пророками, въ-третьихъ, учителями, далѣе инымъ далъ силы чудодѣйственныя, также дары исцѣленій, разные языки“ (1 Кор. 12, 3—28). Посему Павелъ, какъ себя самого, такъ и прочихъ апостоловъ и пророковъ, считалъ только орудіями, только слугами Божіими, только исполнителями воли Божіей, провозвѣстниками Божіей премудрости.—„Хвалящійся хвались Господомъ“,— пишетъ св. Павелъ къ коринѳянамъ. „Я возвѣщалъ *свидѣтельство Божіе* не въ превосходствѣ слова или мудрости. Я разсудилъ быть у васъ *незнающимъ ничего, кромѣ Іисуса Христа, и сего распятаго*. Слово мое и проповѣдь моя не въ убѣдительныхъ словахъ человѣческой мудрости, но въ явленіи духа и силы, чтобы вѣровавшіе утверждались не на мудрости человѣческой, но на силѣ Божіей. Мудрость мы проповѣдуемъ не вѣка сего и не властей вѣка сего преходящихъ; но *проповѣдуемъ премудрость Божію, тайную, сокровенную. Намъ Богъ открылъ ее Духомъ своимъ*; ибо Духъ все проникаетъ, и глубины Божія. Божіяго никто не

знаетъ, кромѣ Духа Божія. Мы приняли не духа міра сего, а Духа отъ Бога, дабы знать дарованное намъ отъ Бога; что и возвѣщаемъ вамъ словами *не отъ человѣческой мудрости изученными, но изученными отъ Духа Святаго. Мы имѣемъ умъ Христовъ.* Посему кто Павелъ? Кто же Аполлосъ или Кифа? Они *только служители*, чрезъ которыхъ вы увѣровали, и притомъ настолько, *насколько каждому далъ Господь.* Я насадилъ, Аполлосъ поливалъ, но возрастилъ Богъ. Почему и насаждающій и поливающій есть ничто, а все Богъ возращающій. *Мы соработники у Бога. Я по данной Мнѣ отъ Бога благодати*, какъ мудрый строитель, положилъ основаніе, а другой строитъ на немъ; но каждый смотри, какъ строить. Ибо никто не можетъ положить *другаго основанія, кромѣ положеннаго, которое есть Іисусъ Христосъ.* Итакъ, каждый долженъ разумѣть насъ, какъ *служителей Христовыхъ и домостроителей таинъ Божіихъ.* Отъ домостроителей-же требуется только, чтобы *каждый оказался вѣрнымъ* своему господину, довѣрителю (1 Коринѳ. гл. 1, 3; 2, 1—16; 3, 5—11; 4, 1—2).

А въ посланіи къ галатамъ святый Павелъ, возвѣщая, что евангеліе, которое онъ благовѣствовалъ, *не есть человѣческое*, — ибо онъ принялъ это евангеліе и научился *не отъ человѣка, а чрезъ откровеніе Іисуса Христа*,—повѣствуетъ далѣе: „вы слышали о моемъ прежнемъ образѣ жизни въ іудействѣ, что я жестоко гналъ церковь Божію и опустошалъ ее. Когда-же Богъ, *избравшій меня отъ утробы матери моей, и призвавшій благодатію своею*, благоволилъ открыть во мнѣ Сына своего, чтобы я благовѣствовалъ Его язычникамъ, *я не сталъ тогда же совѣтоваться съ плотію и кровію*, и не пошелъ въ Іерусалимъ къ предшествовавшимъ мнѣ апостоламъ, а пошелъ въ Аравію, и опять возвратился въ Дамаскъ. Потомъ, спустя уже три года, ходилъ я во Іерусалимъ видѣться съ Петромъ, и пробылъ у

него дней пятнадцать. Другаго-же изъ апостоловъ я не видѣлъ никого, кромѣ Іакова, брата Господня. *А въ томъ что пишу вамъ, се предъ Богомъ, яко не лгу.* Послѣ сего отошелъ я въ страны Сиріи и Киликіи. Потомъ уже чрезъ четырнадцать лѣтъ опять ходилъ я въ Іерусалимъ съ Варнавою. Ходилъ же по откровенію, и предложилъ тамъ всей церкви, а особо знаменитѣйшимъ апостоламъ благовѣствованіе, проповѣдуемое мною язычникамъ, для увѣренія колеблющихся учениковъ, *не напрасно-ли я подвизаюсь, или подвизался.* Но и знаменитѣйшіе изъ апостоловъ не возложили на меня ничего болѣе. Напротивъ того, увидѣвъ, что мнѣ ввѣрено благовѣстіе для необрѣзанныхъ, какъ Петру для обрѣзанныхъ (ибо содѣйствовавшій Петру въ апостольствѣ у обрѣзанныхъ, содѣйствовалъ и мнѣ у язычниковъ), и узнавъ *о благодати, данной мнѣ*, Іаковъ и Кифа и Іоаннъ, почитаемые столпами церкви, подали мнѣ и Варнавѣ руку общенія, чтобы намъ идти къ язычникамъ, а имъ къ обрѣзаннымъ“ (Гал. 1, 11—20; 2, 1—9). Тоже самое выражаетъ святый Павелъ и въ посланіи къ ефесеямъ: „вы слышали *о домостроительствѣ благодати Божіей*, данной мнѣ для васъ, потому что мнѣ *чрезъ откровенія возвѣщена тайна.* Почему вы, читая сіе посланіе, можете усмотрѣть мое разумѣніе тайны Христовой, *которая не была возвѣщена прежнимъ поколѣніямъ* сыновъ человѣческихъ такъ, какъ *нынѣ открыта святымъ апостоламъ Его и пророкамъ Духомъ Святымъ*, чтобъ и язычникамъ быть сонаслѣдниками, составляющими одно тѣло, и сопричастниками обѣтованія Божія во Христѣ Іисусѣ посредствомъ благовѣствованія, котораго *служителемъ сдѣлался я по дару благодати Божіей, данной мнѣ дѣйствіемъ силы Его*“ (Ефес. 3, 2—7). Посему въ посланіи къ солунянамъ, св. Павелъ и „благодаритъ за нихъ Бога за то, что, принявъ отъ него, отъ Павла, слышанное слово Божіе, благовѣстіе Божіе, они

приняли *не какъ слово человѣческое, но какъ слово Божіе, каково оно и есть по истинѣ*“ (1 Сол. 2, 9—13).

Открывается такимъ образомъ, что апостолъ Павелъ производилъ свою проповѣдь изъ божественнаго откровенія. Но спрашивается, все ли то, что онъ проповѣдывалъ, онъ принялъ чрезъ непосредственное откровеніе отъ Господа Іисуса Христа и отъ Духа Святаго? Не было-ль что-либо изъ проповѣдуемаго имъ принято отъ другихъ апостоловъ и вообще учениковъ Господнихъ естественнымъ путемъ передачи? Не училъ-ли онъ чему-либо и отъ себя, по естественному человѣческому соображенію? Что онъ всю свою проповѣдь производилъ изъ непосредственнаго божественнаго откровенія, это мы видѣли. Вопросъ остается только въ томъ, не училъ-ли онъ хотя чему-либо по естественному сообщенію отъ другихъ учениковъ Христовыхъ и по собственному соображенію? Говоря объ учрежденіи евхаристіи, св. ап. Павелъ пишетъ коринѳянамъ: „*я отъ самого Господа принялъ*, что и вамъ передалъ, что Господь Іисусъ въ ту ночь, въ которую преданъ былъ, взялъ хлѣбъ“ и т. д. (1 Кор. 11, 23). Но говоря о событіи воскресенія Христова, ап. Павелъ, въ посланіи къ тѣмъ же коринѳянамъ, выражается такъ: „я первоначально преподалъ вамъ, *что и самъ принялъ*, что Христосъ умеръ за грѣхи наши по писанію“ и т. д. (1 Корин. 15, 3), —чѣмъ апостолъ Павелъ позволяетъ думать, что подробности о явленіяхъ Воскресшаго Кифѣ, затѣмъ двѣнадцати апостоламъ, затѣмъ болѣе нежели пяти стамъ братій и наконецъ Іакову онъ могъ позаимствовать и изъ простыхъ сообщеній отъ другихъ учениковъ Господнихъ. По крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыя времена, постоянно обращаясь съ учениками Господними, самовидцами жизни Іисуса Христа до вознесенія и непосредственными слушателями Его ученія, апостолъ Павелъ не могъ не сообщаться съ ними разными воспоминаніями. Спрашивается, напримѣръ, откуда св. Павелъ услышалъ

нигдѣ въ евангеліяхъ незаписанное изреченіе Господа: *блаженнѣе есть паче дяти, нежели пріимати* (Дѣян. 20, 35)? Нельзя-ли думать, что св. Павелъ зналъ это изреченіе Господне, какъ общеизвѣстное между учениками Христовыми? О имени Іисуса Назорея онъ много слышалъ, еще будучи гонителемъ церкви (Дѣян. 26, 9; 22, 19—20). Несомнѣнно по его свидѣтельствамъ о себѣ, что по откровенію онъ узналъ не только сущность вѣры христіанской, но откровенія-же получалъ онъ относительно и многихъ частностей. Тѣмъ не менѣе, передавая свое ученіе другимъ, онъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ различалъ, что говоритъ или пишетъ по откровенію и повелѣнію Господню, и что говоритъ только отъ себя. Такъ въ посланіи къ коринѳянамъ, преподавая совѣтъ, что безбрачнымъ и вдовамъ хорошо оставаться, какъ и онъ самъ, въ одиночествѣ, онъ прибавляетъ: „а вступившимъ въ бракъ *не я повелѣваю, но Господь:* женѣ не разводиться съ мужемъ и мужу не оставлять жены своей. Прочимъ-же *я говорю, а не Господь:* если какой братъ имѣетъ жену невѣрующую, и она согласна жить съ нимъ, то онъ не долженъ оставлять ея и т. д. Только каждый поступай такъ, какъ Богъ ему опредѣлилъ, и каждый, какъ Господь призвалъ. *Такъ я повелѣваю по всѣмъ церквамъ.* Относительно-же дѣвства *я не имѣю повелѣнія Господня, а даю совѣтъ, какъ получившій отъ Господа милость быть Ему вѣрнымъ.* Вдова будетъ блаженнѣе, если останется такъ (въ одиночествѣ), *по моему совѣту; а думаю, что и я имѣю Духа Божія*“ (1 Кор. 7, 8. 10. 12. 25. 40). Отсюда открывается, что апостолъ Павелъ различалъ то, что внушалъ другимъ по откровенію и повелѣнію Господню, отъ того, что предлагалъ по своему мнѣнію и совѣту. Впрочемъ и совѣтъ свой онъ предлагалъ, какъ непогрѣшающій противъ истины Божіей, такъ какъ онъ получилъ отъ Господа милость и благодать быть вѣрнымъ Ему во

всемъ, и имѣетъ въ себѣ Духа Божія, который наставлялъ его на всякую истину.

Общее-же отношеніе апостоловъ, какъ и пророковъ, какъ и всей церкви, не только ново-завѣтной, но и ветхозавѣтной къ Господу Іисусу Христу и Святому Духу и къ истекающей изъ Нихъ божественной истинѣ св. Павелъ, какъ и прочіе апостолы, представляютъ въ слѣдующемъ видѣ. Всѣ вѣрующіе въ Іисуса Христа суть члены единаго тѣла церкви. Церковь земная, новозавѣтная, современная, воинствующая родственно связана съ церковію прошедшихъ временъ, съ церковію ветхо-завѣтною, съ церковію торжествующею, небесною, даже съ міромъ горнихъ небесныхъ духовъ. Весь этотъ великій соборъ горнихъ небесныхъ духовъ и отшедшихъ душъ, церкви торжествующей небесной и воинствующей земной, ветхо-завѣтной и ново-завѣтной, церкви прошедшихъ и настоящихъ временъ связуется въ единомъ узлѣ, въ лицѣ Богочеловѣка, божественнаго Архистратига силъ небесныхъ, Господа нашего Іисуса Христа, какъ своего Главы. Въ Немъ и чрезъ Него вся совокупность спасенныхъ и спасаемыхъ душъ усыновлена Богу Отцу и дерзаетъ называть Его своимъ Отцемъ. Вся эта совокупность спасенныхъ и спасаемыхъ душъ одухотворяется Духомъ Святымъ, Духомъ Божіимъ, Духомъ Христовымъ. Сей-то Духъ наставляетъ на всякую истину всю совокупность членовъ церкви, въ частности-же и преимущественно просвѣщаетъ святыхъ Божіихъ человѣковъ, пророковъ и апостоловъ, пастырей и богопоставляемыхъ учителей церковныхъ, такъ какъ въ живомъ тѣлѣ церкви разные члены имѣютъ отъ Бога разныя служенія и назначенія, дарованія и силы. „Какъ въ одномъ тѣлѣ у насъ много членовъ“,—пишетъ св. Павелъ къ римлянамъ (Рим. 12, 4—6),— „но не у всѣхъ членовъ одно и то́-же дѣло; такъ мы многіе составляемъ одно тѣло во Христѣ, а порознь одинъ для другаго члены. Какъ тѣло одно“, пишетъ

онъ-же къ коринѳянамъ (1 Кор. 12, 12—14),—„но имѣетъ многіе члены, и всѣ члены одного тѣла, хотя ихъ и много, составляютъ одно тѣло; такъ и Христосъ. Ибо всѣ мы однимъ Духомъ крестились въ одно тѣло, и всѣ напоены однимъ Духомъ. Тѣло-же состоитъ не изъ одного члена, но изъ многихъ. Вы тѣло Христово, а порознь члены (1 Кор. 12—27). Богъ Отецъ призвалъ насъ“,—пишетъ онъ-же, св. Павелъ, къ колоссянамъ (Кол. 1, 12—20),—„къ участію въ наслѣдіи святыхъ во свѣтѣ и ввелъ въ царство возлюбленнаго Сына своего, въ которомъ мы имѣемъ искупленіе кровію Его и прощеніе грѣховъ; который есть образъ Бога невидимаго, рожденный прежде всякой твари. Ибо Имъ создано все, что на небесахъ и на землѣ, видимое и невидимое: престолы-ли, Господства-ли, начальства-ли, власти-ли; все Имъ и для Него создано. И Онъ есть прежде всего и все Имъ стоитъ и Онъ есть глава тѣла церкви; Онъ начатокъ, первенецъ изъ мертвыхъ, дабы имѣть Ему во всемъ первенство. Ибо благоугодно было Богу Отцу, чтобы въ Немъ обитала всякая полнота, и чтобы посредствомъ Его примирить съ собою все, умиротворивъ чрезъ Него, кровію крестною, и земное и небесное. — Вы приступили“,—пишетъ онъ-же, св. Павелъ, въ посланіи къ евреямъ (Евр. 12, 22—24),—„не къ синайской горѣ осязаемой и пылающей огнемъ, но къ горѣ Сіону и ко граду Бога живаго, къ небесному Іерусалиму и къ тьмамъ ангеловъ, къ торжествующему собору и церкви первенцевъ, написанныхъ на небесахъ и къ Судіи всѣхъ Богу, и къ духамъ праведниковъ, достигшихъ совершенства, и къ Ходатаю завѣта новаго Іисусу, и къ крови кропленія, лучше говорящей, нежели Авелева. Богъ Отецъ все небесное и земное соединилъ подъ единою главою Христомъ“,—пишетъ онъ-же, св. Павелъ, къ ефесеямъ (Ефес. 1, 10—20—23),—„воскресивъ Его изъ мертвыхъ и посадивъ одесную Себя на небесахъ, превыше всякаго начальства и

власти, и силы, и господства, и всякаго имени, именуемаго не только въ семъ вѣкѣ, но и въ будущемъ, и все покорилъ подъ ноги Его, и поставилъ Его выше всего, главою церкви, которая есть тѣло Его, полнота наполняющаго все во всемъ. И насъ, мертвыхъ по преступленіямъ (Ефес. 2, 5—22), Богъ Отецъ оживотворилъ со Христомъ, и воскресилъ съ Нимъ, и посадилъ на небесахъ во Христѣ Іисусѣ. Помните, что вы нѣкогда язычники по плоти, которыхъ обрѣзанные называли необрѣзанными,—что вы были отчуждены отъ общества израильскаго, чужды завѣтовъ обѣтованія, безбожники въ мірѣ. А теперь во Христѣ Іисусѣ вы, бывшіе нѣкогда далеко, стали близки кровію Христовою. Онъ есть миръ нашъ, сдѣлавшій изъ обоихъ (израильтянъ и язычниковъ) одно, и разрушившій стоявшую посреди ихъ преграду, упразднивъ вражду плотію своею, пострадавшею за насъ, а законъ заповѣдей ветхо-завѣтныхъ упразднивъ ученіемъ евангельскимъ, дабы изъ двухъ создать въ себѣ самомъ одного новаго человѣка, и въ одномъ тѣлѣ церкви примирить обоихъ съ Богомъ посредствомъ креста, убивъ вражду на немъ. И пришедши благовѣствовалъ миръ намъ, дальнимъ и ближнимъ. Потому что чрезъ Него, чрезъ Христа, и тѣ, и другіе, израильтяне и язычники, мы имѣемъ доступъ къ Богу Отцу во единомъ духѣ. Итакъ вы уже не чужіе и не пришельцы, но сограждане святымъ и свои Богу, бывъ утверждены на основаніи апостоловъ и пророковъ, имѣя самого Іисуса Христа краеугольнымъ камнемъ, на которомъ все зданіе, слагаясь стройно, возрастаетъ въ святый храмъ о Господѣ, на которомъ и вы устрояетесь въ жилище Божіе Духомъ.—До пришествія вѣры“,—пишетъ св. Павелъ къ галатамъ (3, 23—29),— „мы заключены были подъ стражею ветхо-завѣтнаго закона. Законъ былъ для насъ дѣтоводителемъ ко Христу. По пришествіи-же вѣры всѣ вы сыны Божіи по вѣрѣ во Христа Іисуса, всѣ вы, во Христа крестив-

шіеся, во Христа облеклись. Нѣтъ уже іудея, ни язычника, ибо всѣ вы одно во Христѣ Іисусѣ. Если же вы Христовы, то вы сѣмя Авраамово и по обѣтованію наслѣдники. Богъ послалъ Сына своего единороднаго (Гал. 4, 4—7), который родился отъ жены, подчинился закону, чтобъ искупить подзаконныхъ, дабы намъ получить усыновленіе. А какъ вы сыны, то Богъ послалъ въ сердца ваши Духа Сына своего, вопіющаго: Авва, Отче! Посему ты уже не рабъ, но сынъ; а если сынъ, то и наслѣдникъ Божій чрезъ Іисуса Христа. —Всѣ, водимые Духомъ Божіимъ, суть сыны Божіи“,—пишетъ св. Павелъ въ посланіи къ римлянамъ (Рим. 8, 14—17). „Вы приняли Духа усыновленія, которымъ взываемъ къ Богу Отцу: Авва, Отче! Сей самый Духъ свидѣтельствуетъ духу нашему, что мы чада Божіи. А если чада, то и наслѣдники, наслѣдники Божіи, сонаслѣдники Христу. Сей самый Духъ и ходатайствуетъ за насъ воздыханіями неизреченными предъ правдою Божіею (Рим. 8, 20). Всѣ мы однимъ Духомъ крестились въ одно тѣло“,— пишетъ св. Павелъ къ коринѳянамъ (1 Кор. 12, 13),—„іудеи или еллины, и всѣ напоены единымъ Духомъ. Посему мы — едино тѣло и единъ духъ. Одинъ у насъ Господь, одна вѣра, одно крещеніе, одинъ Богъ и Отецъ всѣхъ, который надъ всѣми, и чрезъ всѣхъ и во всѣхъ насъ“ (Ефес. 4, 4—16).

Единъ Духъ дышетъ во единомъ тѣлѣ церкви. Единъ надъ нею Господь и единъ Богъ и Отецъ всѣхъ. Всѣ мы единымъ Духомъ напоены. Каждому изъ насъ дается благодать Христова. Никто не можетъ даже увѣровать въ Господа Іисуса и признать Его Господомъ, какъ только чрезъ Духа Святаго. Всю церковь просвѣщаетъ и научаетъ единый Духъ Святый. Всѣ вѣрующіе“,—по слову Іоанна Богослова (1 Іоан. 2, 20—27),—„имѣютъ помазаніе отъ Святаго, и знаютъ все необходимое для ихъ спасенія. И помазаніе, которое они получили отъ Него, въ нихъ пребываетъ, и они

(всѣ въ совокупности) не имѣютъ нужды, чтобы кто училъ ихъ; потому что самое сіе помазаніе учитъ ихъ всему, и оно истинно и неложно, и имъ остается только пребывать въ томъ, чему оно научило ихъ". Тѣмъ не менѣе въ церкви, хотя и „одинъ и тотъ же Духъ", — какъ пишетъ св. Павелъ къ коринѳянамъ, — „но дары Его различны. И Господь Іисусъ Христосъ одинъ и тотъ же, но служенія въ церкви различны. И Богъ одинъ и тотъ же, дѣйствуяй вся во всѣхъ, но дѣйствія различны. Каждому дается разное проявленіе Духа на общую пользу тѣла церкви. Каждому изъ насъ дается благодать, но по разной мѣрѣ дара Христова. Одному дается Духомъ слово премудрости, другому слово знанія тѣмъ же Духомъ. Иному вѣра тѣмъ же Духомъ; иному дары исцѣленій тѣмъ же Духомъ. Иному чудотворенія, иному пророчество, иному разные языки. Все же сіе производитъ одинъ и тотъ же Духъ, раздѣляя каждому особо своею властію, какъ Ему угодно. Ибо какъ тѣло одно, но имѣетъ многіе члены, и всѣ члены одного тѣла, хотя ихъ и много, составляютъ одно тѣло, такъ и Христосъ. Богъ расположилъ члены, каждый въ составѣ тѣла, какъ Ему угодно. Не можетъ глазъ сказать рукѣ: ты мнѣ не надобна; или также голова ногамъ: вы мнѣ не нужны. Напротивъ, члены тѣла, которые кажутся слабѣйшими, гораздо нужнѣе. И вы — тѣло Христово, а порознь члены. И иныхъ Богъ поставилъ въ церкви, во-первыхъ, апостолами, во-вторыхъ, пророками, въ-третьихъ, учителями; далѣе инымъ далъ силы чудодѣйственныя, также дары исцѣленій, разные языки. Всѣ ли апостолы? Всѣ ли пророки? Всѣ ли чудотворцы? Всѣ ли имѣютъ дары исцѣленій? Всѣ ли говорятъ языками? Всѣ ли истолкователи? Ревнуйте о дарахъ большихъ, — о любви, которая есть верхъ совершенства (1 Кор. гл. 12). И Господь поставилъ однихъ апостолами, другихъ пророками, иныхъ евангелистами, иныхъ пастырями и учителями, — съ особою цѣлію въ особыхъ ви-

дахъ,—именно: къ совершенію святыхъ на дѣло служенія, для созиданія тѣла Христова, доколѣ всѣ пріидемъ въ единство вѣры и познанія Сына Божія, въ мужа совершеннаго, въ мѣру полнаго возраста Христова; дабы мы не были болѣе младенцами, колеблющимися и увлекающимися всякими вѣтрами ученія, по лукавству лукавыхъ человѣковъ, по хитрому искусству обольщенія: но истинною любовію все возращали въ Того, который есть глава—Христосъ, изъ котораго все тѣло, составляемое и совокупляемое посредствомъ всякихъ взаимно скрѣпляющихъ связей, при дѣйствіи въ свою мѣру каждаго члена, получаетъ приращеніе для созданія самого себя въ любви, союзѣ совершенства" (Ефес. 4, 7—16). Отсюда открывается, что хотя и *всѣ вѣрные просвѣщаются Духомъ Божіимъ въ познаніи спасительной евангельской истины*; однакоже Богъ нарочито посылалъ и посылаетъ *апостоловъ, пророковъ и евангелистовъ, пастырей и учителей*, чтобы вѣрные не были младенцами, которые влаются и скитаются всякимъ вѣтромъ ученія во лжи человѣческой. *Тайна Христова не была возвѣщена всѣмъ поколѣніямъ сыновъ человѣческихъ такъ, какъ открыта святымъ апостоламъ Христовымъ и пророкамъ Духомъ Святымъ* (Ефес. 3, 5).

Пусть истинные пророки, какъ и апостолы были просвѣщены Духомъ Святымъ и излагали свои писанія подъ Его божественнымъ наитіемъ. Но какъ отличить истинныхъ пророковъ отъ неистинныхъ? Какъ отличить истинныхъ пророковъ отъ лживыхъ? Какъ отличить истинныя пророческія и апостольскія писанія отъ подложныхъ? Относительно пророковъ и писаній ихъ намъ достаточно свидѣтельства Господа Іисуса Христа и истинныхъ апостоловъ. *Тѣ пророки истинны для насъ, которые были истинными для Господа Іисуса Христа и апостоловъ Его*, и какія писанія пророческія признавали они за истинныя, тѣ истинны и для насъ.

А въ евангеліяхъ и писаніяхъ апостольскихъ есть множество ссылокъ на Моусея, на псалмы и на пророковъ, какъ и на писанія ихъ. Остается намъ разрѣшить вопросъ, какіе изъ апостоловъ неложные апостолы Христовы, и какія апостольскія писанія не подложны и не искажены? Въ евангеліяхъ пишется объ избранныхъ двѣнадцати апостолахъ, которыхъ записаны имена, отчасти и родственныя отношенія, какъ и служебныя и жизненныя занятія, и о другихъ семидесяти, которыхъ имена сохранены частію въ писаніяхъ апостольскихъ, частію же въ первоначальномъ безспорномъ апостольскомъ преданіи. Самъ Іисусъ Христосъ, также святый первоверховный Петръ, Павелъ, Іоаннъ, какъ и евангелистъ и священный дѣписатель Лука настаиваютъ, что двѣнадцать старѣйшихъ апостоловъ избралъ Господь для того, чтобъ они были очевидцами, свидѣтелями Его жизни и смерти, воскресенія и вознесенія (Лук. 24, 48; Іоан. 19, 35; 21, 24; Дѣян. 1, 8 22; 3, 15; 5, 32; 10, 39—41; 20, 24; 22, 15, 26, 16; 1 Кор. 25, 8). Святый первоверховный Петръ считаетъ существеннымъ условіемъ каждаго апостола изъ двоюнадесяти, чтобы онъ находился съ другими единонадесятью во все время, когда пребывалъ и обращался съ ними Господь Іисусъ на землѣ, начиная отъ крещенія Іоаннова до того дня, въ который Онъ вознесся отъ нихъ на небо, чтобы былъ вмѣстѣ съ ними очевиднымъ свидѣтелемъ воскресенія Господня (Дѣян. 1, 21—22). Въ этомъ отношеніи избранный сосудъ Господень, апостолъ Павелъ, былъ въ особыхъ исключительныхъ условіяхъ. Онъ многократно свидѣтельствуетъ о себѣ, что тайна Христова сказана ему по откровенію (Ефес. 3, 3; Гал. гл. 1 и 2). Но и онъ производилъ свое апостольство *отъ непосредственнаго видѣнія Господа Іисуса*, видѣнія и главнаго, однократнаго, и другихъ послѣдующихъ, почему смѣло и причислялъ себя къ числу избранныхъ апостоловъ, самовидцевъ Господа (1 Кор. 9, 1—2; 15, 8; 2

Кор. 12, 1—7; Гал. 1, 12; Дѣян. 23, 11 и т. п.). Замѣчательно, что апостолъ Павелъ признавалъ, по крайней мѣрѣ, главное явленіе ему Господа Іисуса *явленіемъ не только въ видѣніи, но явленіемъ въ томъ же родѣ*, какъ являлся Господь по воскресеніи всѣмъ (1 Кор. 15, 8), или даже проще, какъ видѣли Господа прочіе апостолы еще при жизни Его на землѣ (1 Кор. 9, 1). Вообще самъ Павелъ отличалъ это первое и главное свое видѣніе Господа *отъ видѣнія въ изступленіи*, которое имѣлъ онъ, когда возвращался въ Іерусалимъ по первомъ видѣніи на пути въ Дамаскъ (Дѣян. 22, 17- 20), *и отъ видѣнія въ небесномъ восхищеніи*, о которомъ пишетъ коринѳянамъ (2 Кор. 12, 1—4). Посему какъ Господь Іисусъ, такъ и самъ Павелъ хотѣлъ, чтобы въ немъ другіе видѣли, какъ и видѣли, дѣйствительно, очевидца свидѣтеля Господня. Ананія говоритъ ему въ Дамаскѣ: „Богъ отецъ нашихъ предъизбралъ тебя, чтобы ты увидѣлъ Праведника и услышалъ гласъ изъ устъ Его: потому что ты будешь Ему свидѣтелемъ предъ всѣми людьми о томъ, что ты видѣлъ и слышалъ“ (Дѣян. 22, 14—15). Самъ Господь Іисусъ говоритъ ему: „на се бо явихся ти сотворити тя слугу и свидѣтеля, яже видѣлъ еси и яже явлю тебѣ“ (Дѣян. 26, 16). Посему *сіи двѣнадцать избранныхъ апостоловъ, и особо избранный между ними сосудъ Господень апостолъ Павелъ суть непосредственные свидѣтели Христовой истины, какъ самовидцы Христовы и непосредственные свидѣтели Его ученія*, какъ апостолъ Петръ и говоритъ, что „Богъ далъ воскресшему Іисусу являться не всему народу, но свидѣтелямъ предъизбраннымъ отъ Бога, намъ, которые съ Нимъ ѣли и пили, по воскресеніи Его изъ мертвыхъ. И Онъ повелѣлъ намъ проповѣдывать людямъ и свидѣтельствовать, что Онъ есть предопредѣленный отъ Бога Судія живыхъ и мертвыхъ, какъ и всѣ пророки свидѣтельствуютъ о Немъ, что всякій вѣрующій въ Него полу-

читъ прощеніе грѣховъ именемъ Его“ (Дѣян. 10, 40—43). Сверхъ того св. апостолы, въ особо важныхъ случаяхъ, подвергали нѣкоторые вопросы общему своему разсмотрѣнію и рѣшенію, которое опять-же приписывали въ концѣ-концовъ Духу Святому (Дѣян. 15, 23—29). Слѣдовательно вотъ *коренной признакъ истинныхъ апостоловъ, которые суть несомнѣнные свидѣтели истины Христовой,—это принадлежность къ числу двѣнадцати избранныхъ апостоловъ, которыхъ имена записаны въ евангеліяхъ и въ книгѣ Дѣяній, къ которымъ причисляется еще особо избранный сосудъ Христовъ, апостолъ Павелъ.* Кто же не согласенъ съ сими апостолами и ихъ ученіемъ, тотъ не Христовъ ученикъ.

Тщательно оберегая чистоту Христова евангелія, истинные Христовы апостолы указали своими поступками и писаніями *множество лицъ и общихъ началъ, несогласныхъ съ Христовымъ ученіемъ.* Этими указаніями переполнены какъ евангелія, такъ и Дѣянія апостольскія и всѣ апостольскія посланія, какъ и апокалипсисъ. Перечислять ихъ нужды нѣтъ (напр. Апок. гл. 2 и 3; Тит. 3, 9—10; 2 Тим. 4, 14 и т. п.). Стоитъ прочитать посланія Іакова, Петра, Іоанна, Іуды, чтобы видѣть, какъ стойко, бодрственно и неусыпно стояли св. апостолы на стражѣ, оберегая чистоту Христова евангелія. „Есть лжеапостолы“, —предостерегаетъ св. Павелъ коринѳянъ (2 Кор. 11, 13—15),—„лукавые дѣлатели, которые принимаютъ видъ апостоловъ Христовыхъ. И неудивительно, потому что самъ сатана принимаетъ видъ ангела свѣтла; неудивительно, если и служители сатаны принимаютъ видъ служителей правды. Есть люди, смущающіе васъ“, —предостерегаетъ св. Павелъ галатійцевъ (Гал. 1, 7—12), —„желающіе превратить благовѣствованіе Христово. Но если бы *даже мы или ангелъ съ неба сталъ благовѣствовать вамъ не то, что мы благовѣствовали вамъ, да будетъ*

анаѳема. Какъ прежде мы сказали, такъ и теперь опять говорю: кто благовѣствуетъ вамъ не то, что вы приняли отъ насъ, да будетъ анаѳема. Это потому, что евангеліе, которое я благовѣствовалъ, не есть человѣческое. Ибо и я принялъ его и научился не отъ человѣка, но чрезъ откровеніе Іисуса Христа. Аще кто приходитъ къ вамъ, и сего Христова ученія не приноситъ, не пріемлите его въ домъ и радоватися ему не глаголите", —заповѣдуетъ и Іоаннъ Богословъ (2 Іоан. ст. 10). „Блюдитеся отъ псовъ", — предостерегаетъ св. Павелъ филиппійцевъ, — „блюдитеся отъ злыхъ дѣлателей, блюдитеся отъ раздѣленія. Подражайте, братія, мнѣ и смотрите на тѣхъ, которые поступаютъ по образу, какой имѣете въ насъ. Ибо многіе, о которыхъ я говорилъ вамъ, а теперь даже со слезами говорю, поступаютъ, какъ враги креста Христова" (Фил. 3, 2—17—18). Святые апостолы даже другъ надъ другомъ бодрствовали, чтобы предусмотрительное приспособленіе ихъ къ обстоятельствамъ и къ терпимымъ воззрѣніямъ людскимъ, по апостольскому правилу — всѣмъ быть вся, да всяко нѣкія спасутъ, — чтобы такое приспособленіе не причиняло соблазна и вреда немощнымъ (Гал. 6, 11—15; Дѣян. 21, 15—25); чтобы даже истинная, но таинственная, неудоборазумѣваемая апостольская проповѣдь не была искажаема и превращаема въ пагубное заблужденіе (1 Петр. 3, 15—17; Іак. 2, 14—26).

Въ избраніи двѣнадцати апостоловъ, которыхъ имена и жизнь исторически извѣстны, которые были непосредственными учениками и свидѣтелями очевидцами Іисуса Христа, которые за истину Его ученія пожертвовали и жизнію своею, заключается историческое доказательство того, что они неложные свидѣтели и проповѣдники чистаго и подлиннаго евангелія Христова. Но сверхъ этого естественно-историческаго имѣется еще непреложное и безспорное сверхъестественное доказательство той же истины. Это послѣднее за-

ключается во *множествѣ чудесъ*, какія совершались св. апостолами, какими *они сами подтверждали божественное происхожденіе своего посланничества и проповѣданія*. Такъ священный дѣписатель повѣствуетъ, что тотчасъ по сошествіи Св. Духа на апостоловъ, которое само по себѣ было уже очевиднымъ чудомъ, такъ какъ сопровождалось яв-нымъ знаменіемъ полученія дара языковъ, много чудесъ и знаменій совершилось чрезъ апостоловъ въ Іерусалимѣ (Дѣян. 2, 42). Такъ вотъ скоро по сошествіи Св. Духа, Петръ и Іоаннъ шли вмѣстѣ во храмъ въ девятый (нашъ третій) часъ молитвы. И былъ человѣкъ хромой отъ чрева матери его, котораго носили и сажали каждый день при дверяхъ храма, называемыхъ красными, просить милостыни у входящихъ во храмъ. Онъ, увидѣвъ Петра и Іоанна, предъ входомъ во храмъ, просилъ у нихъ милостыни. Петръ съ Іоанномъ, всмотрѣвшись въ него, сказалъ: „взгляни на насъ". Тотъ пристально смотрѣлъ на нихъ, надѣясь получить отъ нихъ что-нибудь. Но Петръ сказалъ: „серебра и золота нѣтъ у меня; а что имѣю, то даю тебѣ: во имя Іисуса Христа Назорея встань и ходи". И, взявъ его за правую руку, поднялъ; и вдругъ укрѣпились его ступни и колѣна. И вскочивъ сталъ и началъ ходить, и вошелъ съ ними во храмъ, ходя и скача и хваля Бога. И весь народъ видѣлъ его ходящимъ и хвалящимъ Бога. И узнали его, что это былъ тотъ, который сидѣлъ у красныхъ дверей храма для милостыни; и исполнились ужаса и изумленія отъ случившагося съ нимъ. И какъ исцѣленный хромой не отходилъ отъ Петра и Іоанна, то весь народъ въ изумленіи сбѣжался къ нимъ въ притворъ, называемый Соломоновъ. Увидѣвъ это, Петръ сказалъ народу: мужи израильскіе! Что дивитесь сему, или что смотрите на насъ, какъ будто-бы мы своею силою или благочестіемъ сдѣлали то, что онъ ходитъ? Богъ Авраама и Исаака и Іакова, Богъ отцевъ нашихъ, прославилъ Сына своего Іису-

са, котораго вы предали, и отъ котораго отреклись предъ лицемъ Пилата, когда сей полагалъ освободить Его. Но вы отъ Святаго и Праведнаго отреклись, и просили даровать вамъ человѣкоубійцу; а Начальника жизни убили. Сего Богъ воскресилъ изъ мертвыхъ, чему мы свидѣтели. И ради вѣры во имя Его, имя Его укрѣпило сего, котораго вы видите и знаете, и вѣра, которая отъ Него, даровала сему исцѣленіе сіе предъ всѣми вами. Впрочемъ я знаю, братіе, что вы, какъ и начальники ваши, сдѣлали это по невѣдѣнію. Богъ же какъ предвозвѣстилъ устами всѣхъ своихъ пророковъ пострадать Христу, такъ и исполнилъ. Итакъ покайтесь и обратитесь, чтобы загладить грѣхи ваши; да пріидутъ времена отрады отъ лица Господа, и да пошлетъ Онъ вамъ предназначеннаго Іисуса Христа, котораго небо должно было принять до временъ совершенія всего, что говорилъ Богъ устами всѣхъ святыхъ своихъ пророковъ отъ вѣка. Моусей сказалъ отцамъ: „Господь Богъ вашъ воздвигнетъ вамъ изъ братьевъ вашихъ Пророка, какъ меня; слушайтесь Его во всемъ, что Онъ ни будетъ говорить вамъ. И будетъ, что всякая душа, которая не послушаетъ Пророка того, истребится изъ народа“ (Втор. 18, 15—18). И всѣ пророки отъ Самуила и послѣ него, сколько ихъ ни говорило, также предвозвѣстили дни сіи. Вы сыны пророковъ и завѣта, который завѣщавалъ Богъ отцамъ вашимъ, говоря Аврааму: и въ сѣмени твоемъ благословятся всѣ племена земныя. Богъ, воскресивъ Сына своего Іисуса, къ вамъ первымъ послалъ Его благословить васъ, отвращая каждаго отъ злыхъ дѣлъ вашихъ (Дѣян. гл. 2). Когда они говорили народу, къ нимъ приступили священники и начальники стражи при храмѣ и саддукеи, досадуя на то, что они (люди простые, никѣмъ не уполномоченные, во храмѣ, единственномъ въ Іудеѣ іерусалимскомъ храмѣ!) учатъ народъ и проповѣдуютъ о Іисусѣ воскресеніе изъ мертвыхъ. И наложили на нихъ руки, и от-

дали ихъ подъ стражу до утра; ибо уже былъ вечеръ. Многіе же изъ слушавшихъ слово увѣровали; и было число таковыхъ людей около пяти тысячъ. На другой день собрались въ Іерусалимъ начальники ихъ и старѣйшины и книжники, и Анна первосвященникъ, и Каіафа, и Іоаннъ, и Александръ и прочіе изъ рода первосвященническаго. И, поставивъ апостоловъ посреди, спрашивали: какою силою, или какимъ именемъ вы сдѣлали это? Тогда Петръ, исполнившись Духа Святаго, сказалъ имъ: начальники народа и старѣйшины израильскіе! Если отъ насъ сегодня требуютъ отвѣта въ благодѣяніи человѣку немощному, какъ онъ исцѣленъ; то да будетъ извѣстно всѣмъ вамъ и всему народу израильскому, что именемъ Іисуса Христа Назорея, котораго вы распяли, котораго Богъ воскресилъ изъ мертвыхъ, — Имъ поставленъ сей предъ вами здравъ. Онъ есть камень, пренебреженный вами зиждущими, но сдѣлавшійся главою угла, и нѣтъ ни въ комъ иномъ спасенія (Псал. 117, 22). Ибо нѣтъ другаго имени подъ небомъ, даннаго человѣкамъ, которымъ надлежало-бы вамъ спастись. Видя смѣлость Петра и Іоанна, и примѣтивъ, что они люди не книжные и простые, тѣ удивлялись; между тѣмъ узнавали ихъ, что они были съ Іисусомъ. Видя-же исцѣленнаго человѣка, стоящаго съ ними, ничего не могли сказать вопреки. И приказавъ имъ выйти вонъ изъ синедріона, разсуждали между собою, говоря: „что намъ дѣлать съ этими людьми? Ибо всѣмъ, живущимъ въ Іерусалимѣ, извѣстно, что ими сдѣлано явное чудо, и мы не можемъ отвергнуть сего. Но чтобы болѣе не разгласилось это въ народѣ, съ угрозою запретимъ имъ, чтобы не говорили объ имени семъ никому изъ людей“. И призвавъ ихъ, приказали отнюдь не говорить и не учить о имени Іисуса. Но Петръ и Іоаннъ сказали имъ въ отвѣтъ: судите, справедливо-ли предъ Богомъ слушать васъ болѣе, нежели Бога? Мы не можемъ не говорить того, что видѣли и слы-

шали.—Они-же пригрозивъ, отпустили ихъ, не находя возможности наказать ихъ по причинѣ народа; потому что всѣ прославляли Бога за происшедшее. Ибо лѣтъ болѣе сорока было человѣку, надъ которымъ сдѣлалось сіе чудо исцѣленія (Дѣян. 4, 1—23). Послѣ поразительнаго чуда надъ Ананіею и Сапфирою, руками апостоловъ совершались въ народѣ многія знаменія и чудеса. Вѣрующихъ-же болѣе и болѣе присоединялось къ Господу, множество мужчинъ и женщинъ, такъ что выносили больныхъ на улицы, и полагали на постеляхъ и кроватяхъ, дабы хотя тѣнь проходящаго Петра осѣнила кого изъ нихъ. Сходились также въ Іерусалимъ многіе изъ окрестныхъ городовъ, неся больныхъ и нечистыми духами одержимыхъ, которые и исцѣлялись всѣ. Первосвященникъ-же и съ нимъ всѣ принадлежавшіе къ ереси саддукейской, исполнились зависти, и наложили руки свои на апостоловъ, и заключили ихъ въ народную темницу. Но ангелъ Господень ночью отворилъ дверь темницы и, выведши ихъ, сказалъ: идите и, ставъ во храмѣ, говорите народу всѣ сіи слова жизни. Они выслушавъ, вошли утромъ въ храмъ и стали учить. Между тѣмъ первосвященникъ и которые съ нимъ, пришедши, созвали синедріонъ и всѣхъ старѣйшинъ изъ сыновъ Израилевыхъ, и послали въ темницу привести апостоловъ. Но служители, пришедши, не нашли ихъ въ темницѣ, и возвратившись донесли, говоря: темницу мы нашли запертою со всею предосторожностію и сторожей, стоящими предъ дверями; но отворивъ, не нашли въ ней никого. Когда услышали эти слова первосвященникъ, начальникъ стражи и прочіе первосвященники, недоумѣвали, что-бы это значило. Пришелъ-же нѣкто и донесъ имъ, говоря: „вотъ мужи, которыхъ вы заключили въ темницу, стоятъ въ храмѣ и учатъ народъ“. Тогда начальникъ стражи пошелъ съ служителями, и привелъ ихъ безъ принужденія, потому что боялись народа, чтобъ не побили ихъ камнями. Приведши-же

ихъ, поставили въ синедріонѣ; и спросилъ ихъ первосвященникъ, говоря: не запретили-ли мы вамъ накрѣпко учить о имени семъ? И вотъ вы наполнили Іерусалимъ ученіемъ вашимъ; и хотите навести на насъ кровь того Человѣка. Петръ же и апостолы въ отвѣтъ сказали: должно повиноваться больше Богу, нежели человѣкамъ. Богъ отцевъ нашихъ воскресилъ Іисуса, котораго вы умертвили, повѣсивъ на древѣ. Его возвысилъ Богъ десницею своею въ Начальника и Спасителя, дабы дать Израилю покаяніе и прощеніе грѣховъ. Свидѣтели Ему въ семъ мы и Духъ Святый, котораго Богъ далъ повинующимся Ему.—Слыша это они разрывались отъ гнѣва, и умышляли умертвить ихъ. Всталъ-же въ синедріонѣ, нѣкто фарисей, именемъ Гамаліилъ, законоучитель, уважаемый всѣмъ народомъ, и приказалъ вывесть апостоловъ на короткое время. А имъ сказалъ: „мужи израильскіе! подумайте сами съ собою о людяхъ сихъ, что намъ съ ними дѣлать. Ибо незадолго предъ симъ явился Ѳевда, выдавая себя за кого-то великаго, и къ нему пристало около четырехъ сотъ человѣкъ; но онъ былъ убитъ, и всѣ, которые слушались его, разсѣялись и исчезли. Послѣ него во время переписи явился Іуда Галилеянинъ и увлекъ съ собою довольно народа; но онъ погибъ, и всѣ, которые слушались его, разсыпались. И нынѣ, говорю вамъ, отстаньте отъ людей сихъ и оставьте ихъ: ибо если это предпріятіе и это дѣло отъ человѣковъ, то оно разрушится; а если отъ Бога, то вы не можете разрушить его; берегитесь, чтобы вамъ не оказаться и богопротивниками.—Они послушались его; тѣмъ не менѣе призвавъ апостоловъ, для сохраненія благовидности власти, наказали ихъ и, запретивъ имъ говорить о имени Іисуса, отпустили ихъ. Они-же пошли изъ синедріона, радуясь, что за имя Господа Іисуса удостоились принять безчестіе. И всякій день во храмѣ и на домахъ не переставали учить и благовѣствовать Христа (Дѣян. 5, 12—42).

Мы намѣренно выписали изъ книги Дѣяній апостольскихъ цѣлое повѣствованіе это, чтобы почувствовать самимъ и показать другимъ, какъ неотразимо вліяли на современниковъ—очевидцевъ дѣла и слова апостоловъ, ихъ чудотворенія и дерзновенное безстрашіе, ихъ указаніе на источникъ ихъ силы въ Іисусѣ Христѣ Сынѣ Божіемъ и на древнихъ пророковъ, которые предвозвѣщали о смерти Его и воскресеніи. Когда Павелъ съ Варнавою сотворили подобное-же чудо исцѣленія хромаго отъ рожденія въ Листрѣ, то и это чудо такъ поразило очевидцевъ и прочихъ, что весь народъ возопилъ: боги, уподобившись человѣкамъ, сошли къ намъ, и хотѣли уже принести имъ языческую жертву; что и подало поводъ апостолу Павлу утишить это волненіе извѣстною рѣчью къ народу: „мужи! что вы это дѣлаете? И мы подобные вамъ человѣки, и благовѣствуемъ вамъ, чтобы вы обратились отъ сихъ ложныхъ къ Богу живому, который сотворилъ небо и землю, и море, и все, что въ нихъ; который въ прошедшихъ родахъ попустилъ было всѣмъ народамъ ходить своими путями, хотя и не переставалъ свидѣтельствовать о себѣ благодѣяніями, подавая намъ съ неба дожди и времена плодоносныя, и исполняя пищею и веселіемъ сердца наши (Дѣян. 14, 6—17)". Вообще-же Богъ творилъ не мало чудесъ руками Павла, какъ и Петра, такъ что на больныхъ возлагали платки и опоясанія съ тѣла Павлова, и у нихъ прекращались болѣзни, и злые духи изъ нихъ выходили. И слово Божіе возрастало и возмогало съ великою силою (Дѣян. 19, 11—20). Святый апостолъ Павелъ неоднократно свидѣтельствуетъ, что дарованія исцѣленій, какъ и даръ языковъ, широко распространены были въ первобытной церкви Божіей (1 Кор. 12, 9—10 28—30). О себѣ-же самомъ, о своихъ собственныхъ чудотвореніяхъ, святый Павелъ пишетъ коринѳянамъ: „я дошелъ до неразумія хвалясь: вы меня къ сему принудили (унижая не только его самого,

какъ апостола, но и апостольское его ученіе). Вамъ-бы надлежало хвалить меня, ибо *у меня ни въ чемъ нѣтъ недостатка противъ высшихъ апостоловъ*, хотя я и ничто. *Признаки апостола во мнѣ сказались* предъ вами всякимъ терпѣніемъ, *знаменіями, чудесами и силами*" (2 Кор. 12, 11—12). Отсюда видно, что св. Павелъ, какъ и первенствующая церковь, видѣли признаки истиннаго апостольства *въ знаменіяхъ, чудесахъ и силахъ*. Въ посланіи къ римлянамъ онъ-же пишетъ: „я могу похвалиться о Іисусѣ Христѣ только въ томъ, что относится къ Богу. Но *не осмѣлюсь сказать что нибудь такое, чего не совершилъ Христосъ чрезъ меня*, въ покореніи язычниковъ вѣрѣ, *словомъ и дѣломъ, силою знаменій и чудесъ, силою Духа Божія*, такъ что благовѣствованіе Христово распространено мною отъ Іерусалима и окрестности его и до Иллирика" (Рим. 15, 17—19). Въ посланіи къ солунянамъ, сказавъ, „*наше благовѣствованіе у васъ было не въ словѣ только, но и въ силѣ, и во Святомъ Духѣ, и со многимъ удостовѣреніемъ* (посредствомъ знаменій и чудесъ), св. Павелъ прибавляетъ: „*какъ вы сами это знаете, каковы были мы для васъ между вами*". Такое свидѣтельство есть само въ себѣ поразительнѣйшее, очевиднѣйшее свидѣтельство того, что въ апостольской церкви святыми апостолами, да и другими совершались многія чудотворенія, которыми подкрѣплялась сила евангельской проповѣди, по обѣтованію Христову: *знаменія вѣрующимъ сія послѣдуютъ: именемъ моимъ бѣсы изженутъ, языками возглаголятъ новыми, на недужныхъ руки возложатъ, и здравы будутъ*, согласно заключительному слову евангелія отъ Марка: *они-же изшедше проповѣдаша всюду, Господу поспѣшествующу, и слово утверждающу послѣдствующими знаменьми*.

Вообще это поразительнѣйшее свидѣтельство истины словъ и дѣлъ св. апостола Павла, что онъ истину своихъ

словъ и дѣлъ, совершенныхъ предъ извѣстными церквами, подтверждаетъ въ посланіяхъ къ этимъ церквамъ ихъ-же собственнымъ свидѣтельствомъ. Убѣдительнѣйшій памятникъ такого поразительно-доказательнаго пріема св. Павелъ представляетъ намъ во второмъ своемъ посланіи къ коринѳянамъ. Надобно сказать, что въ Коринѳѣ апостола Павла нѣкоторые лжеучители уничижали,—уничижали не только честь его, какъ апостола, но и самое ученіе; что впрочемъ терпѣлъ онъ и по другимъ церквамъ. И вотъ второе свое посланіе къ коринѳянамъ онъ пишетъ, какъ апологію не только самого себя, но и своей апостольской проповѣди. Эта струна звучитъ у него и въ другихъ писаніяхъ его; но въ этомъ посланіи она звучитъ особенно сильно. И замѣтимъ, что еслибъ онъ, обращаясь къ цѣлой церкви коринѳской, гдѣ у него были недруги, гдѣ даже многіе не хотѣли принимать его, какъ апостола, и ученіе его, какъ истинно апостольское, еслибъ онъ написалъ что-либо невѣрное, его хулители непремѣнно воспользовались-бы этимъ и обличили-бы его въ неточности, по крайней мѣрѣ при такихъ очевидныхъ сообщеніяхъ, которыя можно было воочію всѣхъ повѣрить и обличить, какъ напримѣръ въ сообщеніи о чудотвореніяхъ, совершенныхъ предъ лицемъ коринѳянъ. Вотъ онъ начинаетъ свое посланіе: „похвала наша сія есть, свидѣтельство совѣсти нашей, что *мы въ простотѣ и богоугодной искренности, не по плотской мудрости, но по благодати Божіей*, жили въ мірѣ, *особенно-же у васъ*. Вѣренъ Богъ, что слово наше съ вами не было то да, то нѣтъ. Ибо Сынъ Божій, Іисусъ Христосъ, проповѣданный нами у васъ, не былъ да и нѣтъ, но въ Немъ было—да. Всѣ обѣтованія Божіи въ Немъ—да, и въ Немъ—аминь. А и насъ Богъ утверждаетъ во Христѣ, и помазалъ насъ Духомъ, и запечатлѣлъ насъ, и далъ залогъ Духа въ сердца наши. *Бога призываю во свидѣтели на душу мою. Мы не повреждаемъ слова Божія, какъ многіе,*

по проповѣдуемъ въ чистотѣ искренно, какъ отъ Бога, предъ Богомъ, во Христѣ. Неужели намъ снова знакомиться съ вами? Неужели нужны для насъ одобрительныя письма къ вамъ? *Вы сами наше письмо, написанное въ сердцахъ, узнаваемое и читаемое всѣми человѣками.* Вы показываете собою, что вы письмо Христово, написанное чрезъ служеніе наше не чернилами, но Духомъ Бога живаго, не на скрижаляхъ каменныхъ, но на плотяныхъ скрижаляхъ сердца. Такую увѣренность мы имѣемъ въ Богѣ, чрезъ Христа, не потому, чтобы мы сами были способны помыслить что отъ себя, какъ-бы отъ себя, но способность наша отъ Бога. Онъ далъ намъ способность быть служителями новаго завѣта, не буквы, но духа. Посему, имѣя по милости Божіей такое служеніе, мы не унываемъ, но *отвергнувъ скрытныя, постыдныя дѣла, не прибѣгая къ хитрости и не искажая слова Божія, а открывая истину, представляемъ себя совѣсти всякаго человѣка предъ Богомъ.* Если-же и закрыто благовѣствованіе наше, то закрыто для погибающихъ, *для невѣрующихъ, у которыхъ богъ вѣка сего ослѣпилъ умы, чтобы для нихъ не возсіялъ свѣтъ благовѣствованія* о славѣ Христа, который есть образъ Бога невидимаго. Ибо *мы не себя проповѣдуемъ, но Христа Іисуса Господа;* а мы рабы ваши ради Іисуса, потому что Богъ, повелѣвшій изъ тьмы возсіять свѣту, озарилъ наши сердца, дабы просвѣтить насъ познаніемъ славы Божіей въ лицѣ Іисуса Христа. На сіе самое и создалъ насъ Богъ, и далъ намъ залогъ Духа. Итакъ, зная страхъ Божій, мы вразумляемъ людей, *Богу-же мы открыты, надѣюсь, открыты и вашимъ совѣстямъ.* Итакъ мы посланники отъ имени Христова, и какъ-бы самъ Богъ увѣщаваетъ чрезъ насъ. Мы споспѣшники Божіи. Мы никому ни въ чемъ не полагаемъ претыканія, чтобы не было порицаемо служеніе наше, но во всемъ являемъ себя, какъ служители Божіи, въ великомъ

терпѣніи, въ чистотѣ, *въ Духѣ Святомъ, въ словѣ истины, въ силѣ Божіей, съ оружіемъ правды въ правой и лѣвой рукѣ.* Нѣкоторые помышляютъ о насъ, что мы поступаемъ по плоти. Но ходя во плоти, мы не по плоти воинствуемъ. Оружія воинствованія нашего не плотскія, но сильныя Богомъ на разрушеніе твердынь. Я думаю, что у меня ни въ чемъ нѣтъ недостатка противъ высшихъ апостоловъ. Впрочемъ *мы во всемъ совершенно извѣстны вамъ.* Только лжеапостолы, лукавые дѣлатели, принимаютъ видъ апостоловъ Христовыхъ. И неудивительно, потому что самъ сатана принимаетъ видъ ангела свѣтла. А потому не великое дѣло, если и служители его принимаютъ видъ служителей правды. *У меня-же ни въ чемъ нѣтъ недостатка противъ высшихъ апостоловъ, хотя я и ничто. Признаки апостола во мнѣ оказались предъ вами* всякимъ терпѣніемъ, *знаменіями, чудесами и силами.* Не думаете-ли, что мы оправдываемся предъ вами! *Мы говоримъ предъ Богомъ во Христѣ,* и все это, возлюбленные, къ вашему назиданію. *Вы ищете доказательства, Христосъ ли говоритъ во мнѣ.* Онъ силенъ въ васъ. Ибо хотя Онъ и распятъ въ немощи, но живъ силою Божіею, и мы также хотя немощны въ Немъ, но будемъ живы съ Нимъ силою Божіею въ васъ". Такимъ образомъ св. Павелъ о своихъ подвигахъ, совершенныхъ предъ коринеянами, говоритъ въ лицо самимъ коринеянамъ, между которыми уже слонялись лжеапостолы, желавшіе унизить Павла. Какъ-же могъ-бы онъ говорить имъ въ лицо о своихъ чудотвореніяхъ, совершенныхъ между ними, какъ и о другихъ своихъ подвигахъ, знаменіяхъ и силахъ, если-бы онъ чудесъ между ними не творилъ, а знаменій и силъ никакихъ не являлъ? — Подобнымъ образомъ и въ посланіи къ ѳессалоникійцамъ, сказавъ, что „наше благовѣствованіе у васъ было *не въ словѣ только, но и въ силѣ, и во Святомъ Духѣ, со многимъ удостовѣреніемъ*", — св. Павелъ прибав-

ляетъ, что „*вы сами знаете, каковы были мы для васъ между вами*“, какъ и „всѣ вѣрующіе въ Македоніи и Ахаіи, да и во всякомъ мѣстѣ“, знаютъ. „Ибо они сами сказываютъ о насъ, какой входъ имѣли мы къ вамъ. Да и вы сами знаете, братія, о нашемъ входѣ къ вамъ, что онъ былъ не бездѣйственный“, какъ „мы дерзнули о Богѣ нашемъ проповѣдывать вамъ благовѣстіе Божіе съ великимъ подвигомъ. Въ ученіи нашемъ нѣтъ ни заблужденія, ни нечистыхъ побужденій, ни лукавства. Но какъ Богъ удостоилъ насъ, чтобы ввѣрить намъ благовѣстіе, такъ мы и говоримъ, угождая не человѣкамъ, но Богу, испытующему сердца наши. *Богъ свидѣтель! свидѣтели вы и Богъ,* какъ свято и праведно и безукоризненно поступали мы предъ вами вѣрующими. Посему принявъ отъ насъ слышанное слово Божіе, вы приняли не какъ слово человѣческое, *но какъ слово Божіе (каково оно есть поистинѣ).* Итакъ непокорный нашему ученію непокоренъ *не человѣку, но Богу, который и далъ намъ Духа своего Святаго*“. Тоже самое св. Павелъ могъ сказать, какъ и говорилъ, и всѣмъ церквамъ, которымъ проповѣдывалъ лично, что пишетъ солунянамъ: „*свидѣтели вы и Богъ,* что наше благовѣствованіе у васъ было *не въ словѣ только, но и въ силѣ, и во Святомъ Духѣ, въ знаменіяхъ и чудесахъ и силахъ*“,—какъ пишетъ и коринѳянамъ.

Затѣмъ праздное дѣло—ставить вопросъ, Павелъ-ли написалъ то, что ему приписывается,—вообще вопросъ о подлинности и неповрежденности книгъ новаго завѣта. Именно насчетъ подлинности Павловыхъ писаній, такъ называемая, отрицательная критика дѣлала возраженій всего менѣе, потому что эти возраженія и невозможны. Кто, напримѣръ, сомнѣвается, что извѣстныя письма Плинія, или Сенеки, или Цицерона принадлежатъ Цицерону, Сенекѣ, Плинію? Кто сомнѣвается, что извѣстныя сочиненія Лактанція или Іустина Философа принадлежатъ этимъ лицамъ? На какомъ же

основаніи позволялось бы сомнѣваться въ подлинности посланій апостола Павла, когда, по свидѣтельству Тертулліана, еще въ III вѣкѣ перечитывались въ церквахъ самые автографы апостольскихъ писаній; когда люди никогда никакими писаніями не дорожили такъ, какъ писаніями апостольскими, оберегая не только каждое слово въ нихъ, но и каждую букву? Всѣ писанія новаго завѣта, признанныя каноническими, такъ тѣсно связаны между собою, что, выдергивая одно звено изъ этого величественнаго зданія новозавѣтнаго канона священныхъ книгъ, нельзя не разрушить цѣлое зданіе. Въ цѣлости же своей это зданіе совершенно безпримѣрно въ исторіи. Разрушить подлинность всѣхъ этихъ непосредственныхъ свидѣтельствъ основанія христіанства значило бы разрушить всю историческую достовѣрность. Это значило бы безконечно болѣе, чѣмъ подвергать сомнѣнію историческое бытіе Александра македонскаго или Юлія Цезаря, Магомета или даже Наполеона, такъ какъ ни одна историческая личность не имѣла за себя столько свидѣтелей и свидѣтельствъ, сколько божественное лицо Іисуса Христа. Объ ученіи Сократа свидѣтельствуетъ одинъ ученикъ его Платонъ; а кто же не вѣритъ, что Сократъ училъ такъ, а не иначе? Кто не вѣритъ даже тому, что при кончинѣ Сократа случилось истинное чудесное предсказаніе о днѣ его кончины? О божественномъ же достоинствѣ Христа, Его жизни и ученіи, чудесахъ и пророчествахъ, смерти и воскресеніи свидѣтельствуютъ всѣ эти тысячи и сотни тысячъ и милліоны Его непосредственныхъ учениковъ и учениковъ учениковъ Его, которые, изслѣдовавъ вся испытно, признали Его Сыномъ Божіимъ и принесли этой вѣрѣ въ жертву всю свою жизнь, а очень многіе положили за эту вѣру и свои головы.

Если же такъ, если ученіе новаго завѣта имѣетъ подлинно-историческое значеніе, то несомнѣнно имѣетъ и божественное достоинство. Если же это такъ, то какъ отдѣлять

Іисуса Христа, главу церкви, оживляющую тѣло церкви своею жизнію, одухотворяющую своимъ божественнымъ духомъ, какъ отдѣлять главу отъ тѣла и отъ первѣйшихъ членовъ сего тѣла, святыхъ пророковъ и апостоловъ? Не говоримъ о томъ, что тогда, при такомъ отдѣленіи, все многовѣковое зданіе истинной церкви Божіей превратилось бы въ миражъ, въ чудовищное сцѣпленіе обольщеній и самообольщеній, разгаданное вотъ только въ наши дни извѣстнымъ нечестивымъ ересеучителемъ! Не странно-ль это? Не нелѣпо-ли? Какъ не разгадали этого тѣ милліоны милліоновъ, которые слѣдовали за Христомъ въ продолженіи девятнадцати вѣковъ, особенноже тѣ сотни тысячъ и милліоны современниковъ Христа и апостоловъ, которые ради Христа отвергались сродства, дружбы, всѣхъ общественныхъ связей, общественныхъ положеній и состояній, всѣхъ имѣній и самой жизни?!

Если же невозможно отдѣлять Христа отъ апостоловъ и пророковъ, то нельзя же отдѣлять и отъ всей церкви. Если пророки и апостолы были провозвѣстниками божественной Христовой истины, то и церковь должна быть хранительницею сей истины. По слову Христову, врата адовы не одолѣютъ церкви. Онъ самъ пребываетъ въ церкви до скончанія вѣка. И Духъ Утѣшитель пребываетъ въ церкви также во вѣкъ, наставляя ее на всякую истину. Церковь остается въ мірѣ столпомъ и утвержденіемъ истины. Богъ далъ церкви не только пророковъ и апостоловъ, но и пастырей и учителей, чтобы мы не влаялись всякимъ вѣтромъ ученія во лжи человѣческой; далъ и даруетъ и будетъ давать, дондеже достигнемъ вси въ полную мѣру возраста Христова, т. е. до кончины вѣковъ. Но были же лжеученія и лжеучители въ церкви? Да, были, въ средѣ ересей и расколовъ. Тѣмъ не менѣе истинно-каѳолическая православная церковь среди бурнаго моря заблужденій, вздымаемаго бурями ересей и расколовъ, всегда оставалась и до вѣка пребудетъ незыбле-

мымъ столпомъ, неодолимою твердынею, неподвижнымъ камнемъ — основою божественной истины. Отличительный характеръ истинно-православной церкви въ томъ и обнаруживался, что она считала своею задачею сохранить ученіе Христа и апостоловъ въ нерушимой цѣлости не только по духу, но и по буквѣ. Разъ принявъ канонъ священныхъ книгъ отъ святыхъ апостоловъ, православная церковь во всѣ вѣка руководилась въ отношеніи къ нему, завѣщаніемъ святаго апостола и евангелиста Іоанна Богослова въ апокалипсисѣ (Апок. 22, 18—19): *свидѣтельствую всякому слышащему словеса пророчества книги сея: аще кто приложитъ къ симъ, наложитъ на него Богъ язвы написанныхъ въ книзѣ сей; и аще кто отъиметъ отъ словесъ книги пророчествія сего, отъиметъ Богъ часть его отъ книги животныя, и отъ града святаго, и написанныхъ въ книзѣ сей.* Всему свѣту извѣстно, что церковь Христова хранитъ всякую букву священнаго канона, яко зѣницу ока. Подобнымъ же образомъ православная церковь относилась и къ священному Господню и апостольскому преданію, по завѣщанію св. апостола Павла: *возлюбленные Господомъ братія, Богъ отъ начала, чрезъ освященіе отъ Святаго Духа, и чрезъ вѣру истинѣ Христовой, избралъ васъ ко спасенію, къ которому и призываетъ васъ благовѣствованіемъ нашимъ, для достиженія славы Господи нашего Іисуса Христа. Итакъ, братія, стойте и держите преданія, которымъ вы научены или словомъ или посланіемъ нашимъ. Самъ же Господь нашъ Іисусъ Христосъ и Богъ и Отецъ нашъ, давшій утѣшеніе вѣчное и надежду благую во благодати, да утвердитъ васъ во всякомъ словѣ и дѣлѣ благомъ. Вѣренъ Господь, который утвердитъ васъ и сохранитъ отъ лукаваго Завѣщаваемъ вамъ, братія, именемъ Господа нашего Іисуса Христа, удаляться отъ всякаго*

брата, поступающаго безчинно, а не по преданію, которое вы приняли отъ насъ (2 Сол. 2, 13—17; 3, 3—6).

И вотъ почти два тысячелѣтія спустя, со времени основанія христіанской церкви, въ нашемъ отечествѣ явился ересеучитель, который открылъ, что не только послѣдующіе пастыри и учители, ученики апостольскіе, но и сами уже апостолы измѣнили истинное ученіе Христа. Да откуда же онъ могъ бы знать это, какъ не изъ евангелій и прочихъ писаній апостольскихъ, сохраненныхъ въ неизмѣнномъ видѣ въ продолженіи 19 вѣковъ?! Вѣдь самъ Христосъ лицомъ къ лицу съ нимъ не бесѣдовалъ, особыхъ откровеній его, какъ апостола Павла, не удостоивалъ. На какомъ же историческомъ основаніи онъ измышляетъ новое свое евангеліе, которое отстоитъ отъ апостольскаго Христова евангелія, какъ небо отъ земли, евангеліе не только ложное въ самомъ основаніи, но и грубо безобразное, обнаженно-циническое?! Отдѣленный отъ тѣла церкви, безъ проповѣди пророковъ и апостоловъ, безъ вѣры церкви, основанной на подлинномъ священномъ писаніи и преданіи, во что тогда превратился бы самъ Христосъ? Превратился бы въ того Христа, котораго проповѣдуетъ сей ересеучитель... въ Христа сына только Дѣвы Маріи, безъ вѣры въ небесный промыслъ Божій, въ живаго личнаго Бога, въ загробный міръ и вѣчную жизнь, — не повторяя прочихъ оскорбительныхъ даже для языка вѣрующаго хуленій. Боже! И сего хульника, объявляющаго о своемъ глубокомъ и всестороннемъ развратѣ и злодѣйствахъ вслухъ всего свѣта, наши мнящіеся умники избираютъ себѣ учителемъ яко-бы въ вѣрѣ,—всегда учащіеся и николиже въ разумъ истины пріити могущіе. Не настаетъ ли уже время, о которомъ предсказываетъ апостолъ Павелъ, —*время, егда люди здраваго ученія не послушаютъ, но по своимъ похотямъ изберутъ себѣ учителей, чешеми слухомъ, и отъ истины слухъ отвратятъ и къ баснямъ*

уклонятся. Якоже и Іоанній и Іамврій противистася Моусею, такоже и сіи противляются истинѣ, человѣцы растлѣнни умомъ и неискусни въ вѣрѣ. И слово ихъ, какъ ракъ въ жирѣ, будетъ распространяться, да и распространяется, говорятъ, не по днямъ, а по часамъ, *разрушая въ нѣкоторыхъ вѣру. Но твердое основаніе Божіе стоитъ, имѣя печать сію: позналъ Господь своихъ, и еще печать: да отступитъ отъ неправды всякій, исповѣдающій имя Господа* (2 Тим. 2, 19). Аминь.

1886 г.

ПОУЧЕНІЕ V.

Въ великій четвертокъ.

Объ истинномъ тѣлѣ и истинной крови Христовыхъ въ св. евхаристіи.

Господи! къ кому идемъ? Глаголы живота вѣчнаго имаши (Іоан. гл. 6).

„Никогда не забуду“,— пишетъ новоявленный ересеучитель,— „никогда не забуду мучительнаго чувства, испытаннаго мною въ тотъ день, когда я причащался въ первый разъ послѣ многихъ лѣтъ. Службы, исповѣдь, правила, все это было понятно мнѣ и производило во мнѣ радостное ощущеніе того, что смыслъ жизни открывается мнѣ. Самое причащеніе я пояснялъ себѣ, какъ дѣйствіе, совершаемое въ воспоминаніе Христа и означающее очищеніе отъ грѣха и полное воспринятіе ученія Христова. Мнѣ такъ радостно было, унижаясь и смиряясь предъ духовникомъ, раскрывать всю жизнь своей души, каясь въ своихъ порокахъ. Радостно было сливаться мыслями со смиреніемъ отцовъ, писавшихъ молитвы и правила предъ причастіемъ. Радостно было единеніе со всѣми вѣровавшими и вѣрующими. Но когда я подошелъ къ царскимъ дверямъ, и священникъ заставилъ меня повторять извѣстныя слова, говоря объ истинномъ тѣлѣ и истинной крови, меня рѣзнуло по сердцу... Я пришелъ къ вѣрѣ потому, что помимо вѣры не нашелъ ничего, кромѣ погибели. Поэтому откидывать эту вѣру нельзя было, и я покорился, нашедши въ душѣ своей чувство, помогшее мнѣ перенести это. Это было чувство самоуничиженія и сми-

ренія. Подъ вліяніемъ его я пріобщился безъ кощунственныхъ чувствъ... Продолжая попрежнему исполнять обряды, я все еще вѣрилъ, что въ томъ вѣроученіи, которому я слѣдовалъ, была истина. Слушая разговоръ странника, безграмотнаго селянина и вообще простыхъ людей о Богѣ, о спасеніи, о жизни, я получалъ знаніе вѣры. Тоже было со мною при чтеніи прологовъ, Четь-миней. Но стоило мнѣ сойтись съ учеными вѣрующими, или взять ихъ книги, какое-то сомнѣніе въ себѣ, недовольство, озлобленіе скоро возникали во мнѣ, и я чувствовалъ, что чѣмъ больше я вникаю, тѣмъ больше удаляюсь отъ истины и иду къ пропасти... Рѣшеніе вопросовъ жизни церковію, противное самымъ основамъ той вѣры, которою я жилъ, окончательно заставило меня отказаться отъ возможности общенія съ православіемъ".

Въ чемъ же вѣра этого новоявленнаго ересеучителя? Онъ вѣруетъ въ Бога пантеистическаго. Вѣруетъ въ безсмертіе буддійское. Вѣруетъ въ сочиненное имъ самимъ евангеліе Христово. Вѣруетъ въ обязательность завѣщанной Христомъ любви и заповѣди работать на себя и на другихъ, для снисканія хлѣба и всего нужнаго въ сей жизни. Въ этомъ, по его вѣрѣ, вся задача и смыслъ и даже возможность жизни, а безъ этого приходится стремиться къ покою небытія. Все же остальное, что несогласно съ сочиненною имъ вѣрою, то ученіе будто бы не Христово, то будто бы придумали мы, ученики и преемники Іисуса Христа. Преемники же будто бы придумали, вмѣсто символическаго сопребыванія Іисуса Христа, присутствіе истиннаго тѣла и истинной крови въ св. евхаристіи, какъ и всѣ чудеса въ евангельской исторіи.

Что мы православные можемъ сказать противъ этого? Что касается чудесъ, то они совершаются въ церкви Божіей даже до сего дня воочію всѣхъ, хотящихъ видѣти. Относительно же святой евхаристіи замѣчательно, что новоявлен-

ный ересеучитель смотритъ на этотъ предметъ именно такъ, какъ смотрѣли современные Христу іудеи; мы же православные исповѣдуемъ то, чему въ обличеніе іудеевъ поучалъ самъ Христосъ. Вообще 6-я глава отъ Іоанна есть прямой обличительный отвѣтъ на лжеученіе о св. евхаристіи новоявленнаго ересеучителя, который мнитъ же себя ученикомъ Христовымъ и послѣдователемъ евангелія.

Вотъ обстоятельства. Въ окрестностяхъ Тиверіады, у моря Галилейскаго, Господь Іисусъ сотворилъ чудо насыщенія пяти тысячъ народа пятью хлѣбами и двумя рыбами. Іудеи рѣшили, что настали времена Мессіи, въ чемъ они и не ошибались. Ошибались они въ чувственномъ представленіи царства Мессіи, полагая, что ихъ будутъ теперь кормить постоянно хлѣбомъ, сходящимъ съ неба. Увидѣвъ чудо насыщенія, іудеи сказали: это воистину тотъ пророкъ, которому должно прійти въ міръ, и, какъ явившагося Мессію, хотѣли придти, нечаянно взять Іисуса и сдѣлать царемъ, чтобы Онъ постоянно насыщалъ ихъ чудеснымъ образомъ. Уразумѣвъ это, Іисусъ уклонился отъ нихъ къ ночи, и тайно отъ народа отправился на другую сторону моря въ Капернаумъ. Но когда на утро народъ увидѣлъ, что около Тиверіады, гдѣ ѣли чудесный хлѣбъ, нѣтъ Іисуса, то вошли въ лодки и приплыли въ Капернаумъ, ища Іисуса. И нашедши Его на той сторонѣ моря, говорятъ Ему: Равви! Когда здѣ бысть? Когда ты сюда пришелъ? Читая въ сердцахъ, да и видя очами въ народѣ беззастѣнчивое желаніе повторенія чуда,—чуда именно насыщенія, Іисусъ сказалъ имъ въ отвѣтъ: аминь, аминь глаголю вамъ: вы ищете Меня даже не потому, что видѣли чудеса (хотя видѣть чудеса и любопытно), но потому, что ѣли хлѣбъ и насытились.—И начинаетъ рѣчь, прямо направленную противъ низменности и плотяности помысловъ, чувствъ и стремленій не только со-

временныхъ ему іудеевъ, но и современнаго намъ ересеучителя съ его послѣдователями.

Старайтесь,—поучаетъ Христосъ,—не о пищѣ тлѣнной, но о пищѣ, пребывающей въ жизнь вѣчную, которую дастъ вамъ Сынъ человѣческій.—Между тѣмъ іудеи упорствуютъ имѣть въ предметѣ свое же,—насыщеніе пищею, пусть и небесною, но чувственною. И говорятъ Ему: какое же Ты дашь намъ знаменіе, чтобы мы увидѣли и повѣрили Тебѣ? Отцы наши ѣли манну въ пустынѣ, какъ написано: хлѣбъ съ неба Богъ далъ имъ ѣсть. А Ты что дѣлаешь?—Іисусъ же сказалъ имъ: аминь, аминь глаголю вамъ: не Моусей далъ вамъ хлѣбъ съ неба, хотя вы ѣли манну съ неба, а Отецъ мой дастъ вамъ истинный хлѣбъ съ небесъ. Ибо хлѣбъ Божій есть тотъ, который сходитъ съ небесъ и даетъ жизнь міру. —На сіе іудеи сказали Ему: Господи! всегда подавай намъ такой хлѣбъ,—помышляя при семъ о хлѣбѣ небесномъ вродѣ манны. Но Іисусъ сказалъ имъ: Я есмь хлѣбъ жизни; приходящій ко Мнѣ не будетъ алкать и вѣрующій въ Меня не будетъ жаждать никогда.—Возроптали на Него іудеи, какъ возроптали на Него и современный намъ ересеучитель за то, что Онъ сказалъ: Я есмь хлѣбъ сшедшій съ небесъ. И говорили какъ разъ то же, что говоритъ и современный намъ ересеучитель: что Онъ такое говоритъ? Не Іисусъ ли это, сынъ Іосифовъ, котораго отца и мать мы знаемъ? Какъ же говоритъ Онъ: Я сшелъ съ небесъ? — Іисусъ говоритъ имъ, какъ и современному намъ ересеучителю въ отвѣтъ: не ропщите между собою. Никто не можетъ пріити ко Мнѣ, если не привлечетъ его Отецъ, пославшій Меня. Только научённый Богомъ Отцемъ приходитъ ко Мнѣ. Только тотъ увѣруетъ, что Я есмь хлѣбъ жизни. Отцы ваши ѣли манну въ пустынѣ и умерли. Хлѣбъ же, сходящій съ небесъ, таковъ, что ядущій его не умретъ. Я хлѣбъ живый, сшедшій съ небесъ: ядущій хлѣбъ сей живъ будетъ во вѣкъ. — Итакъ ясно,

по словамъ самого Христа, что Онъ самъ есть хлѣбъ жизни, хлѣбъ сходящій съ небесъ, хлѣбъ такой, что ядущій его не умретъ, но будетъ жить во вѣкъ, хлѣбъ такой, который нужно ѣсть, чтобы жить и жить вѣчно. Но что же это за хлѣбъ? Что именно нужно ѣсть? — *Хлѣбъ же, который Я дамъ, есть плоть моя, которую Я отдамъ за жизнь міра*,— отвѣтствуетъ самъ Христосъ ясно, точно и опредѣлительно.

Такъ поняли Его іудеи. Поняли слова Его просто и буквально, что хлѣбъ, который Онъ дастъ, который сходитъ съ неба, который даруетъ жизнь вѣчную, который нужно ѣсть для полученія жизни вѣчной, есть именно плоть Іисуса Христа, та самая плоть, которую Онъ имѣетъ отдать за жизнь міра. Но здѣсь у іудеевъ, какъ и у современнаго намъ ересеучителя, возникаетъ плотской низменный помыслъ о невозможности. Іудеи стали тогда спорить между собою, говоря: какъ Онъ можетъ дать намъ ѣсть плоть свою?—И если бы въ семъ случаѣ они поняли слова Христовы невѣрно, то Христу естественно было исправить ихъ недоумѣніе. Между тѣмъ Господь подтверждаетъ крѣпче и крѣпче какъ слова свои, такъ и тотъ простой буквальный смыслъ, въ какомъ они были поняты іудеями. Іисусъ сказалъ имъ: аминь, аминь глаголю вамъ: если не будете ѣсть плоти Сына человѣческаго, и пить крови Его, то не будете имѣть жизни въ себѣ. Ядущій мою плоть и піющій мою кровь имѣетъ жизнь вѣчную: и Я воскрешу его въ послѣдній день. Ибо плоть моя истинно есть пища, и кровь моя истинно есть питіе. Ядущій мою плоть и піющій мою кровь пребываетъ во Мнѣ и Я въ немъ. Какъ послалъ Меня живый Отецъ, и Я живу Отцемъ: Такъ и ядущій Меня живъ будетъ Мною.—Итакъ сомнѣнія нѣтъ. По слову Христову, приходится буквально ѣсть Іисуса Христа, буквально ѣсть плоть Сына человѣческаго и пить кровь Его. Буквально плоть Его истинно есть пища, и кровь Его истинно есть питіе. Сей-то есть хлѣбъ,

—продолжаетъ Господь, подтверждая и разъясняя себя,— сей-то есть хлѣбъ, сшедшій съ небесъ. Не такъ какъ отцы ваши ѣли манну въ пустынѣ и умерли: ядущій хлѣбъ сей жить будетъ во вѣкъ.

Сіе говорилъ Іисусъ Христосъ въ синагогѣ, уча въ Капернаумѣ. Господь высказался несомнительно: небесная пища есть плоть Его, которую нужно ѣсть; небесное питіе—кровь Его, которую нужно пить. И теперь уже не іудеи только заспорили, говоря: *какъ Онъ можетъ дать намъ пить плоть свою?* Но возроптали многіе и изъ учениковъ Его точно также, какъ возроптали и современный намъ ересеучитель, также одинъ изъ невѣрныхъ учениковъ Христовыхъ. Многіе изъ учениковъ, слыша слова Христовы, говорили: какія странныя слова! Кто можетъ Его слушать!—Но Іисусъ, зная самъ въ себѣ, что ученики Его ропщутъ на то, какъ ропщетъ и современный намъ ересеучитель, говоритъ имъ, какъ и сему послѣднему: это-ли соблазняетъ васъ? Что же если увидите Сына человѣческаго, восходящаго туда, гдѣ былъ прежде, чрезъ крестную смерть? Какъ эта страшнопозорная смерть должна соблазнить васъ! Вы руководитесь помыслами низменными плотскими. Духъ животворитъ, плоть не пользуетъ нимало. Слова, которыя говорю Я вамъ, суть духъ и жизнь. Но есть отъ васъ нѣкоторые невѣрующіе.— Ибо Іисусъ сначала зналъ, кто суть невѣрующіе, и кто предастъ Его. И сказалъ: для того-то и говорилъ Я вамъ, что никто не можетъ прійти ко Мнѣ, если то не дано будетъ ему отъ Отца моего.

Съ сего времени многіе изъ учениковъ Его отошли отъ Него, и уже не ходили съ Нимъ,—отошли и не ходили съ Нимъ, соблазнившись Его ученіемъ именно о причастіи тѣла и крови Его,—точь въ точь какъ современный намъ ересеучитель. Тогда Іисусъ говоритъ и двѣнадцати избраннымъ ученикамъ: не хотите-ли и вы отойти?— Симонъ же Петръ

отъ лица двоюнадесяти отвѣчалъ Ему: Господи! Къ кому намъ идти? Ты имѣешь глаголы жизни вѣчной. И мы увѣровали и познали, яко Ты еси Христосъ Сынъ Бога живаго. —Сіи-то слова первоверховнаго апостола Петра каждый изъ насъ и повторяетъ предъ лицемъ Господа, присущаго въ св. евхаристіи: вѣрую, Господи, и исповѣдую, яко Ты еси воистину Христосъ Сынъ Бога живаго, пришедый въ міръ грѣшныя спасти. Еще вѣрую, яко сіе есть самое пречистое тѣло твое и сія есть самая честная кровь твоя... во оставленіе грѣховъ и въ жизнь вѣчную. Господи! Къ кому намъ идти? Глаголы живота вѣчнаго имаши.

Между тѣмъ Господь внушительно замѣчаетъ и избраннымъ двоюнадесяти: не двѣнадцать-ли васъ избралъ Я? Но одинъ изъ васъ діаволъ.—Это говорилъ Онъ объ Іудѣ Симоновѣ Искаріотѣ: ибо сей хотѣлъ предать Его, хотя и былъ одинъ изъ избраннѣйшихъ двѣнадцати. Такъ что-же удивительнаго, если и въ наше время, изъ множества маловѣрныхъ христіанъ появляется и одинъ и другой и третій Іуда предатель, который предаетъ Іисуса льстивыми словесы: радуйся Равви! и даже лобызая Его, однако всеже предаетъ врагамъ Его на второе распятіе: поимите Его и распните, той есть льстецъ оный...

И вотъ когда предъ страстію Господнею приспѣлъ часъ учредить новый завѣтъ и первоосновное его таинство св. евхаристіи, таинство закланія и вкушенія божественно-искупительнаго пасхальнаго Агнца и пролитія крови Его на тайной вечери, Іисусъ, взявъ хлѣбъ и благословивъ, преломилъ и, раздавая ученикамъ, сказалъ: пріимите, ядите, сіе есть тѣло мое. И взявъ чашу и благодаривъ, подалъ имъ и сказалъ: пійте отъ нея вси, ибо сіе есть кровь моя новаго завѣта, за многихъ изливаемая во оставленіе грѣховъ. Сіе творите въ мое воспоминаніе. Съ того времени святые апостолы и начали постоянно совершать сіе первоосновное таинство

новаго завѣта, и совершали какъ таинство жертвоприношенія, раздаянія и вкушенія истиннаго тѣла и истинной крови Христовыхъ, какъ это видно изъ всѣхъ древнихъ литургій, имѣющихъ несомнѣнное истинно-апостольское происхожденіе не только въ основѣ, не только въ такъ называемой формулѣ совершенія таинства евхаристіи, но и въ распорядкѣ частей сего величайшаго священнодѣйствія, и во многихъ подробностяхъ, а во многомъ и въ самой буквѣ. Въ древней апостольской и свято-отеческой церкви мы не знаемъ времени, когда въ жертву св. евхаристіи вѣровали бы только, какъ въ жертвоприношеніе символическое, въ символическое воспоминаніе, а не дѣйствительное принесеніе въ даръ Богу истинныхъ тѣла и крови Христовыхъ. Истинную вѣру церкви апостольской въ истинное тѣло и истинную кровь Христа въ св. евхаристіи изъясняетъ св. апостолъ Павелъ въ посланіи къ коринѳянамъ: сами разсудите о томъ, — пишетъ онъ, — что я говорю. Чаша благословенія, которую благословляемъ, когда совершаемъ вечерю Господню, не есть-ли пріобщеніе крови Христовой? Хлѣбъ, который преломляемъ, не есть-ли пріобщеніе тѣла Христова (1 Кор. 10, 16—17)? Ибо я отъ самаго Господа принялъ то, что и вамъ предалъ, что Господь Іисусъ въ ту ночь, въ которую преданъ былъ, взялъ хлѣбъ и возблагодаривъ преломилъ и сказалъ: пріимите, ядите, сіе есть тѣло мое, за васъ ломимое; сіе творите въ мое воспоминаніе. Также и чашу послѣ вечери, и сказалъ: сія чаша есть новый завѣтъ въ моей крови; сіе творите, когда только будете пить отъ нея, въ мое воспоминаніе. Ибо всякій разъ, когда вы ѣдите хлѣбъ сей, и пьете чашу сію, смерть Господню возвѣщаете, доколѣ Онъ пріидетъ. Посему кто будетъ ѣсть хлѣбъ сей, или пить чашу Господню недостойно, виновенъ будетъ противъ тѣла и крови Господней. Да испытываетъ же себя человѣкъ (откуда и пошло предвареніе св. причастія исповѣдію), и такимъ обра-

зомъ пусть ѣстъ отъ хлѣба сего и пьетъ отъ чаши сей. Ибо кто ѣстъ и пьетъ недостойно, тотъ ѣстъ и пьетъ въ осужденіе себѣ, не разсуждая тѣла Господня (1 Кор. 11, 23—29),— не разсуждая подобно тому же современному намъ ересеучителю, который готовъ бы ѣсть хлѣбъ сей и пить чашу сію, но только какъ символическое воспоминаніе смерти Христовой, а никакъ не разумѣя въ нихъ ни истиннаго тѣла, ни истинной крови Христовыхъ.

Да вѣдаютъ же новоявленный ересеучитель съ учениками своими, что они, въ своей самоизмышленной вѣрѣ о св. евхаристіи, слѣдуютъ не Іисусу Христу, а современнымъ Ему, какъ и намъ іудеямъ. Да вѣдаютъ, что они служатъ Христу не истинному, а самоизмышленному, что кланяются собственому самоизмышленію, кланяются идолу своего собственнаго, болѣзненно-неумѣреннаго самолюбія. Это имъ, а не однимъ только древнимъ іудеямъ внушаетъ истинный Христосъ, говоря: старайтесь не о пищѣ тлѣнной, но о пищѣ, пребывающей въ жизнь вѣчную, обличая именно ихъ суемудріе, будто вся задача и счастіе жизни заключается въ томъ, чтобы работать на себя и на другихъ для пріобрѣтенія куска хлѣба и всего нужнаго для земной жизни, не имѣя въ виду жизни вѣчной, которой будто бы и не полагается. Это ихъ, вмѣстѣ съ іудеями, обличаетъ истинный Христосъ, когда говоритъ, что Онъ самъ есть хлѣбъ, сходяй съ небеси и даяй жизнь міру; что Онъ самъ есть хлѣбъ жизни, хлѣбъ живой, хлѣбъ такой, что ядущій его не умретъ, но будетъ жить во вѣкъ; что хлѣбъ сей, который Христосъ Господь даетъ, есть именно плоть Его, которую Онъ даетъ за жизнь міра; что кто не ѣстъ плоти Сына человѣческаго, и не пьетъ крови Его, тотъ жизни не имѣетъ въ себѣ; что плоть Христа истинно есть пища и кровь Его истинно есть питіе; что ядущій плоть и піющій кровь Христа пребываетъ во Христѣ и Христосъ въ немъ; что какъ Христосъ живетъ От-

цемъ, такъ и ядущій Христа жить будемъ Имъ, Христомъ. Не одни современные Христу іудеи роптали, но и современный намъ новоявленный ересеучитель вмѣстѣ съ іудеями ропщетъ же на Христа за то, что Онъ говоритъ: *Я есмь хлѣбъ, сшедшій съ небесъ*; ропщетъ, какъ роптали и іудеи, говоря: не Іисусъ ли это, сынъ Іосифовъ, котораго отца и мать мы знаемъ? Какъ же Онъ говоритъ: Я сшелъ съ небесъ? Какъ Онъ можетъ дать намъ ѣсть плоть свою? Какія странныя слова! Кто можетъ это слушать! — Это имъ-то, ересеучителю съ учениками, а не однимъ іудеямъ, говоритъ Іисусъ въ отвѣтъ, въ обличеніе и въ совѣтъ: не ропщите между собою. Никто не можетъ придти ко Мнѣ, если не привлечетъ его Отецъ, пославшій Меня; если самъ Богъ его не наставитъ. Слова, которыя говорю Я вамъ, суть духъ и жизнь. Духъ животворитъ, плоть не пользуетъ нимало. Вы же руководитесь помыслами плотскими, низменными. Мнѣ вѣдомо, Мною же и предопредѣлено отъ начала, кто суть и будутъ невѣрующіе, и кто предастъ Меня, Христа. Для того-то и говорилъ Я вамъ, что никто не можетъ пріити ко Мнѣ, если то не дано будетъ ему отъ Отца моего.—Не они первые, не они послѣдніе изъ учениковъ Христа, что отходятъ отъ Христа и уже не ходятъ съ Нимъ. Предшественниковъ себѣ въ этомъ они имѣютъ въ первыхъ ученикахъ Христовыхъ изъ іудеевъ, которые тогда еще отошли отъ Христа и уже не ходили съ Нимъ. Исторія старая, повторяющаяся отъ вѣка, повторяемая и современнымъ намъ ересеучителемъ. Новаго пока не сочинилъ онъ, даже и въ своемъ евангеліи, ничего, а только повторяетъ старыя еврейскія басни. Тѣ тогда соблазнились ученіемъ Христовымъ о вкушеніи тѣла и крови Христовыхъ въ таинствѣ причастія: какъ Онъ можетъ дать намъ ѣсть плоть свою?! И эти соблазнились тѣмъ же.—„Когда священникъ“,—жалуется соблазнившійся мудрецъ,—„заставилъ меня повторять извѣстныя

слова, говорящія объ истинномъ тѣлѣ и истинной крови, меня рѣзнуло по сердцу... Я пріобщился безъ кощунственныхъ чувствъ; однако ударъ былъ уже нанесенъ и зная напередъ ожидающее меня, я не могъ идти въ другой разъ“.— Это тоже самое, что: какія странныя слова! Кто можетъ это слушать! какъ говорили іудеи, послѣ чего многіе изъ маловѣрныхъ учениковъ Христа отошли отъ Него, и уже не ходили съ Нимъ. Имъ не дано было отъ Бога Отца пріити ко Христу и ходить за Нимъ.

Счастіе прійти ко Христу и достойно приступить къ причастію святаго тѣла Его нужно заслужить. Чего же ждать, на что надѣяться, когда человѣкомъ дѣлается все обратное, дѣлается нарочно все къ тому, чтобы не только быть отвергнутымъ отъ Христа, но и оттолкнуть отъ себя Христа? Вотъ самая недавняя и совершенно достовѣрная исторія, какъ человѣкъ, долго отвергавшій, и вдругъ въ смертный часъ взыскавшій Христа, былъ отвергнутъ Христомъ, по меньшей мѣрѣ, не былъ удостоенъ причастія Христу. Однажды вечеромъ, въ одной изъ столицъ, приглашаютъ образованнѣйшаго и саановнаго пастыря на домъ причастить больнаго. По приходѣ въ домъ, на вопросъ пастыря, гдѣ же больной, встрѣчавшій его хозяинъ, повидимому, совсѣмъ здоровый, отвѣчаетъ: это я. Духовный отецъ удивился и съ кроткимъ увѣщаніемъ говоритъ, что ему слѣдуетъ не призывать на домъ священника съ причастіемъ, а самому идти въ церковь, поговѣть, исповѣдаться и затѣмъ уже пріобщиться, такъ какъ, повидимому, онъ не настолько боленъ. Больной, лѣтъ пятидесяти человѣкъ, говоритъ почтительно: „вы правы; но я не знаю, что со мною, мнѣ кажется, что мнѣ надо спѣшить, я не долженъ откладывать“.—Удивленный духовникъ приступилъ къ исповѣди. Но во время чтенія молитвъ предъ исповѣдью, стоявшій на ногахъ исповѣдникъ прерываетъ духовнаго отца: „ахъ, нельзя ли поскорѣе,

я боюсь опоздать". — На исповѣди духовникъ узнаетъ, что тотъ не говѣлъ болѣе 30 лѣтъ, да и въ церковь не ходилъ, даже смѣялся и глумился надъ причастіемъ и причастниками. По блѣдному лицу кающагося текли слезы: „давно не плакалъ",—сорвалось съ устъ исповѣдающагося. Взволнованный духовникъ, прочитавъ разрѣшительную молитву, приступилъ къ святымъ дарамъ. Причастникъ проситъ позволенія сѣсть, чувствуя себя усталымъ. Духовникъ началъ читать молитву: „вѣрую, Господи, и исповѣдую".... Больной тихо повторяетъ. Слыша, что голосъ больнаго слабѣетъ, духовникъ ускоряетъ чтеніе молитвы невольно, безсознательно, и подходитъ къ больному со св. дарами. Пока духовникъ дѣлалъ эти четыре-пять шаговъ, слышитъ легкій вздохъ, подходитъ. А тотъ уже былъ мертвъ. Онъ дожилъ до разрѣшительной молитвы, до покаянія, но до причастія, надъ которымъ столь долго глумился, не дожилъ („Гражданинъ", 1885 г. № 17). Тутъ и вспоминаются грозныя слова св. апостола: *если отвергшійся закона Моисеева, при двухъ или трехъ свидѣтеляхъ, безъ милосердія наказывается смертію: то сколь тягчайшему, думаете, наказанію повиненъ будетъ тотъ, кто попираетъ Сына Божія, и не почитаетъ за святыню кровь завѣта, которою освященъ, и Духа благодати оскорбляетъ?! Страшно впасть въ руки Бога живаго* (Евр. 10, 28—31).

Еда не можетъ рука Господня спасти? или Господь отягчилъ есть слухъ свой, еже не услышати? Но грѣси ваши разлучаютъ между вами и между Богомъ, по слову пророка Исаіи (59, 1—4). *И грѣхъ ради вашихъ отврати Господь лице свое отъ васъ еже не помиловати. Руцѣ бо ваши осквернены кровію, и персты ваши во грѣсѣхъ, устнѣ же ваша возглаголаша беззаконіе, и языкъ вашъ неправдѣ поучается. Уповаютъ на суетная и глаголютъ тщетная: яко зачинаютъ трудъ и рождa-*

ютъ беззаконіе. Кое общеніе свѣту ко тмѣ? Кое же согласіе Христови съ Веліаромъ? Новоявленный ересеучитель поражаетъ міръ, не только признаваясь вслухъ всего міра, но и тщеславно выставляясь признаніемъ, что „я де предавался гадкимъ страстямъ, убивалъ людей на войнѣ, вызывалъ на дуэль, чтобы убить, проигрывалъ въ карты или профдалъ труды крестьянъ, казнилъ ихъ, блудилъ; ложь, воровство, любодѣяніе *всѣхъ родовъ*, пьянство, насиліе, убійство... не было преступленія, котораго я бы не совершалъ.... и за все это меня хвалили“... Если же за всѣ эти постыдныя и гнусныя, тяжкія и даже кровавыя преступленія нѣтъ на преступника суда человѣческаго, то удивительно ли, что постигаетъ его судъ Божій? Удивительно ли, что Отецъ небесный не даетъ ему прійти ко Христу? Приходили ко Христу мытари и грѣшники, прелюбодѣи и даже разбойники, но кающіеся. А сей и Сына Божія попираетъ, и кровь завѣта не почитаетъ за святыню, и Духа благодати оскорбляетъ; еще же глумится и надъ евангеліемъ, сочиняя новаго Іисуса, привѣтствуя Іудинымъ лобзаніемъ Христа, какъ человѣка: радуйся, Равви! и предавая Его врагамъ Его на пропятіе, какъ Богочеловѣка: *егоже аще лобжу, той есть, имите Его!* Что удивительнаго, если предатель Христа „идетъ, идетъ, приходитъ къ пропасти и ясно видитъ, что впереди ничего нѣтъ, кромѣ погибели, что жизнь становится постылою, и непреодолимая сила влечетъ къ самоубійству?“ Объ этой непреодолимой силѣ сказано въ евангеліи: *по хлѣбѣ тогда*,—послѣ недостойнаго причастія, *вниде въ онь, въ Іуду, сатана*... Онъ-то, самъ сатана, и нашептываетъ самоубійственные помыслы. Онъ-то и есть непреодолимая, гнѣздящаяся въ самомъ сердцѣ сила... Между предательствомъ Іуды, между отрицаніемъ отъ Бога и Христа Его и самоубійствомъ имѣется естественная логическая связь. *Согрѣшихъ, предавъ кровь неповинную*, — созналъ Іуда, *и шедъ*

удавися (Мат. 27, 4—5). Эту роковую связь призналъ знаменитый мыслитель Пироговъ. Это испытываетъ на собственномъ опытѣ и нашъ также знаменитый ересеучитель.

Намъ же куда пристать? За нимъ ли идти, или же оставаться со Христомъ? Еслибъ мы сдвинулись съ истинной вѣры въ св. евхаристію, то сдвинулись бы съ самой основы евангелія и сдвинули бы ее. Такъ *кое же причастіе правдѣ къ беззаконію? Или кое общеніе свѣту ко тмѣ?! Кое согласіе Христови съ Веліаромъ? Или кая часть вѣрному съ невѣрнымъ? Или кое сложеніе церкви Божіей съ идолами?!* Вѣдь это и къ намъ простираетъ Христосъ Господь жалостливое слово: развѣ и вы хотите отойти и оставить Меня?! Но мы отвѣтствуемъ словами первоверховнаго апостола Петра: Господи! Къ кому идемъ? Глаголы живота вѣчнаго имаши. И мы вѣруемъ и исповѣдуемъ, яко Ты еси воистину Христосъ, Сынъ Бога живаго, пришедый въ міръ грѣшныя спасти. Еще же вѣруемъ, яко сіе есть самое пречистое тѣло твое, и сія самая есть честная кровь твоя, во оставленіе грѣховъ и въ жизнь вѣчную. Да не въ судъ убо или во осужденіе будетъ намъ причащеніе святыхъ твоихъ таинъ, но во исцѣленіе души и тѣла.

1886 г.

ПОУЧЕНІЕ VI.

На день св. Благовѣрнаго князя Александра Невскаго (23 ноября 1886 года).

О томъ, что ересеученіе графа Льва Толстаго разрушаетъ основы общественнаго и государственнаго порядка.

Внемлите отъ лживыхъ пророкъ, иже приходятъ къ вамъ во одеждахъ овчихъ, внутрь же суть волцы хищницы. Отъ плодъ ихъ познаете ихъ. Еда объемлютъ отъ тернія грозды, или отъ репія смоквы? Тако всяко древо добро плоды добры творитъ; а злое древо плоды злы творитъ. Не можетъ древо добро плоды злы творити, ни древо зло плоды добры творити. Всяко убо древо, еже не творитъ плода добра, посѣкаютъ е, и во огнь вметаютъ. Тѣмже убо отъ плодъ ихъ познаете ихъ (Матѳ. 7, 15—20).

Іероглифы читаются и толкуются людьми, которые пріучены разбирать ихъ. И знаніе однихъ, поощряемое довѣріемъ другихъ, ведетъ иногда къ великимъ открытіямъ. Къ нашему прискорбію, мы, привыкшіе разбирать священныя и таинственныя письмена православнаго христіанскаго богословія и толковать, что подъ ними скрывается, мы не всегда пользуемся такимъ довѣріемъ другихъ. Такъ, когда мы говоримъ, что ереси, которыми развиваются антихристіанскія начала, подрываютъ вмѣстѣ съ тѣмъ и основы построеннаго на православныхъ началахъ вѣры русскаго общества, то принято за обычай намъ не вѣрить. Не вѣрили

намъ, когда мы твердили это касательно многихъ отдѣловъ безпоповщинскаго раскола, духоборцевъ, хлыстовъ и т. п. Не вѣрили, когда мы заговорили это относительно только что возникавшаго якобы научнаго нигилизма; не вѣрили и сперва даже заигрывали съ нимъ... до Коракозовщины. Не вѣрятъ, когда мы предсказываемъ тоже относительно Пашковщины, штундизма, анабаптизма. Не вѣрятъ намъ, когда мы взываемъ ко всѣмъ: поддержите русскую православную вѣру и церковь, — поддерживая ее, вы поддерживаете государство. Не вѣрятъ, что и теперь, какъ всегда, міромъ управляетъ идея, и что идея, проявляющаяся въ вѣрѣ, въ христіанствѣ, въ православіи, есть самая мощная, самая основная, самая капитальная, самая руководственная для нашего народа и царства и всего славянства. Посмотрите вотъ на Болгарію, на славянскій міръ, — кто тамъ съ Богомъ, со Христомъ и за православіе, тѣ и съ нами, тѣ не противъ Россіи, тѣ за русскаго православнаго Царя. Съ ними и съ нами Богъ. А кто тамъ противъ православія, противъ Христа и противъ Бога, тѣ и противъ насъ. А тѣ, кто тамъ противъ насъ, тѣ, сами даже радикалы, даже атеисты въ душѣ, тѣмъ не менѣе, будучи разсчетливѣе и предусмотрительнѣе насъ, сейчасъ же берутся за энергическую пропаганду между православными братьями нашими иновѣрія—католичества и протестантства, отчетливо понимая, что пока Славяне вмѣстѣ и православные, они наши братья по крови и духу; а разъ станутъ они иновѣрцы, вмѣстѣ съ тѣмъ станутъ и кровные наши враги. Увы! на Руси это тускло понимается нашею интеллигенціей, не только индифферентами, но и православными, или даже отрицается сознательно, иногда даже злорадно. Къ счастію, къ несчастію, теперь вотъ на тусклом горизонтѣ отуманенія и омраченія русскихъ умовъ поднялось новое великое, багрово-красное свѣтило, свѣтло-сіятельный и просвѣщеннѣйшій графъ Левъ Николаевичъ Толстой. И къ

нему обращаются не только взоры, но и сердца очень многихъ, особенно же умныхъ интеллигентныхъ русскихъ. Восходъ его встрѣчаютъ не только съ рукоплесканіями, но и больше того, съ умиленіемъ, забавнымъ—правда—умиленіемъ, и колѣно-преклонною, забавною же мольбою: „великій учитель! учи насъ, учи! Графъ, говорите теперь, говорите безъ разсужденій, безъ анализовъ философскихъ, безъ горькихъ воспоминаній о прошломъ, безъ самобичеванія.... Мы готовы васъ слушать“ (какую бы нелѣпость вы ни сказали), „слушать также безъ разсужденій съ своей стороны и исполнять безъ противорѣчій, безъ возраженій, покорно и благоговѣйно. Учи насъ, учи неразумныхъ, великій нашъ учитель“!... И графъ проповѣдуетъ. Графъ литераторъ, романистъ, творецъ Анны Карениной, великій, по его собственной исповѣди вслухъ всего свѣта, грѣховодникъ, сочиняетъ новое евангеліе! И есть умники и много ихъ, которые новое евангеліе изъ рукъ графа литератора пріемлютъ съ такимъ же умиленіемъ и благоговѣніемъ, какъ и Анну Каренину. Сказали бы мы древнимъ стихомъ: „смѣхъ удержите друзья“, еслибъ это не было такъ плачевно, такъ горько для русскаго сердца, такъ позорно для русскаго ума. Да опомнитесь. Перестаньте быть и жалкими, и смѣшными.

Къ счастію, мы сказали, даже мы въ нѣкоторомъ отношеніи можемъ быть признательны графу Льву Толстому. Поощряемый этимъ ребячливымъ благоговѣніемъ со стороны чуть не всѣхъ и изумительною толеранціею со стороны многихъ, шутовски и кощунно рядясь въ хламиду вселенскаго учителя проповѣдника, графъ, не задумываясь, подтверждаетъ нашу теорію, наше постоянное настояніе, не задумываясь преспокойно разрушаетъ основы не только всякой церкви и религіи, но и общества, и государства, и народа, и не только всякаго, но и русскаго общества, народа и государства.

Это мы теперь и разъяснимъ.

Видите, догматику христіанскую графъ отвергъ, исторію исказилъ, да она ему теперь и не нужна, не только догматика, но и исторія евангелія. Изъ евангелія онъ беретъ только нравственныя заповѣди; да и изъ тѣхъ беретъ только пять заповѣдей. Такъ ему угодно. Вотъ эти пять излюбленныхъ графомъ заповѣдей: 1) не противься злу или злому, 2) не прелюбодѣйствуй, 3) не клянись, 4) не судись и 5) не воюй. Почему бы не сказать еще: чти отца и матерь, не воруй, не роскошествуй, не гонись за благами сего міра, терпи гоненія, не бойся убивающихъ тѣло и т. д. безъ конца. Вѣдь все это заповѣди Христовы,—отчего же исключилъ ихъ графъ Толстой? И гдѣ нашелъ онъ у Христа заповѣдь, запрещающую войны или же суды? Но это разсудимъ послѣ, на какомъ это основаніи графъ строитъ свою систему вѣры и нравоученія. А теперь мы разъясняемъ только то, что графъ Толстой подрываетъ основы общества и государства, и народности.

И разъяснять намъ это совсѣмъ не требуется. А стоитъ только выписать собственныя изреченія графа*).

Пріурочивая всѣ свои нравоученія къ вышеназваннымъ пяти заповѣдямъ, графъ Левъ Толстой *отвергаетъ разность общественныхъ состояній, какъ зло.* Осуждая враждебность какъ зло, графъ учитъ: „теперь уже я не могу оправдывать свой гнѣвъ, *считая себя человѣкомъ высшимъ.* Это искушеніе повергало меня въ гнѣвъ. Оно состояло въ томъ, что я *отдѣлялъ себя отъ подобныхъ мнѣ,* признавалъ равными себѣ только небольшое число ихъ. Теперь моя вѣра измѣнила всю мою оцѣнку того, что добро и велико, и что худо и низко. Все, что мнѣ прежде казалось добрымъ и *великимъ*— *почести, слава, цивилизація* и т. д., *все это сдѣлалось для меня злымъ и низкимъ.* Теперь я не могу уже усвоять

*) Правосл. Собесѣдникъ, 1886 г. Іюнь, стр. 214; Ma religion гл. XII.

себѣ ничего такого, что по внѣшности возвышало бы меня предъ другими, отдѣляло отъ нихъ. Я не могу, какъ прежде, признавать ни за собой, *ни за другими титуловъ*", (ни даже Императорскаго Величества?!) „*рангов, достоинствъ*" (ни даже Царскаго?!), „кромѣ титула и званія человѣка".

Графъ Левъ Толстой *отрицаетъ учрежденіе законнаго брака*. Предписывая соединеніе всякаго человѣка съ одною женщиной, графъ Толстой поучаетъ: „важнымъ мнѣ кажется *не столько человѣческое учрежденіе брака*, налагающаго внѣшнюю печать законности на соединеніе мужчины съ женщиной, *сколько самое соединеніе мужчины съ женщиной*. Я не могу дѣлать различія между *тѣми связями, которыя называютъ супружествомъ*, и тѣми, которымъ отказываютъ въ этомъ имени".

Графъ Левъ Толстой *отвергаетъ всякую клятву и присягу*, и поучаетъ: „теперь я не могу, какъ прежде, обѣщаться клятвенно *въ чемъ бы то ни было, кому бы то ни было*; не могу, какъ прежде, оправдываться въ томъ, что далъ клятву, что такъ поступаютъ всѣ люди, что *это необходимо для государства*, и что если я откажусь подчиниться этому требованію, то это будетъ дурно и для меня и *для кого-нибудь другаго*. Теперь я знаю, что *это зло* и для меня и для другихъ, и я не могу дѣлать этого. Теперь я знаю ту сѣть, которая заставляла меня впадать въ это зло, и я не могу быть соучастникомъ ея. Я знаю, что эта сѣть, западня, состоитъ въ томъ, что *имя Бога въ клятвѣ, въ присягѣ, служитъ санкціей обмана*. А этотъ обманъ состоитъ въ томъ, что мы *обѣщаемъ напередъ повиноваться повелѣніямъ одного человѣка*, или многихъ людей, тогда какъ человѣкъ можетъ повиноваться только одному Богу. Теперь я знаю, что самое страшное по своимъ послѣдствіямъ *зло — убійство на войнѣ*, заключеніе въ тюрьму, экзекуціи, наказанія, совершаются *единственно благодаря клятвѣ*, въ

силу которой люди, дѣлающіе себя *орудіемъ зла*, считаютъ себя свободными отъ тяготѣющей на нихъ отвѣтственности. Теперь, вспоминая о *массѣ золъ*, я вижу, что *все это имѣло своею причиною клятву, обязательство подчиняться волѣ другаго.* Теперь я убѣдился, что клятва разрушаетъ мое истинное благо и благо другаго, и эта моя вѣра измѣнила мою оцѣнку добраго и злаго, высокаго и презрѣннаго. Все, что мнѣ прежде казалось *добрымъ и великимъ: клятвенное обѣщаніе вѣрности правительству, требованіе клятвы отъ другихъ* и всѣ дѣйствія, противныя совѣсти, *совершаемыя во имя клятвы, все это стало мнѣ казаться злымъ и презрѣннымъ.* Поэтому я теперь не могу уже удаляться отъ заповѣди, *запрещающей клятву, я не могу обязывать себя клятвой кому бы то ни было, ни заставлять другаго клясться, ни содѣйствовать тому, чтобъ люди клялись или принимали клятву, или смотрѣли на клятву, какъ на вещь необходимую и важную*".

Графъ Толстой отрицаетъ *всякую общественную и частную защиту лица, собственности, правъ, всякій судъ, всякую власть.* Такъ осуждая всякое обращеніе къ насилію, всякое употребленіе насилія противъ людей для сопротивленія злому, графъ проповѣдуетъ, что онъ „не можетъ оправдывать это зло тѣмъ предлогомъ, что *оно необходимо для защиты себя и другихъ, для защиты собственности своей и чужой.* Впадать въ это зло заставляло меня ложное вѣрованіе, что *моя жизнь гарантирована насиліемъ, защитой моей личности и моей собственности противъ другихъ людей.* Наибольшая часть жизненныхъ золъ происходитъ отъ того, что каждый считаетъ вещью дозволенной *защищаться силой* и видитъ въ этомъ наилучшую *гарантію жизни и собственности.* Эта вѣра измѣнила мою оцѣнку того, что добро, и что зло и презрѣнно. Все, что нѣкогда казалось мнѣ хорошимъ и великимъ: *собственность вся-*

каго рода, забота о своемъ достоинствѣ, мои права, теперь все это сдѣлалось для меня дурнымъ и презрѣннымъ. Сознательно я не могу уже впасть въ эту сѣть, гибельную и для меня и для другихъ: я не могу уже пріобрѣтать собственности; я не могу уже прибѣгать *къ силѣ, подъ какой бы формой она ни была*“ (напр. воинской повинности), *„для защиты себя и другихъ*; я не могу принимать участія *ни въ какомъ актѣ власти*, имѣющемъ цѣлью *защиту людей и ихъ собственности* насиліемъ; я не могу быть *судьею, принимать участіе въ судѣ*, быть облеченнымъ *какою нибудь властью*, или составлять *часть какой нибудь власти*. Я не могу также дѣлать и того, чтобы при моемъ содѣйствіи *другіе принимали участіе въ судилищахъ или въ какой нибудь власти*“.

Графъ Толстой отвергаетъ *отечество, всякую къ нему любовь, всякую ему вѣрность*.—„Я знаю“,—проповѣдуетъ онъ,—что мое *различеніе между моимъ народомъ и другими народами есть зло*. Знаю, что эта сѣть состоитъ *въ ложной вѣрѣ, будто мое благо солидарно только съ благомъ моего народа*. Знаю, что моя связь съ другими людьми не можетъ быть разорвана *пограничной линіей или декретомъ какого-нибудь*“ (и своего) „*правительства*, опредѣляющаго, что принадлежитъ тому или другому народу. Теперь вспоминая о всемъ злѣ, какое я сдѣлалъ, испыталъ или видѣлъ вокругъ себя изъ-за *національной вражды*, я вижу ясно, что причина всего этого была *грубая ложь, называемая патріотизмомъ и любовью къ отечеству*. Вспоминая о своемъ воспитаніи, теперь я вижу, что всѣ эти чувства національной ненависти, какъ и *эта грубая ложь, называемая патріотизмомъ и любовью къ отечеству*, внушены были мнѣ *безсмысленнымъ воспитаніемъ*. Эта вѣра измѣнила всю мою оцѣнку добраго и злаго, великаго и презрѣннаго. Что мнѣ казалось добрымъ и великимъ: *любовь*

къ отечеству, любовь къ моему народу, ко всему этому величественному зданію, которое называютъ государствомъ, услуги, какія оказываютъ государству въ ущербъ благу другихъ людей, подвиги людей военныхъ, все это мнѣ кажется теперь *отвратительнымъ*“ (ни болѣе, ни менѣе!) „*и жалкимъ*. Что мнѣ казалось *постыднымъ и дурнымъ: отреченіе отъ отечества*, теперь напротивъ кажется *добрымъ и великимъ*. Если и теперь въ минуту забвенія я могу *желать успѣха Россіи, русскому народу*, то въ мои свѣтлыя минуты я не могу подчиняться *этимъ химерамъ. Я не могу уже признавать ни государствъ, ни народовъ*; я не могу уже ни на словахъ, ни перомъ принимать участія *въ какой-нибудь распрѣ между народами и государствами*, а еще менѣе могу оказывать услуги *какому бы то ни было государству*. Я не могу принимать участія во всѣхъ этихъ дѣлахъ, которыя основаны *на раздѣленіи государствъ, каковы таможенныя пошлины, налоги, фабрикація оружія*, или въ какомъ-нибудь дѣйствіи, имѣющемъ цѣлью *вооруженія, военную службу, а тѣмъ болѣе войны*; я не могу содѣйствовать и тому, чтобы дѣлали это и другіе“.

„Говорятъ: приходитъ врагъ, нѣмцы, турки, дикари, и если вы не станете воевать съ ними, то они истребятъ васъ. Это несправедливо“,—проповѣдуетъ графъ.—„Они взяли бы у насъ все то, что добровольно предоставили бы имъ люди, для которыхъ нѣтъ разницы между русскимъ, туркомъ и дикаремъ. Знающій истину знаетъ ее только для того, чтобы засвидѣтельствовать ее предъ незнающимъ ея своими дѣлами. Эти дѣла: *отказаться отъ войны*, не различая того, что называютъ *врагомъ и соотечественникомъ*. Мнѣ скажутъ: *правительство не можетъ допустить*, чтобъ какой-нибудь членъ общества не признавалъ *самыхъ основаній правленія* и чтобъ онъ уклонялся *отъ обязанностей*

всякаго гражданина. Власть будетъ требовать *участія въ судѣ, въ военной службѣ,* и за отказъ накажетъ ссылкой, заключеніемъ въ тюрьму, даже смертью. Ну что-же! Для знающаго истину графа *эти требованія власти суть требованія людей, не знающихъ истины.* Всякое насиліе, война, разбой совершаются людьми *слѣпыми и лишенными познанія истины*".

Не подумайте, что графъ знаетъ такую странную неслыханную истину только про себя. Нѣтъ, онъ ее проповѣдуетъ, и цѣлью своей жизни поставляетъ проповѣдывать ее вслухъ всего свѣта. „Я вѣрую", проповѣдуетъ графъ,—„что моя разумная жизнь—мой свѣтъ данъ мнѣ только для того, чтобы свѣтить предъ людьми. Я вѣрую, что мое познаніе истины есть талантъ, ввѣренный мнѣ для того, чтобъ я употребилъ его въ дѣло, и что этотъ талантъ есть пламя, которое блеститъ только, когда горитъ. Я вѣрую, что единственный смыслъ моей жизни состоитъ въ томъ, чтобы жить въ ясности того свѣта, который во мнѣ, и ставить его не подъ спудомъ, но высоко предъ людьми, чтобы люди видѣли его".

И вся Русь глядитъ на этотъ страннаго зловѣщаго свѣта блескъ. Загорается онъ ярче и ярче. Вся интеллигентная Русь съ умиленнымъ благоговѣніемъ склонила свои головы предъ этимъ возгорающимся свѣтомъ. Я знаю, слышу и вижу, что графа Толстаго не только читаютъ, имъ зачитываются, по газетному выраженію, малые и старые, не только питомцы, но и воспитатели, и наоборотъ, не только воспитатели, но и питомцы. Зачитываются и простые люди. Десятками и сотнями тысячъ экземпляровъ вѣроучительныхъ писаній графа завалены книжные магазины, какъ и коробы книгоношъ. Наблюдатели за ними легкомысленно, если только не злорадно, потѣшаютъ себя тѣмъ, будто бы писанія графа касаются только вѣры. Образумьтесь! Онѣ касаются

всего, основъ государства во-первыхъ! Писаніями о писаніяхъ графа наполнена вся современная россійская письменность. Принято въ печати какъ бы общимъ всероссійскимъ договоромъ называть графа-проповѣдника не иначе, какъ высоко-почтительными именами: „нашъ великій учитель, нашъ геніальный художникъ, геніальный поэтъ“. Подумайте, откуда эти гиперболы? Кромѣ общепризнаннаго генія поэта Пушкина, кого изъ писателей величаютъ геніями? Почти никогда не величаютъ ни Лермонтова, ни Гоголя, ни Тургенева, ни наконецъ Достоевскаго, величайшаго художественнѣйшаго мыслителя. А на другихъ поприщахъ у насъ на Руси нечего и думать заслужить высокое титло генія, великаго учителя. Геніи на Руси родятся развѣ только для романической литературы, да еще развѣ для театральныхъ подмостковъ, гдѣ такъ не рѣдки геніальные артисты и артистки. Это значитъ, что интеллигентная Русь только пока и способна понять, что романъ или же театральную пьесу. И чѣмъ они легче, тѣмъ и лучше. Достоевскій тяжелъ. А графъ Левъ Толстой написалъ два легкихъ удачныхъ романа, и за это онъ—„нашъ геніальный поэтъ“,—тогда какъ съ такимъ же правомъ это великое титло можно бы приписать нашимъ старымъ романистамъ: Загоскину, Лажечникову, даже Булгарину, Кукольнику и т. д. Еще съ большимъ правомъ можно бы приписать новѣйшему романисту Маркевичу. За чтожъ ему такая честь? За что такое вниманіе, такое рабское поклоненіе одному графу Льву Толстому? „Учи насъ, великій нашъ учитель, учи“... Не за то ли, что онъ подрываетъ основы не только религіи, но и государства? А не лучше ли пристало бы къ проповѣднику измѣны не только вѣрѣ отцевъ, измѣны не только истинному Христу и Богу отцевъ, но измѣны и Россіи, какъ обществу, какъ народу, какъ государству, измѣны наконецъ или во-первыхъ и русскому православному, Богоизбранному и Богопомазанному Царю,— къ

человѣку такихъ пагубныхъ идей и стремленій не лучше пристало бы другое имя?... Назовите сами. А пора назвать вещи ихъ собственнымъ именемъ, снять съ волка шкуру кроткой овечки.

Берегитесь лжепророковъ,— предостерегаетъ насъ самъ истинный Христосъ Богъ нашъ,—*которые приходятъ къ вамъ въ овечьей одеждѣ, а внутри суть волки хищные. По плодамъ ихъ узнаете ихъ. Собираютъ ли съ терновника виноградъ, или съ репейника смоквы? Такъ всякое дерево доброе приноситъ и плоды добрые; а худое дерево приноситъ и плоды худые. Не можетъ дерево доброе приносить плоды худые, ни дерево худое приносить плоды добрые. Всякое дерево, не приносящее плода добраго, срубаютъ и бросаютъ въ огонь* (Мат. 7, 15—20). Аминь.

БЕСѢДА VII *).

О христіанскомъ супружествѣ.

Внемлите отъ лживыхъ пророкъ, иже приходятъ къ вамъ во одеждахъ овчихъ, внутрь же суть волцы хищницы. Отъ плодъ ихъ познаете ихъ. Еда объемлютъ отъ тернія грозды, или отъ репія смоквы? Тако всяко древо добро плоды добры творитъ, и злое древо плоды злы творитъ. Не можетъ древо добро плоды злы творити, ни древо зло плоды добры творити (Мат. 7, 15—19).

Въ прежнихъ нашихъ собесѣдованіяхъ противъ графа Льва Толстаго мы раскрывали — въ одномъ, что *онъ измѣняетъ кореннымъ основамъ не только православной христіанской вѣры, но и всякой религіи.* По религіи графа, ожидать новой лучшей жизни, той жизни, въ которой будетъ доступно человѣку ближайшее общеніе съ Богомъ, блаженство личности, рай, мы не должны. Іисусъ будто не только никогда не говорилъ ничего въ подтвержденіе личнаго безсмертія, но напротивъ, даже отрицалъ его. Іисусъ также будто-бы никогда и нигдѣ не говорилъ и о своемъ личномъ безсмертіи. Безсмертіе состоитъ единственно и исключительно въ неумирающей жизни человѣческаго рода, въ жизни Сына человѣческаго. По Толстому, моя жизнь, взятая отдѣльно, есть величайшая безсмыслица, и мое глупое существованіе окончится такою-же глупою смертію. Что

*) Для внѣцерковнаго собесѣдованія.

въ Евангеліяхъ представляется кому-бы то ни было суевѣріемъ, то не есть ученіе Іисуса, и то Толстой позволяетъ всякому просто вымарывать. По Толстому, существенное содержаніе Евангелія заключается въ слѣдующемъ: 1) человѣкъ есть сынъ безконечнаго начала, *сынъ Отца*, но не личнаго Бога, сынъ не плотью, но духомъ; 2) и потому человѣкъ долженъ служить этому началу, Отцу и Богу (но не личному), духомъ (но не таинствами, не богослуженіемъ, не молитвами); 3) жизнь всѣхъ людей имѣетъ божественное начало: *она одна свята;* 4) и потому человѣкъ долженъ служить этому началу *въ жизни всѣхъ людей*, въ жизни сыновъ человѣческихъ, или-же Сына человѣческаго,—это воля Бога (безличнаго). *Жизнь всѣхъ людей единственная достопокланяемая святыня*; 5) истинная жизнь есть только въ каждый мигъ настоящаго; *обманъ жизни во времени, жизни прошедшаго и будущаго*, т. е. *вѣра въ вѣчность личнаго Бога, какъ и надежда на личное безсмертіе, скрываетъ отъ людей истинную жизнь настоящаго;* и 6) потому человѣкъ долженъ стремиться къ тому, чтобы *разрушить обманъ прошедшаго и будущаго* (обманчивую надежду на будущую премірную жизнь); 7) *истинная жизнь есть жизнь настоящаго, присущая всѣмъ людямъ.* И 8) потому живущій въ настоящемъ общей жизнью всѣхъ людей, жизнью Сына человѣческаго, соединяется *съ Отцомъ, началомъ и основой всей жизни.* Оказывается, Отецъ—это безличное начало и основа всей жизни. Богъ есть разумѣніе жизни. Сынъ Божій, Сынъ человѣческій—это безпрерывное продолженіе человѣческаго рода. Іисусъ Христосъ—жалкій равви, жалкимъ образомъ казненный. Истинная-же евангельская проповѣдь объ искупленіи отъ грѣха общечеловѣческаго, отъ природной грѣховности, благовѣстіе живота вѣчнаго сводится у графа Толстаго къ ученію о томъ, что человѣку

нужно пользоваться какъ можно лучше мгновеніемъ быстро улетающаго настоящаго.

Въ другомъ собесѣдованіи мы разъясняли, что графъ Левъ Толстой *измѣняетъ самымъ кореннымъ основамъ общественнаго и государственнаго порядка.* У него это проводится ясно и связно логически, безъ малѣйшаго укрывательства, разрушеніе религіи совмѣстно съ разрушеніемъ государственнаго порядка. Онъ откровененъ, безстрашенъ и нимало не стѣсняется. До чего-то мы дожили?! Отвергши догматику и исторію христіанства, взявъ будто-бы изъ Евангелія, изъ передѣланнаго имъ Евангелія пять слѣдующихъ заповѣдей: 1) не противься злу или злому, 2) не прелюбодѣйствуй, 3) не клянись, 4) не судись и 5) не воюй, графъ Левъ Толстой *отвергаетъ разность общественныхъ состояній, какъ зло;* все, что прежде казалось ему добрымъ и великимъ—почести, слава, титулы, ранги, достоинства, вся цивилизація—все это сдѣлалось для него злымъ и низкимъ. Онъ отрицаетъ *различіе между тѣми связями*, которыя называются супружествомъ, и тѣми, которымъ отказываютъ въ этомъ имени. Онъ *отвергаетъ всякую клятву и присягу.* Клятва и присяга—зло; имя Божіе въ клятвѣ и присягѣ служитъ санкціей обмана; все, что ему прежде казалось добрымъ и великимъ: клятвенное обѣщаніе *вѣрности правительству*, и всѣ дѣйствія, совершаемыя во имя клятвы, все это для него теперь зло и презрѣнно. Онъ отвергаетъ всякую *общественную и частную защиту лица, собственности и правъ, всякій судъ, всякую власть;* все, что казалось ему хорошимъ и великимъ: собственность всякаго рода, заботы о своемъ достоинствѣ, права, защита себя и другихъ, участіе въ судѣ и власти, все это для него теперь дурно и презрѣнно. Онъ отвергаетъ *отечество, всякую къ нему любовь, всякую ему вѣрность.* Различеніе между моимъ народомъ и другими народами есть зло; *па-*

тріотизмъ и любовь къ отечеству—грубая ложь, внушеніе безсмысленнаго воспитанія. Любовь къ отечеству, къ своему народу, къ своему государству, государственная служба, подвиги людей военныхъ для него *отвратительны и жалки.* Вся наша жизнь,—учитъ Толстой,—негодна въ самомъ своемъ корнѣ; вся она основана *на насиліи;* отъ насилія вся наша теперешняя жизнь проникнута развратомъ; развратъ скрывается и тамъ, гдѣ его никакъ не предполагаютъ; развратъ гнѣздится и въ томъ, что нынѣшніе люди считаютъ самымъ законнымъ пользованіемъ своими правами, или исполненіемъ своихъ обязанностей; *на насиліи основана администрація, на насиліи основанъ судъ; развратъ, произведеніе насилія—вся наша культура, вся цивилизація;* нужно радикально измѣнить всю теперешнюю нашу жизнь; *всякая внѣшняя сила, самая законная власть—есть насиліе, которое должно быть изгнано изъ человѣческаго общества;* нужно уничтожить насиліе вообще и всецѣло; уничтожать насиліе (т. е. весь нынѣшній общественный порядокъ) вообще, вездѣ и всецѣло, это и значитъ не противиться злу или злому.

Это мы, какъ и другіе, уже разъясняли. Это стало больше или меньше общеизвѣстно. Теперь мы намѣрены вновь разъяснить, что графъ Левъ Толстой *измѣняетъ самымъ кореннымъ началамъ общечеловѣческаго чувства.*

Онъ издалъ новое подпольное сочиненіе, которое называютъ—*Крейцерова Соната.* Оно подпольно, оно не разрѣшено въ Россіи, оно даже не напечатано въ Россіи, оно ходитъ по рукамъ пока только въ литографіи. Не заявлено даже, онъ-ли авторъ этого сочиненія *). Но общественное мнѣніе приписываетъ его ему, Льву Толстому. Впрочемъ появляются указанія на него и въ литературѣ, появляются

*) Теперь въ газетахъ уже заявляется.

даже робкія пока, хотя и сочувственныя попытки его оцѣнки. По внутреннимъ-же характернымъ признакамъ, по исключительной, свойственной одному графу Льву Толстому *манеръ* мыслить и писать, мы рѣшительно приписываемъ это сочиненіе ему, Льву Толстому, какъ автору. Оно не напечатано, оно не разрѣшено въ Россіи цензурою; но и прочія самыя радикальныя произведенія Льва Толстаго не были-же разрѣшены и напечатаны въ Россіи. Тѣмъ не менѣе имѣютъ широкое по любезному отечеству нашему распространеніе и въ печати и въ рукописяхъ. Они переведены на всѣ языки и читаются всѣми желающими въ Европѣ и Америкѣ такъ же, какъ и въ Россіи. Такъ и „Крейцерова Соната", извѣстно, на русскомъ языкѣ въ Россіи читается въ разныхъ видахъ изданія цѣлыми кругами читателей; она-же, слышно, появилась уже за-границею и въ печати на русскомъ и разныхъ языкахъ. Замалчивать ее въ Россіи—пустая безцѣльная мѣра. Эта новина привлекаетъ и привлечетъ къ себѣ такую сумму читателей, какую только способна привлечь по внутренней своей притягательности; кромѣ того она видимыми и невидимыми путями и пропагандируется. Мы не искали ея; намъ ее прислали. По поводу ея говорятъ даже о новомъ неслыханномъ родѣ книжной торговли; именно, счастливый обладатель литографированнаго экземпляра „Крейцеровой Сонаты" даетъ это желанное сокровище на сроки для прочтенія, и за прочтеніе въ извѣстный срокъ беретъ особую плату. Это будетъ до тѣхъ поръ, конечно, пока это сочиненіе составляетъ новину; но нѣтъ сомнѣнія, что черезъ полгода его экземплярами, въ томъ или другомъ видѣ, наполнены будутъ чрезъ пропагаторовъ, чрезъ книгоношъ, всѣ русскія деревни.

Принимая все это во вниманіе, мы считаемъ себя не только въ правѣ, но считаемъ и своимъ долгомъ сказать свое слово объ этомъ сочиненіи. Считаемъ тѣмъ болѣе, что

авторъ его выступаетъ въ немъ опять же въ качествѣ учителя религіи, въ качествѣ христіанскаго проповѣдника, въ качествѣ апостола и евангелиста новаго своего евангелія. Онъ и начинаетъ свое произведеніе, какъ проповѣдь или духовную бесѣду, текстомъ Евангелія, и оканчиваетъ тѣмъ-же текстомъ съ произвольнымъ, своимъ толстовскимъ толкованіемъ. Читатели этой новой проповѣди уже нашлись, найдутся и послѣдователи. Въ панурговомъ стадѣ его безчисленныхъ поклонниковъ найдется премного такихъ, которые и въ новомъ его евангеліи найдутъ руководительную для своей слѣпоты истину и увлекутся ею; куда увлекутся, это пока еще трудно съ точностію опредѣлить. Могутъ даже увлечься къ повальному разврату, при отверженіи брака въ принципѣ, подобно нашимъ раскольникамъ ѳедосѣевцамъ. Но позволительно провидѣть, что „Крейцерова Соната“ повліяетъ на нашу легкую интеллигенцію не слабѣе, по меньшей мѣрѣ, того, какъ въ свою пору повліяло пресловутое: „*Что дѣлать?*“ Хотя по духу и направленію эти два произведенія только отчасти сходны, большею-же частію противоположны. То и другое разсчитаны на овецъ. Куда одна овца потянетъ, туда шарахнутся и всѣ овцы. Въ модномъ, по духу минуты, вѣяньи они увидятъ для себя руководительный свѣтъ, услышатъ повелительное слово геніальнаго мудреца. По нашему-же суду, это новое евангеліе—слово безумца, рѣшительно выживающаго изъ ума. *Это измѣна*, какъ мы сказали, *самымъ кореннымъ началамъ общечеловѣческаго чувства, да и вкуса, да и смысла.*

Вотъ посмотримъ и увидимъ.

Скажемъ предварительно, что въ фактической сторонѣ этой новой проповѣди заключено много поражающей, неслыханной прежде правды. Въ прежнее время о ней не принято было говорить. Прежде многіе знали ее про себя и помалчивали. Толстой первый назвалъ ее по имени вслухъ

всего свѣта. Но назвалъ, преувеличивъ ее до уродливости, до отвращенія, назвалъ во всѣхъ неназываемыхъ подробностяхъ, назвалъ цинически открыто, такъ что и повторять его, даже осуждая его, неудобно, неприлично для говорящаго, стѣснительно для слушающихъ, неумѣстно по строгому духу мѣста нашей рѣчи. Не сдержаннымъ, не взвѣшеннымъ языкомъ проповѣдника, оратора, философа, поэта, а безцеремонно интимнымъ языкомъ врача самыхъ сокровенныхъ болѣзней человѣчества называетъ онъ по имени такія сокровенности, которыя человѣчество привыкло таить въ продолженіи тысячелѣтій, какъ неназываемыя, какъ pudenda. Мы все это, конечно, обойдемъ, назвавъ ихъ настолько, сколько нужно, чтобы понять его. Постараемся выставить въ ясности только его нелѣпые, невозможные, невѣрные общечеловѣческой дѣйствительности, прямо безумные выводы.

Для ясности нужно замѣтить, что въ этомъ сочиненіи самъ Левъ Толстой выставилъ себя только слушателемъ и собесѣдникомъ героя, который разсказываетъ ему повѣсть своей жизни, повѣсть о томъ, какъ онъ, будучи развратнымъ юношею и молодымъ человѣкомъ, въ зрѣлыхъ лѣтахъ женился на невинной дѣвѣ, мучилъ ее и мучился самъ своею ревностію и наконецъ убилъ ее. Собственно этотъ герой поучаетъ самого Толстаго, какъ и весь міръ. Но ясно, что Толстой влагаетъ ему въ уста не иное что, какъ свои излюбленныя, извѣстныя толстовскія идеи. Толстой самъ какъ будто въ сторонѣ, за него проповѣдуетъ его нелѣпое евангеліе, въ приложеніи къ жизни, другое лицо, герой сочиненной имъ повѣсти. Замѣтимъ еще, что этотъ герой, принадлежа самъ къ интеллигентной дворянской средѣ, говоритъ, главнымъ образомъ, хотя и не исключительно, объ этой средѣ и для этой дворянской образованной среды. Рѣшительно и настойчиво утверждаетъ онъ объ этой средѣ просто ужасы. Внушаетъ ей, какъ и всѣмъ, просто ужасы.

Учитъ ужасамъ, даже отрицая ихъ. Судите сами, вѣрно-ли мы говоримъ, вѣрно-ли онъ говоритъ?! И что такое, какіе ужасы онъ говоритъ, какое отвращеніе, какое извращеніе понятій и правилъ онъ внушаетъ?!

Разсужденіе идетъ о семейной жизни, о бракѣ, который пересталъ быть истинно-христіанскимъ и который желательно Толстому сдѣлать христіанскимъ въ своемъ вкусѣ, во вкусѣ своего евангелія.

Исходитъ онъ изъ своего основнаго воззрѣнія, что религія пала и не встанетъ, не можетъ встать; что Бога и безсмертія нѣтъ и быть не можетъ; Христосъ не воскресалъ и не училъ о воскресеніи. Поэтому нужно человѣчеству устроиться и устроить свою семейную жизнь на этой новой основѣ, безъ религіи, безъ Бога, безъ Христа Бога, однако же на основаніи Христова, хотя и исправленнаго Толстымъ, Евангелія.

Браки существовали и существуютъ у тѣхъ людей,— проповѣдуетъ герой Толстого, т. е. самъ Толстой,—которые въ бракѣ видятъ нѣчто таинственное, видятъ таинство, которое обязываетъ предъ Богомъ. Но эта старая основа износилась, надо найти новую. А то люди женятся по старому, не вѣря въ то, что они дѣлаютъ, и выходитъ въ бракѣ или обманъ, или насиліе, а всячески развратъ. У этихъ людей изъ 10 брачущихся едва-ли есть одинъ, который не то что вѣритъ въ таинство *(вѣрить или не вѣрить—это не важно*, — изрекаетъ Толстой), но вѣритъ въ то, что онъ обѣщаетъ при совершеніи таинства. Большинство смотритъ на поѣздку въ церковь, только какъ на особенное условіе, —страшно сказать,—обладанія извѣстною женщиною. Подумайте,—приглашаетъ насъ самъ Толстой,—какое ужасное значеніе получаютъ при этомъ всѣ подробности бракосочетанія. Никто не вѣритъ и въ то, что при крещеніи говорятъ

и дѣлаютъ надъ ребенкомъ. Это бросили, не вѣрятъ, но ничѣмъ не замѣнили, и осталось одно то, что есть у животныхъ.

Бракъ въ наше время—обманъ и насиліе, лицемѣріе и насиліе. Когда обманъ, то это легче переносится. Мужъ и жена только обманываютъ и себя и людей, что они состоятъ въ единобрачіи, а живутъ въ многоженствѣ и многомужествѣ. Но когда, какъ это всего чаще бываетъ, мужъ и жена приняли на себя обязательство жить вмѣстѣ всю жизнь и сами не знаютъ, зачѣмъ, за что, а со втораго мѣсяца уже желаютъ разойтись и все-таки живутъ, тогда это выходитъ тотъ страшный адъ, отъ котораго спиваются, стрѣляются, убиваютъ и отравляютъ себя и другъ друга. Любовь, бракъ, семья — все ложь, ложь, ложь! Мужчина все вретъ о высокихъ чувствахъ, ему нужно только тѣло жены. Вѣдь наша возбуждающая излишняя пища, при совершенной физической праздности, есть не что иное, какъ систематическое разжиганіе похоти. Мужчины содержатся и кормятся, какъ приплодные самцы (по подлинному выраженію, „сл-е ж-цы“). Всякая любовь и браки всѣ обусловлены пищею. Дворяне интеллигенты поѣдаютъ по 2 фунта мяса въ день и дичи, поглощаютъ всякія горячительныя яства и напитки. Куда все это идетъ? На излишества чувственной любви. Вѣдь въ бракахъ подразумѣвается любовь духовная, а не чувственная. Но ничего духовнаго тутъ не бываетъ. Если-же человѣкъ, какъ въ нашемъ обществѣ, стремится уже прямо къ плотской любви, то хотя-бы онъ облекъ ее въ мнимонравственную форму брака, будетъ только разрѣшеніе на развратъ, будетъ все-таки безнравственная жизнь, та, въ которой погибаютъ, въ которой губятъ и которая у насъ называется нравственной семейной жизнью. Выходитъ полное извращеніе понятій.

Какъ можетъ обыкновенная любовь освящать бракъ? Что разумѣть подъ любовью, которая одна освящаетъ бракъ?

Любовь — предпочтеніе одного лица предъ всѣми остальными, — предпочтеніе на сколько времени? На мѣсяцъ? На два дня? На полчаса? Въ жизни бываетъ это предпочтеніе одного предъ другими рѣдко на года, чаще на мѣсяцы, а то на недѣли, на дни, на часы. Если говорить не про то, что считается существующимъ, а про то, что есть, — то всякій мужчина испытываетъ то, что называется любовью, къ каждой красивой женщинѣ и менѣе всего къ своей женѣ. Того-же чувства, которое называется любовью, и которое дается не на мѣсяцы и годы, а на всю жизнь, — этого чувства нѣтъ. Такъ всегда было и есть на свѣтѣ. Да и не можетъ быть иначе. Вѣчною помѣхою вѣчной любви служитъ пресыщеніе. Что такіе-то любили другъ друга всю жизнь, только дѣти могутъ вѣрить этому. Но развѣ вы не допускаете любви, основанной на единствѣ идеаловъ, на духовномъ сродствѣ? Отчего-же не допускать, отвѣчаетъ герой Толстаго, или, точнѣе, самъ Толстой; однако-же не допускаетъ, такъ какъ духовной любви безъ плотской никогда не бываетъ. Всѣ, всѣ, и мужчины и женщины воспитываются въ какомъ то благоговѣніи къ тому чувству, которое принято называть любовью. Внушается, что это — самое благородное и возвышенное въ мірѣ занятіе — быть влюбленнымъ. Но тутъ и обманъ, — предполагается въ теоріи любовь идеальная, возвышенная, а на практикѣ любовь есть нѣчто мерзкое, свиное, про которое и говорить и вспоминать мерзко и стыдно. Вѣдь не даромъ же природа сдѣлала то, что это мерзко и стыдно, а если мерзко и стыдно, то такъ надо и понимать. А тутъ, напротивъ, люди дѣлаютъ видъ, что мерзкое и стыдное — прекрасно и возвышенно. Супруги нисколько не думаютъ о взаимной духовной жизни, не берегутъ даже физической жизни другъ друга. Нечего удивляться, откуда берется у нихъ озлобленіе другъ къ другу. Это озлобленіе — не что иное, какъ протестъ человѣческой природы противъ

животности, которая подавляетъ ее. Любовь, союзъ душъ, и вмѣсто этого ненависть! Влюбленность истощается удовлетвореніемъ чувственности, и мужъ съ женою остаются другъ противъ друга въ ихъ дѣйствительномъ отношеніи другъ къ другу, т. е. какъ два совершенно чуждые другъ другу эгоиста, желающіе получить себѣ какъ можно больше удовольствія одинъ чрезъ другаго. Ненависть между мужемъ и женою — дѣйствительное отношеніе ихъ другъ къ другу, обнаруживающееся при прекращеніи чувственности. Холодное враждебное между ними отношеніе — это нормальное ихъ отношеніе. Ненависть между супругами — это не что иное, какъ взаимная ненависть сообщниковъ преступленія и за подстрекательство и за участіе въ преступленіи. Это убійство. И такъ-то всѣ убиваютъ другъ друга, всѣ, всѣ. Супруги — это два ненавидящихъ другъ друга колодника, связанные одною цѣпью, отравляющіе жизнь другъ другу. Въ такомъ аду живутъ $^{99}/_{100}$ всѣхъ супружествъ. Это бываетъ со всѣми супружествами. Но всѣ супруги думаютъ, что это ихъ исключительное несчастіе, и скрываютъ это несчастіе, какъ свой позоръ, не только отъ другихъ, но и отъ себя самихъ, въ родѣ дурной болѣзни, сами себѣ не признаются въ этомъ. Супруги не замѣчаютъ, что періоды злобы между ними возникаютъ совершенно правильно и равномѣрно, соотвѣтственно періодамъ того, что называется любовью. Періодъ любви — періодъ злобы; энергическій періодъ любви — длинный періодъ злобы; болѣе слабое проявленіе любви — короткій періодъ злобы. Эти любовь и злоба тоже самое животное чувство, только съ разныхъ концовъ. Вся эта душевная болѣзнь происходитъ просто отъ того, что супруги живутъ безнравственно. $^{99}/_{100}$ супружествъ живутъ въ такомъ аду, и это не можетъ быть иначе. Большинство теперешняго образованнаго міра предается разврату брачной жизни безъ малѣйшаго угрызенія совѣсти. Да нечему и угрызать, потому что

совѣсти въ этомъ быту нѣтъ никакой, кромѣ, если можно такъ назвать, совѣсти общественнаго мнѣнія и уголовнаго закона.

Каково!? Каково честить свой бытъ геніальный учитель графъ Л. Н. Толстой! Онъ настаиваетъ на томъ, что всѣ мужья, живущіе на таковыхъ условіяхъ брака, должны или разойтись или убить самихъ себя или своихъ женъ. Если съ кѣмъ этого не случается, то это особенно рѣдкое исключеніе.

Возводя свою похоть въ перлъ созданія—въ любовь,—поучаетъ герой Толстаго, т. е. самъ Толстой,—во имя этой любви, т. е. пакости, мужчина губитъ что-же? Половину рода человѣческаго, да и все человѣчество. Въ образованномъ мірѣ существуетъ раздѣляемый всѣми взглядъ, что женщина даетъ мужчинѣ наслажденіе. Возьмите всю поэзію, всю живопись, скульптуру, начиная съ Пушкина и голыхъ Венеръ и Фринъ. Хитрость діавола: ну гадость — такъ такъ-бы и знать, что гадость. Нѣтъ, сначала рыцари увѣряютъ, что боготворятъ женщину; теперь-же увѣряютъ, что уважаютъ женщину, уступаютъ ей мѣста, поднимаютъ платки, признаютъ ея права на занятіе всѣхъ должностей, на участіе даже въ правленіи. А взглядъ на нее все тотъ-же,—она орудіе наслажденія. И она знаетъ это. Ее такъ и воспитываютъ въ дѣтствѣ, такъ ставятъ и въ общественномъ мнѣніи. И вотъ она все такая-же приниженная развращенная раба, а мужчина все такой-же развращенный рабовладѣлецъ. Для освобожденія женщины нужно, чтобы общественное мнѣніе считало позоромъ воззрѣніе на женщину, какъ на орудіе наслажденія. Эмансипація женщины не на курсахъ и не въ палатахъ, а въ домахъ. Борьба съ проституціей не въ домахъ терпимости, а въ семьяхъ. Научите-же ее, какъ она научена у насъ, смотрѣть такъ на самое себя, и она всегда останется низшимъ существомъ. Или она, дѣлая себя безплодною, будетъ вполнѣ проститутка, спустившаяся не на

ступень животнаго, но на ступень вещи; или она будетъ то, что есть въ большей части случаевъ, — больной, душевно-истеричной, несчастной, безъ возможности развитія. Допуская и многоженство, — *не честное, какъ магометанское, а подлое, наше европейское, исполненное лжи и обмана*, мы хотимъ имѣть и семью. Женщина должна быть у насъ и женой, и беременной, и кормилицей. А силъ у нея не хватаетъ. И оттого въ нашемъ быту истерика, нервы, а въ крестьянскомъ кликуши. И отъ этого упадокъ духовной и нравственной силы женщины и ея приниженіе. Страшно подумать. И толкуютъ о свободѣ, о правахъ женщины. Это все равно, что людоѣды откармливали-бы плѣнныхъ людей на ѣду и вмѣстѣ съ тѣмъ увѣряли-бы, что заботятся объ ихъ правахъ и свободѣ. Животныя какъ будто знаютъ, что потомство продолжаетъ ихъ родъ и держатся извѣстнаго закона воздержности въ этомъ отношеніи. Только человѣкъ, только поганый царь природы, этого знать не знаетъ и не хочетъ. Да, много хуже животнаго человѣкъ, если онъ живетъ не по-человѣчески. Не задумываясь, онъ губитъ половину рода человѣческаго. И изъ женщинъ, которыя должны бы быть помощницами въ движеніи человѣчества къ истинѣ и благу, онъ, во имя своего удовольствія, дѣлаетъ не помощницъ, а враговъ. Что тормозитъ повсюду движеніе человѣчества впередъ? Женщина. А отчего онѣ такія? А только отъ этого. Наши женщины воспитываются, какъ того требуетъ положеніе женщины въ нашемъ обществѣ. Такъ воспитываются всѣ безъ исключенія женщины обезпеченныхъ классовъ. Съ молоду она обучается только тому, чѣмъ она можетъ увеличить свою привлекательность. Всякія, какія-бы то ни было женскія воспитанія имѣютъ въ виду только плѣненіе мужчинъ. Однѣ плѣняютъ музыкой и красотою, а другія ученостью и гражданской доблестью. Но цѣль одна и не можетъ быть не одна, потому что другой нѣтъ, цѣль

прельстить мужчину, чтобы овладѣть имъ. Никакое воспитаніе, никакое образованіе не можетъ измѣнить этого, до тѣхъ поръ, пока высшій идеалъ женщины будетъ бракъ, а не свобода отъ чувственности. Вся жизнь ихъ проходитъ въ приготовленіи къ кокетству и въ кокетствѣ. Всѣ онѣ одинаковы и не могутъ не быть одинаковы, потому что для всѣхъ ихъ привлеченіе къ себѣ какъ можно больше мужчинъ есть высшій идеалъ какъ ихъ дѣвичьей, такъ и замужней жизни. Нѣтъ у нихъ чувства сильнѣе этого женскаго—не скажу—тщеславія, но животной потребности всякой самки привлекать къ себѣ какъ можно больше самцовъ съ тѣмъ, чтобы имѣть возможность выбора.

Доведенная до самой низкой степени униженія, женщина мститъ мужчинѣ, покоряя его и пріобрѣтая страшную власть надъ людьми. Гдѣ-же эта особенная власть? Да вездѣ, во всемъ. Пройдите въ городахъ по магазинамъ. Тамъ сокровища людскаго труда. Посмотрите, въ $^{9}/_{10}$ этихъ магазиновъ есть-ли хоть что-нибудь для мужскаго употребленія? Вся роскошь жизни требуется и поддерживается женщинами. Женщины, какъ царицы, держатъ въ плѣну рабства и тяжелаго труда $^{9}/_{10}$ рода человѣческаго. А все оттого, что ихъ унизили. И вотъ онѣ мстятъ дѣйствіемъ на чувственность, уловляя мужчинъ въ свои сѣти. Поистинѣ, нельзя допускать такіе нарушающіе общественное спокойствіе поступки, какъ тѣ, прямо вызывающія чувственность, украшенія своего тѣла, которыя допускаются женщинами. Это все равно, что разставить по гуляньямъ, по дорожкамъ всякіе капканы... Хуже.

Кромѣ общей причины ненависти другъ къ другу супруговъ, заключающейся во взаимномъ служеніи чувственности, въ соучастіи осквернения человѣческаго существа, источникъ постоянной вражды супруговъ есть еще взаимная ревность. Это общій удѣлъ супружествъ. Ревность не мо-

жетъ не быть между супругами, безнравственно живущими между собою. Каждый знаетъ про другаго, что сильныхъ нравственныхъ препятствій для измѣны нѣтъ ни у того, ни у другаго; знаютъ это потому, что другъ съ другомъ нарушаютъ нравственныя требованія, и потому они не вѣрятъ другъ другу и караулятъ другъ друга.

Дѣти также не скрѣпляютъ брачныхъ союзовъ,—учитъ герой Толстаго, или самъ Толстой,—напротивъ, составляютъ особаго рода мученіе. Дѣти для женщины интеллигентнаго міра — не радость, не гордость, не исполненіе призванія, а страхъ, тревога, непрестающее страданіе, непрестающая казнь. Матери боятся полюбить дѣтей, чтобы полюбивъ не бояться за здоровье и жизнь ребенка. Поэтому онѣ не хотятъ сами и кормить дѣтей, чтобы слишкомъ ихъ не полюбить. Тутъ любовь, самое радостное настроеніе души, представляется опасностію. Образованная женщина не умѣетъ смотрѣть на ребенка иначе, какъ только на удовольствіе. Она вся погружается въ животное материнское чувство, въ чувственность. Мысли-же о томъ таинственномъ значеніи появленія новаго человѣческаго существа, которое замѣнитъ насъ, нѣтъ никакой. Нѣтъ того, что при крещеніи говорятъ и дѣлаютъ надъ ребенкомъ. Вѣдь никто не вѣритъ въ это, а между тѣмъ это было не что иное, какъ напоминаніе о человѣческомъ значеніи младенца. Это бросили, не вѣрятъ, а ничѣмъ не замѣнили, и осталось только то, что есть у животнаго. Но дѣло въ томъ, что у животнаго нѣтъ воображенія, нѣтъ предвѣдѣнія, нѣтъ размышленія. У насъ заболѣетъ ребенокъ — что такое? Какъ лечить? Гдѣ лечить? А если померъ, зачѣмъ все это было? Зачѣмъ эти мученія? И вотъ отъ этого дѣти -мученье. При праздности и сытости горе развивается до отчаянія. Вся жизнь постоянно отравляется страхомъ за дѣтей, дѣйствительными или только воображаемыми опасностями. Жизнь, особенно отцевъ, со всѣми интересами, всегда

виситъ на волоскѣ и зависитъ отъ здоровья дѣтей, состоянія дѣтей, отъ ученія дѣтей. Въ наше время супругамъ уже жить нельзя. Правильной жизни для родителей нѣтъ: вся жизнь семейная теперь это какая-то вѣчная опасность, спасеніе отъ нея, вновь наступающая опасность, вновь отчаянныя усилія спастись, — постоянно такое положеніе, какъ на гибнущемъ кораблѣ.

Вообще супружеское сожитіе, по ученію графа Л. Н. Толстаго,—неестественно. Какъ-же продолжаться роду человѣческому? Да зачѣмъ ему продолжаться? — учитъ геніальный учитель графъ Л. Н. Толстой. — Какъ зачѣмъ? Иначебы насъ не было? — Да зачѣмъ намъ быть? — Какъ зачѣмъ? Да чтобы жить. — Да зачѣмъ жить? — учитъ выжившій изъ ума графъ Л. Н. Толстой. И учитъ не самъ собою, а повторяетъ чужіе зады. Вѣдь Шопенгауеры, Гартманы, да и всѣ буддисты утверждаютъ, что благо въ томъ, чтобы не жить. И они правы въ томъ, что благо человѣческое совпадаетъ съ самоуничтоженіемъ. Только они не такъ выражаются. Они говорятъ, что роду человѣческому надо уничтожиться, чтобы избавиться отъ страданій, что цѣль его— самоуничтоженіе. Это неправда.

Цѣль какъ человѣка, — поучаетъ графъ Левъ Толстой, — такъ и человѣчества—благо. Для достиженія-же блага человѣчеству данъ законъ (въ толстовскомъ евангеліи), который оно должно исполнить. Законъ-же—въ единеніи людей (а чтожъ такое это единеніе?). Мѣшаютъ этому единенію страсти (откуда это видно? Страсти мѣшаютъ, но, и помогаютъ единенію). Изъ страстей самая сильная и злая—половая плотская любовь (она-то и содѣйствуетъ единенію человѣчества въ единой крови). И потому если уничтожатся страсти и послѣдняя самая сильная изъ нихъ—плотская любовь, то единеніе совершится (разъединеніе совершится), человѣчество исполнитъ свой законъ (откуда-же видно, что

уничтоженіе плотской любви, лежащей въ самомъ корнѣ человѣческой организаціи, есть законъ плотскаго человѣчества?), и человѣчеству незачѣмъ будетъ жить (умственное помѣшательство, сумасбродная галиматья). А пока не исполнитъ? Ну вотъ и данъ спасительный клапанъ. Признакъ неисполненнаго закона есть присутствіе плотской любви. А какъ только есть плотская любовь, такъ вслѣдствіе именно ея и является новое поколѣніе, въ которомъ можетъ осуществиться законъ. Не осуществило и то, опять слѣдующія—до тѣхъ поръ, пока осуществится все. *Когда же осуществится, тогда вслѣдствіе этого самаго осуществленія самъ собою и уничтожится родъ человѣческій.*

Что-же однако это за умствованіе? Умствованіе мудреное, которое, когда разрѣшится въ простыя понятія и слова, превратится въ сумасбродное. Не нужно роду человѣческому продолжаться. Не нужно намъ быть, существовать, жить. Шопенгауеръ, Гартманъ, буддисты утверждаютъ, что благо въ томъ, чтобъ не жить, благо въ самоуничтоженіи. Гартманъ предлагаетъ для самоуничтоженія всего человѣчества заразъ именно электрическую искру, которая сразу можетъ убить всѣхъ людей. Нѣтъ, не такъ, учитъ нашъ отечественный сумасбродъ. Это совсѣмъ не нужно. А стоитъ только исполнить толстовскій законъ, уничтожить плотскую любовь. Не уничтожитъ ее одно поколѣніе, и вслѣдствіе этого появится новое поколѣніе. Пусть уничтожаетъ ее слѣдующее поколѣніе, затѣмъ еще дальнѣйшее поколѣніе, пока не уничтожитъ ее совсѣмъ. Вслѣдствіе-же полнаго уничтоженія плотской любви самъ собою уничтожится весь человѣческій родъ. Умно!

Такъ-ли мы поняли этого юрода? Онъ разъясняетъ себя и далѣе. По всѣмъ ученіямъ церковнымъ, придетъ конецъ міра. По всѣмъ ученіямъ научнымъ, неизбѣжно тоже самое. Такъ что-же страннаго, что выходитъ тоже самое и по уче-

нію нравственному (толстовскому)? *Могущіе вмѣстить да вмѣстятъ*, сказалъ Христосъ. И я прямо понимаю это, какъ Онъ сказалъ, изрекаетъ герой Толстаго, или что тоже— самъ Толстой. Для того, чтобы между людьми была нравственность въ половомъ отношеніи, нужно, чтобы цѣлію себѣ они ставили *полное цѣломудріе*. Стремясь къ цѣломудрію, человѣкъ падаетъ. Падетъ,—и будетъ бракъ нравственный. Бракъ даже нравственный, по Толстому, есть не иное что, какъ паденіе. Но если человѣкъ, какъ въ нашемъ обществѣ, стремится уже прямо къ плотской любви, то хотя-бы онъ облекъ ее *въ мнимо-нравственную форму брака, будетъ только разрѣшеніе на развратъ, будетъ все-таки безнравственная жизнь, которая у насъ называется нравственной семейной жизнью. Бракъ, такъ называемая нравственная жизнь, по Толстому, есть только разрѣшеніе на развратъ, есть жизнь безнравственная!* Какое у насъ извращеніе понятій, когда самое счастливое положеніе для человѣка—свобода, безбрачіе считается чѣмъ-то жалкимъ, смѣшнымъ! Высшій идеалъ, лучшее положеніе женщины— быть чистой, весталкой, дѣвственницей—есть позоръ и посмѣшище въ нашемъ обществѣ. Между тѣмъ слова Евангелія о томъ, что *смотрящій на женщину съ вожделѣніемъ уже прелюбодѣйствовалъ съ нею, относятся не къ однимъ чужимъ женамъ, а именно и главное къ своей женѣ*.

Какое извращеніе понятій у графа Льва Толстаго,— скажемъ мы,—когда у него даже нравственный бракъ оказывается разрѣшеніемъ на развратъ, когда даже нравственная семейная жизнь выходитъ безнравственною; когда онъ, будто-бы во имя Христа, требуетъ отъ человѣчества, во плоти живущаго, полнаго уничтоженія плотской любви и рекомендуетъ за симъ даже уничтоженіе человѣческаго рода!

Послѣ такого абсурда нужны-ли другія какія доказательства, что ученіе графа Льва Толстаго сумасбродно и глубоко вредно!?

Позволимъ себѣ сказать нѣсколько словъ и о личности героя въ новомъ произведеніи Толстаго, чтобъ еще больше выставить чудовищность, покрывая однако-же циничность новаго толстовскаго измышленія.

Сынъ богатаго степнаго дворянина, бывшаго предводителя, воспитанникъ университета, кандидатъ, юристъ, безбожникъ—нужно прибавить, жилъ до женитьбы, какъ живутъ всѣ порядочные люди дворянскаго круга, т. е. развратно. Такъ выражается самъ герой или Толстой. При этомъ онъ былъ убѣжденъ, что среди развратныхъ людей онъ исключительно нравственный человѣкъ. И какъ ему не считать было себя исключительно нравственнымъ человѣкомъ, слыша о золотой молодежи, объ офицерахъ, о парижанахъ, на душѣ которыхъ лежатъ сотни самыхъ разнообразныхъ ужасныхъ преступленій? Мальчикомъ онъ уже не былъ невиненъ. А съ 16 лѣтъ позналъ и женщинъ. Лѣтъ за 30 велъ степенную, благоразумную, холостую жизнь, которой даже гордился предъ своими сверстниками и сотоварищами, предававшимися разнымъ спеціальнымъ развратамъ. Не имѣлъ неестественныхъ вкусовъ (сравни съ исповѣдью самаго автора), а отдавался разврату въ приличныхъ общепринятыхъ формахъ. Быть можетъ были и дѣти, но онъ дѣлалъ видъ, какъ будто ихъ не было. Всю молодость живя въ самомъ безобразномъ развратѣ, мечталъ о чистой, возвышенной любви, не оставляя намѣренія жениться и устроить себѣ самую возвышенную чистую семейную жизнь, выглядывая себѣ въ жены дѣву чистоты голубиной и наконецъ нашелъ такую, которую счелъ достойною себя. Какъ жениха, его ловили и поймали. Мать невѣсты,—отца не было,—устраивала всякія ловушки, и одна, катанье на лодкѣ, удалась. Онъ рѣшилъ, что невѣста верхъ совершенства и достойна быть его женой. Онъ влюбился, какъ влюбляются всѣ. И все было налицо: и восторги, и умиленье, и поэзія, и безобразное обжорство сладкимъ, конфек-

тами и т. п. Въ сущности его любовь устроена была матерью невѣсты и портнихами. Обстоятельно цинически изложенное ученіе Толстаго о ловлѣ жениховъ опускаемъ. Влюбленный, онъ не только невѣсту представлялъ себѣ верхомъ совершенства, но и себя такимъ-же совершеннымъ человѣкомъ за то, что женился не изъ корысти,—онъ былъ богатъ, а она бѣдна,—и намѣренъ былъ держаться послѣ свадьбы единобрачія. „Свинья я былъ ужасная“,—говоритъ онъ самъ о себѣ,—„а воображалъ себѣ, что я ангелъ. На поѣздку въ церковь смотрѣлъ, какъ смотритъ большинство, только какъ на особое условіе обладанія извѣстной женщиной. Подумайте какое ужасное значеніе при этомъ получаютъ всѣ эти подробности“! Это богохульство, насмѣшка надъ церковью, обманъ, издѣвательство надъ человѣческимъ достоинствомъ!—прибавимъ отъ себя. Испытавъ всю мерзость перваго мѣсяца брачной жизни, супруги на четвертый день и, повидимому, совершенно безпричинно жестоко поссорились. Все лицо жены выражало одну злобу. Любовь—союзъ душъ, и вмѣсто того взаимная ненависть, холодная ядовитая враждебность. За удовлетвореніемъ чувственности холодное враждебное отношеніе стало нормальнымъ отношеніемъ. Съ другими бывали ссоры, но никогда не обнаруживалось той ядовитой злобы, которая была между супругами. Во всѣхъ супружествахъ тоже самое. Безъ всякаго повода ненавидѣли другъ друга просто оттого, что въ душѣ была ненависть другъ къ другу. Эту ненависть герой объясняетъ, какъ взаимную ненависть сообщниковъ преступленія, т. е. какъ *слѣдствіе самаго брачнаго сожитія*. И это не измѣнится до тѣхъ поръ, пока высшій идеалъ всѣхъ, мужскаго и женскаго пола, будетъ бракъ, а не дѣвство, не свобода отъ чувственности. Кромѣ общей причины ненависти, заключающейся въ соучастіи осквернѣнія, *въ брачномъ сожитіи*, между новыми супругами возникъ еще новый источникъ постоянной грызни—взаимная

ревность, ревность ужасная, отъ которой охватывалъ просто ужасъ, которая отваживала на подлости, напрм., на подлость подслушиванья у дверей. Это было обдаваніе другъ друга сѣрной кислотой, этой ревнивой ненавистью, было взаимное уродованіе. Вырывалось раздраженіе, доведенное до самой превосходной степени, съ потокомъ ругательствъ, у жены съ рыданіями, истерикою, бѣганьемъ изъ дома въ самыя необычныя мѣста. Появленіе дѣтей не только не улучшало супружескихъ отношеній, не соединяло, а напротивъ, разъединяло. Дѣти — это былъ новый поводъ къ раздору, и чѣмъ больше они росли, тѣмъ чаще бывали орудіями борьбы между родителями. Дѣти стали союзниками, которыхъ родители привлекали каждый на свою сторону. Дѣти страшно страдали отъ этого, но родителямъ во взаимной борьбѣ не до того было, чтобы думать о дѣтяхъ. Сторонники отца изъ дѣтей были ненавистны матери, любимцы матери ненавистны отцу. Выходило однако-же такъ, что, опираясь на дѣтей, жена властвовала, презирая мужа съ его дѣятельностію, наприм. земскою, тогда какъ мужъ обратно презиралъ жену съ ея домовитою дѣятельностью. Отношенія становились все враждебнѣе. Что бы жена не сказала, мужъ уже впередъ былъ несогласенъ. Точно также и она. Рѣшено было съ обѣихъ сторонъ, что общенія духовнаго нѣтъ и быть не можетъ. О самыхъ простыхъ вещахъ они оставались неизмѣнно каждый при своемъ мнѣніи. Съ посторонними лицами и онъ и она говорили о разнообразныхъ и задушевныхъ предметахъ, но не между собой. Вдвоемъ они были почти обречены на молчаніе. Кое-какъ сообщались еще не иначе, какъ черезъ третье лицо. Въ мужѣ ненависть къ ней кипѣла страшная. Онъ смотрѣлъ, какъ она наливала чай, махала ногой, подносила ложку ко рту, глотала, втягивала въ себя жидкость, и ненавидѣлъ ее за это, какъ за самый дурной поступокъ. Но когда человѣкъ живетъ неправильно, онъ можетъ себя

затуманивать, чтобы не видѣть бѣдственности своего положенія. Жена старалась забыться напряженными, всегда поспѣшными занятіями: хозяйствомъ, обстановкой, нарядами— своими и дѣтей, ученьемъ и — главное — здоровьемъ дѣтей. Все это для нея было средствомъ забвенія, пьянствомъ, такимъ, какимъ для мужа было пьянство службы, охоты, картъ. Да у него было кромѣ того и въ прямомъ смыслѣ пьянство —табакомъ, котораго онъ выкуривалъ пропасть, и виномъ, которымъ онъ не напивался, но ежедневно выпивалъ много, такъ что постоянный туманъ застилалъ отъ обоихъ супруговъ неладность ихъ жизни. Вся эта душевная болѣзнь ихъ, —объясняетъ Толстой или его герой,—происходила оттого, что они жили безнравственно, т. е. *въ брачномъ сожитіи*. Отъ безнравственной жизни имъ было больно. Они были два ненавидящіе другъ друга колодника, связанные одною цѣпью, отравляющіе жизнь другъ другу и старающіеся не видѣть этого. Какъ разъ когда родителямъ становится жизнь невыносимой другъ отъ друга, необходимы дѣлаются и городскія условія для воспитанія дѣтей. И вотъ является необходимость переѣзда въ городъ. Въ городѣ несчастнымъ людямъ живется легче. Въ городѣ человѣкъ можетъ прожить долго, и долго не хватиться того, что онъ давно умеръ и сгнилъ. Живя въ городѣ, и наши супруги меньше чувствовали боль отъ сожитія. Но случилось обстоятельство, никому незамѣтное, кажущееся ничтожнымъ, но такое, которое и произвело все то, что случилось. Мерзавцы научили жену средству быть безплодною. Вслѣдствіе этой мѣры она физически окрѣпла и похорошѣла, какъ послѣдняя красота лѣта. Видъ ея наводилъ страхъ, въ родѣ какъ застоявшаяся, горячая запряженная лошадь, съ которой сняли узду. Узды не было никакой и нѣтъ никакой у $^{99}/_{100}$ нашихъ женщинъ, замѣчаетъ Толстой или его герой. Эта болѣзнь, страданіе вѣчное о дѣтяхъ, стала проходить. Она какъ будто очнулась отъ пьянства, опомни-

лась и удивилась, что есть цѣлый міръ Божій съ его радостями, про которыя она забыла, въ которомъ она жить не умѣла, котораго она не понимала. Какъ-бы не пропустить! Уйдетъ время - не воротишь! Она стала заниматься дѣтьми меньше, не съ такимъ отчаяніемъ, какъ прежде, но больше и больше занималась собою, своею наружностію и своими удовольствіями, даже усовершенствованіемъ себя въ музыкѣ. Музыка и погубила ее въ глазахъ неистово-ревниваго супруга окончательно.

Онъ настаиваетъ на томъ, что всѣ мужья, живущіе на тѣхъ же основахъ брака, какъ онъ жилъ, должны или распутничать, или разойтись, или убить самихъ себя, или своихъ женъ, какъ онъ и сдѣлалъ. Прежде чѣмъ кончить, какъ онъ кончилъ, онъ былъ нѣсколько разъ на краю самоубійства, да и жену доводилъ до попытки самоотравленія. Окончательной развязкѣ женоубійства предшествовала одна изъ самыхъ жестокихъ ссоръ изъ-за пустяка. Мужъ почти бьетъ жену руками, убиваетъ жесточайшими словами. Жена убѣгаетъ изъ дому, возвращается, чтобы взять дѣтей. Опять ядовитая ссора. Жена еще разъ дѣлаетъ попытку отравиться. Въ эту пору, для занятій музыкою, для аккомпанимента женѣ является любитель-музыкантъ, который игралъ превосходно. Мужъ допускалъ это изъ гордости, изъ ложной деликатности, изъ тщеславія, изъ лицемѣрія. Если не быть тщеславнымъ въ обычной нашей жизни,—говоритъ онъ,—то вѣдь нечѣмъ жить. Самъ онъ устроилъ музыкальный вечеръ. Они, жена и музыкантъ-любитель, играли *Крейцерову Сонату Бетховена.*

При этомъ герой, или лучше — самъ Толстой говоритъ странныя неслыханныя вещи о музыкѣ, о самыхъ высокихъ ея проявленіяхъ, о самыхъ высокихъ ея творцахъ, каковъ Бетховенъ. Страшная вещь музыка, учитъ Толстой въ своемъ умоизступленіи. Что она дѣлаетъ? Говорятъ, музыка

дѣйствуетъ возвышающимъ душу образомъ. Вздоръ, неправда, утверждаетъ Толстой въ своемъ умоизступленіи. Она дѣйствуетъ, страшно дѣйствуетъ, но вовсе не возвышающимъ душу образомъ. Она дѣйствуетъ раздражающимъ душу образомъ. Она сразу непосредственно переноситъ меня въ то душевное состояніе, въ которомъ находился тотъ, кто писалъ музыку. Я сливаюсь съ нимъ и вмѣстѣ съ нимъ переношусь изъ одного состоянія въ другое. Что-жъ тутъ худаго,—спрашиваемъ мы,—перенестись въ то высоко-поэтическое состояніе, въ которомъ въ лучшую минуту творчества находился такой высокій и высоко-нравственный художникъ, каковъ былъ Бетховенъ?! Но по Толстому, музыка по этому самому такъ и страшна, такъ ужасно иногда дѣйствуетъ. Развѣ можно допустить, чтобы всякій, кто хочетъ, гипнотизировалъ другаго? Напр., хотя-бы эту „Крейцерову Сонату“ развѣ можно играть въ гостинныхъ или въ концертахъ? И тутъ-же Толстой или его герой начинаетъ противорѣчить самъ себѣ. Эти вещи можно играть только при извѣстныхъ важныхъ значительныхъ обстоятельствахъ и тогда, когда требуется совершить извѣстные соотвѣтствующіе этой музыкѣ поступки. А то несоотвѣтственное ни мѣсту, ни времени вызываніе энергіи чувства не можетъ не дѣйствовать губительно. На него, на героя вещь эта подѣйствовала ужасно. А выходитъ совсѣмъ не ужасно, напротивъ, благотворно. Ему, герою какъ будто открылись новыя чувства, новыя возможности. „Да, вотъ какъ, совсѣмъ не такъ, какъ я прежде думалъ и жилъ, а вотъ какъ“, говорилось ему въ душѣ. Что такое было то новое, онъ не могъ дать себѣ отчета, но *сознаніе новаго состоянія было очень радостно.* Въ этомъ новомъ состояніи ревность уже не имѣла мѣста. Его вынесла эта музыка въ какой-то такой міръ, въ которомъ ревность уже не имѣла мѣста. Ревность и чувства, вызвавшія ее, казались такими пустяками, о которыхъ не

стоило думать. — Жаль, что онъ не послушался этихъ мирныхъ и высокихъ внушеній высокой бетховенской музыки. Говорятъ, у сознательно умирающихъ ясно обозначается гранъ, за которую лишь только они переступятъ, тотчасъ все земное, со всѣми земными страстными интересами, теряетъ всякую цѣну. Человѣкъ переступаетъ въ иной горній міръ. Не даромъ-же говорятъ и о высокой музыкѣ, что и она переноситъ въ иной высшій міръ идей и чувствъ. А между тѣмъ этотъ помѣшанный на своей страстности герой Толстаго или лучше — самъ Толстой видитъ даже въ бетховенской музыкѣ *чувство самой утонченной похоти.*

Послѣ многихъ лѣтъ семейной жизни не зная своей жены, зная ее только какъ животное, и судя по себѣ, что ничто не можетъ удержать животнаго, безумно ревнивый мужъ тутъ же на музыкальномъ вечерѣ рѣшилъ, что между ними, женою и любителемъ-музыкантомъ, все кончено; выбывъ изъ дома, самымъ подлымъ образомъ рѣшился подстеречь ихъ, когда они, въ его отсутствіе, занимались музыкой же, и съ этой цѣлью неожиданно отбылъ домой. Какой-то дьяволъ, точно противъ его воли придумывалъ и подсказывалъ ему самые ужасные образы, — дьяволъ, въ котораго ни Толстой, ни герой его не вѣруютъ. Да, точно дьяволъ подсказывалъ адскіе помыслы душѣ, чуждой божественнаго свѣта. Спѣша домой по желѣзной дорогѣ, мучась адскими замыслами, онъ не зналъ, что съ собою дѣлать, — не выдти ли на путь, лечь подъ вагонъ, кончить все. Но что мѣшало ему сдѣлать это, была подлая жалость къ себѣ, тотчасъ непосредственно за собой вызывающая ненависть къ ней — женѣ, къ нему — ея воображаемому другу, къ ней — ненависть страшная. Нельзя покончить съ собой и оставить ее въ живыхъ, рѣшилъ этотъ трусъ — злодѣй. Но и въ эту минуту онъ не былъ увѣренъ, есть ли основаніе мучиться. Вотъ гдѣ была казнь. Чтобы отбить охоту отъ женщинъ, онъ сводилъ

бы теперь молодаго человѣка въ душу къ себѣ—посмотрѣть на тѣхъ дьяволовъ, которые раздирали ее! Да, діаволы раздирали ее, и онъ, не вѣруя въ нихъ, чувствовалъ не только ихъ бытіе, но и дѣйствительную власть ихъ надъ своею проклятою безбожною душею. Вѣдь ужасно было то, что онъ признавалъ за собой несомнѣнное право *надъ тѣломъ жены, какъ будто это было его тѣло*, и вмѣстѣ съ тѣмъ чувствовалъ, что владѣть этимъ тѣломъ онъ не можетъ, что оно не его тѣло, что она можетъ распоряжаться имъ, какъ хочетъ.... Это было полное сумасшествіе, съ чѣмъ и мы согласны, да, сумасшествіе. Заставъ ихъ дома вмѣстѣ, онъ чуть было не зарыдалъ, но тотчасъ *дьяволъ* (котораго власть надъ собою онъ чувствовалъ) подсказалъ: ты плачь, сантиментальничай, а они спокойно разойдутся. И тотчасъ подлая чувствительность къ себѣ исчезла и явилась *животная* (да и дьявольская вмѣстѣ) потребность физической, ловкой, хитрой и рѣшительной дѣятельности, т. е. убійства. Но и тутъ таже подлая жалость къ себѣ,—къ себѣ, а не къ другимъ, такъ охватила его, что онъ зарыдалъ. Сердце такъ билось, что онъ испугался, что умретъ отъ удара, что жена убьетъ его, а не онъ ее. И онъ вступилъ въ состояніе звѣря, или точнѣе—одержимаго дьяволомъ. Открывъ дверь въ комнату, гдѣ сидѣли жена и воображаемый ея другъ, онъ прочиталъ на ихъ лицахъ выраженіе ужаса и отчаянія, и это доставило ему мучительную радость. Онъ же, испытывая потребность разрѣшенія и восторга бѣшенства, весь отдался ему. Отвратительная детальная сцена убійства. Мужъ бросается къ женѣ, гость хватаетъ его за руки: „опомнитесь, что вы?“ Мужъ бросается на него, жена повисаетъ на рукѣ мужа, чтобы отвратить убійство. Мужъ чувствуетъ, что онъ вполнѣ бѣшеный и страшный и радуется этому. Сперва онъ страшнымъ ударомъ локтя расшибаетъ лицо женѣ. Она падаетъ и, схватившись за разшибленные глаза, смотритъ на

него. Тотъ читаетъ въ ея мукѣ страхъ и ненависть къ себѣ. Хватаясь рукою за его руку съ кинжаломъ, она кричитъ: „опомнись! Что ты? Что съ тобою? Ничего нѣтъ, ничего, ничего, клянусь". — „Не лги, мерзавка", вопитъ мужъ, и лѣвой рукой хватаетъ ее за руку, но она вырвалась. Тогда, не выпуская кинжала, хватаетъ ее лѣвой рукой за горло, опрокидываетъ и начинаетъ душить. Она хватается обѣими руками за руки его, отдирая ихъ отъ горла, за которое онъ душилъ ее; тогда онъ ударяетъ ее кинжаломъ въ лѣвый бокъ, ниже реберъ. Хоть бы убилъ наповалъ, а то какъ бы съ расчетомъ только смертельно поранилъ, но не убилъ. И сознается самъ, что чѣмъ сильнѣе разводилъ онъ пары своего бѣшенства, тѣмъ ярче разгорался въ немъ свѣтъ сознанія, при которомъ онъ не могъ не видѣть всего того, что дѣлалъ. Было на мгновенье сознаніе, что онъ убиваетъ и убилъ женщину, женщину беззащитную, свою жену. Но когда увидѣлъ, что хлынула кровь, онъ понялъ, что поправить нельзя, и тотчасъ же рѣшилъ, что и не нужно, что этого самаго онъ хочетъ. Когда жена упала, когда кинулись къ ней люди, онъ пошелъ къ себѣ, и спросилъ себя, что надо дѣлать? Взялъ заряженный револьверъ и положилъ на столъ. . Однакоже, когда дошло дѣло до себя, появилась разсудительность. Вмѣсто того, чтобъ убить себя и тѣмъ сколько-либо облагородить свой поступокъ въ глазахъ себѣ подобныхъ, онъ заперъ дверь кабинета, и доставъ папироски и спичку, сталъ курить. Одуряя себя куривомъ, заснулъ... Въ дверь постучались. „Да, теперь надо и себя убить",—сказалъ онъ себѣ. Но говоря это, онъ зналъ, что не убьетъ себя. Однако всталъ и взялъ въ руки револьверъ. Прежде много разъ онъ былъ близокъ къ самоубійству, вчера на желѣзной дорогѣ это казалось ему такъ легко. Но теперь, когда пришла нужда убить себя, теперь онъ великодушно къ себѣ не только не могъ поднять на себя руку,

— это не то, что поднять руку на жену, — но не могъ и подумать объ этомъ. Тутъ явилось и разсужденіе благоразумія, зачѣмъ онъ это сдѣлаетъ? Постучались еще. Вошла сестра жены съ вѣстью, что она умираетъ: „поди къ ней“.

Все тутъ въ немъ возмутительно, все отвратительно. — „Пойти къ ней?“ — задаетъ онъ себѣ вопросъ, и тотчасъ-же отвѣчаетъ, что надо пойти къ ней, что, вѣроятно, всегда такъ дѣлается, что когда мужъ убилъ свою жену, то надо идти къ ней. Когда онъ проходилъ мимо дѣтской, всѣ пятеро дѣтей смотрѣли на него испуганными глазами. Объ нихъ то напередъ и не подумалъ столь нѣжный и жалостливый къ себѣ самому отецъ, убійца несчастной матери. Первое, что бросилось ему въ глаза при входѣ къ умирающей, было ея брошенное на стулъ свѣтло-сѣрое платье, все черное отъ крови. Болѣе всего поражаетъ его распухшее и синѣющее по отекамъ лицо, часть носа и подъ глазами, — послѣдствіе нанесеннаго имъ удара локтемъ, когда она хотѣла удержать его. Онъ останавливается у порога. „Подойди, подойди къ ней“, говоритъ сестра. Ему думается и тутъ что она хочетъ покаяться. Въ этой сладкой надеждѣ, онъ подходитъ къ самой умирающей. Она съ трудомъ подняла на него глаза, изъ которыхъ одинъ былъ подбитый, и съ трудомъ, съ запинками проговорила: „добился своего, убилъ“... И въ лицѣ ея, сквозь физическія страданія и даже близость смерти, выразилась таже старая, знакомая ему, холодная ненависть. — „Дѣтей... я все таки... тебѣ... не отдамъ. Она“ (ея сестра) „возьметъ... Да, полюбуйся на то, что ты сдѣлалъ“, — сказала она, глядя на дверь и всхлипнула. Въ двери стояла сестра съ дѣтьми. „Да, вотъ что ты сдѣлалъ“. Онъ взглянулъ на дѣтей, на ея съ подтеками разбитое имъ лицо, и въ первый разъ забылъ себя, свои права, свою гордость, въ первый разъ (за все время своего супружества) увидѣлъ въ ней человѣка, сестру, а все-таки не жену, ко-

торая безконечно ближе должна быть сестры. До сихъ поръ все онъ видѣлъ въ ней животное, принадлежащее ему тѣло. И такъ ничтожно показалось ему, да и было ничтожно то, что оскорбляло его,—вся его (преступная) ревность, и такъ значительно, да и было безпредѣльно значительно, по своей великости и непоправимости то, что онъ сдѣлалъ, что онъ хотѣлъ припасть лицомъ къ ея рукѣ и сказать: „прости“, но не смѣлъ. Трусость и гордость и тутъ его одолѣвали, устраняя столь естественный порывъ души истинно кающейся. Она молчала, закрывъ глаза, очевидно, не въ силахъ говорить дальше. Потомъ изуродованное лицо ея задрожало, сморщилось. Она слабо оттолкнула его. „Зачѣмъ все это было? Зачѣмъ?“—„Прости меня“,—тутъ только сказалъ онъ, сказалъ холодно и несмѣло, чтобъ и тутъ не уронить свою гордость.—„Да, если бы ты не убилъ меня“,—вдругъ вскрикнула она, и глаза ея заблестѣли лихорадочно. Онъ имѣлъ и тутъ наглость повторить свое холодное „прости“, и еще прибавить: „все это вздоръ“, т. е. всѣ его подозрѣнія,—„только-бы не умереть“.—„Да, ты добился своего. Ненавижу“. Потомъ сдѣлался предсмертный бредъ. Въ тотъ же день къ полдню она умерла.

Безбожникъ Толстой и тутъ заставляетъ ее умереть безъ мысли о Богѣ и безсмертіи, безъ всякихъ утѣшеній религіи, какъ животное, какою она и была весь свой вѣкъ.

Убійцу мужа сейчасъ же арестовали. Наши присяжные, конечно, оправдали его.—На третій день меня водили *туда*..., говоритъ онъ. Замѣчательная аналогія, что онъ безбожникъ, какъ и творецъ его безбожникъ боятся произнести слово—церковь. Такъ въ священно-легендарныхъ сказаніяхъ подобная боязнь приписывается дьяволамъ: когда нужно назвать по имени Бога, Господа Іисуса, св. церковь, діаволы прибѣгаютъ къ мѣстоименіямъ и нарѣчіямъ: „Онъ, тотъ“ (вмѣсто Богъ), или „туда, тамъ“ (вмѣсто въ церковь, въ

церкви). Забавна аналогичная съ сатанинскою боязнь у такого проповѣдника евангелія, даже евангелиста, какъ графъ Толстой.

Забавно, удивительно, возмутительно, что *такого безбожника, такого развратника, такое животное, животное кровожадное въ страстности, такого подлаго труса, такого пошлаго подслушивателя и подзирателя, столь нѣжно жалостливаго къ себѣ самому и столь безпощаднаго къ злосчастной женѣ и жалкимъ дѣтямъ, круглымъ сиротамъ матери убитой и отца убійцы, этого неистоваго безумца, который невольно сознаетъ себя орудіемъ дьявола*, сумасбродный самозванный евангелистъ Толстой возводитъ вмѣсто себя на пьедесталъ проповѣдника и толковника своего собственнаго евангелія, на пьедесталъ учителя всего человѣчества евангельской истинѣ.—„Да-съ“,—заключаетъ онъ свою мрачную повѣсть.—„Вотъ что я сдѣлалъ и вотъ что я пережилъ. Да-съ“,—знаменательно это „да-съ“ въ рѣчи такого заключительно-священнаго значенія, —„надо понять настоящее значеніе, что слова евангелія—Матѳ. V, 25—о томъ, что *всякій, кто смотритъ на женщину съ похотью, прелюбодѣйствуетъ*, относятся къ женщинѣ, къ сестрѣ, не къ одной чужой, посторонней женщинѣ, а преимущественно къ своей женѣ“.

Не такъ это, г. Толстой. Не такъ вы понимаете. Ваше узко-поверхностное толкованіе раздается въ ушахъ христіанскаго міра впервые на пространствѣ 19 вѣковъ его существованія. А прежде васъ никто изъ тысячъ толковниковъ евангелія, даже самыхъ аскетическихъ, не догадался, что сіи евангельскія слова имѣютъ значеніе, какое приписываетъ имъ впервые ваше надменное суемудріе. И кто такой вы (Толстой) по вашимъ правамъ на вселенское учительство въ Христовой церкви!? Какъ это видно изъ вашей исповѣди, вы списали вашего гнуснаго героя съ первой половины

вашей жизни. Хорошъ выдаваемый вами самому себѣ дипломъ на право и званіе евангелиста!

Прежде чѣмъ показать, что ученіе Толстаго о бракѣ несогласно съ христіанскимъ, зададимъ ему, какъ и пристрастнымъ его читателямъ, нѣсколько вопросовъ. Его ложные, якобы истинно-евангельскіе выводы извлекаются изъ его посылокъ. Спросимъ же теперь, вѣрны-ль его посылки?

Вѣрно ли, что религія вездѣ пала и не встанетъ? Конечно, то вѣрно, что браки существовали и даже существуютъ у того множества людей, которые въ бракѣ видятъ таинство, обязывающее предъ Богомъ. Но вѣрно ли, что люди толстовскаго круга совсѣмъ потеряли эту вѣру? Вѣрно ли, что въ этомъ кругѣ изъ 10 брачущихся едва ли найдется одинъ, который не то, что вѣритъ въ таинство, но вѣритъ въ то, что обѣщаетъ при таинствѣ, т. е. супружескую вѣрность? Вѣрно ли, что большинство въ этомъ кругѣ смотритъ на поѣзду въ церковь, только какъ на особое условіе для обладанія извѣстною женщиною? Вѣрно-ль и то, что никто въ этомъ кругѣ, не говоря о прочихъ кругахъ, не вѣритъ и въ то, что при крещеніи говорятъ и дѣлаютъ надъ ребенкомъ? Вѣрно ли вообще, что въ этомъ кругѣ, не говоря о прочихъ, совершенно бросили вѣру Христову, и осталось въ нихъ одно то, что есть у животныхъ? Пусть отвѣтятъ на эти вопросы поклонники графа Льва Толстаго, каждый самъ себѣ, за себя и за другихъ, что онъ совсѣмъ же не имѣетъ вѣры въ Бога, смотритъ на бракъ, какъ на условіе обладанія извѣстною женщиною — не болѣе, и остается въ немъ самомъ одно то, что есть у животныхъ, что онъ — животное, не болѣе. Отвѣтьте по совѣсти.

Кстати о совѣсти. Правда ли, будто въ вашемъ кругѣ и совѣсти нѣтъ никакой, кромѣ совѣсти общественнаго мнѣнія и уголовнаго закона, и угрызеній собственно совѣсти

никакихъ никогда у васъ не бываетъ и быть не можетъ? Нѣтъ совѣсти?! Отвѣтьте.

Дайте совѣстный отвѣтъ на каждую изъ строчекъ вышеизложеннаго ученія и увѣреній Толстаго, правда ли? Правда ли то, правда ли другое, третье и т. д. безъ конца? Правда ли, будто любовь, бракъ, семья—все ложь, ложь и ложь? Будто мужчины всѣ и все врутъ о высокихъ чувствахъ, а имъ нужно только тѣло жены? Будто „всѣ любви“ (sic) и браки всѣ обусловлены излишне сытною пищей? Будто въ бракахъ совсѣмъ напрасно подразумѣвается любовь духовная, а не грубо чувственная? Будто любовь бываетъ рѣдко на года, чаще на мѣсяцы, на недѣли, на дни и часы, на всю жизнь никогда? Будто всякій мужчина испытываетъ то, что называется любовью, къ каждой красивой женщинѣ и менѣе всего къ своей женѣ? Будто такъ всегда было и есть на свѣтѣ, да и не можетъ быть иначе? Правда ли, будто тутъ совсѣмъ напрасно предполагается любовь идеальная, возвышенная, духовная, а на практикѣ любовь есть нѣчто мерзкое, увы! даже свиное, про которое, увы! и говорить и вспоминать мерзко и стыдно? Правда ли, что всѣ супруги нисколько не думаютъ о взаимной духовной жизни, не берегутъ даже и физической? Что ненависть между мужемъ и женою—дѣйствительно нормальное между ними отношеніе, обнаруживающееся всегда при прекращеніи чувственности? Что эта будто бы всегдашняя и неизбѣжная ненависть между супругами—есть не иное что, какъ взаимная ненависть сообщниковъ преступленія, т. е. брачнаго сожитія, и за подстрекательство и за участіе въ преступленіи? Будто брачное сожитіе есть не иное что, какъ убійство, и такъ-то всѣ убиваютъ другъ друга, всѣ, всѣ? И эта ненависть царитъ во всѣхъ супружествахъ? Правда ли, что всѣ мужья, живущіе на такихъ условіяхъ брака, должны или

распутничать, или разойтись, или убить самихъ себя, или своихъ женъ?

Отвѣчайте, правда ли, будто любовь между женихомъ и невѣстой, между мужемъ и женой есть пакость, во имя которой мужчина губитъ половину рода человѣческаго, да и все человѣчество? Будто всѣми раздѣляется взглядъ, что женщина существуетъ для наслажденія мужчины? Правда ли, что вся поэзія, вся живопись, вся скульптура, начиная съ Пушкина, есть гадость? Будто вздоръ, неправду говорятъ, что музыка дѣйствуетъ возвышающимъ душу образомъ? Будто самыя высокія музыкальныя творенія нельзя дозволять къ исполненію въ общественныхъ собраніяхъ, такъ какъ и тѣ дѣйствуютъ страшно, дѣйствуютъ ужасно, раздражающимъ образомъ.

Правда ли, будто всѣ безъ исключенія женщины обезпеченныхъ классовъ воспитываются такъ, какъ того требуетъ положеніе женщины въ нашемъ обществѣ, т. е. смолоду женщина обучается только тому, чѣмъ она можетъ увеличить свою привлекательность? Будто всякія, какія бы то ни было воспитанія имѣютъ въ виду только плѣненіе мужчинъ? Будто къ одной этой цѣли направляются и музыкальное искусство, и ученость, и даже гражданская доблесть женщинъ? Будто у всѣхъ ихъ цѣль одна, и не можетъ быть не одна, потому будто другой и нѣтъ, цѣль прельстить мужчину, чтобы овладѣть имъ? Будто никакое воспитаніе, никакое образованіе не можетъ измѣнить этого до тѣхъ поръ, пока идеалъ женщины будетъ бракъ? Другихъ въ этомъ направленіи—правда ли? по ихъ рѣзкости у Толстаго, не ставимъ. Правда ли, будто полицейскимъ порядкомъ слѣдуетъ запретить такіе нарушающіе общественное спокойствіе поступки, какъ тѣ украшенія своего тѣла, которыя допускаются женщинами?

Правда ли, будто новый источникъ вражды супруговъ, взаимная ревность, страшная, ужасная ревность, есть общій удѣлъ супружествъ? Будто и не можетъ не быть эта ревность между супругами, живущими безнравственно, т. е. въ брачномъ сожитіи? Правда ли, будто и дѣти не скрѣпляютъ брачныхъ союзовъ, напротивъ, составляютъ для родителей мученіе? Будто дѣти для женщинъ обезпеченныхъ классовъ составляютъ не радость, не исполненіе требованія природы, а вѣчный страхъ, тревогу, непрестающее страданіе, непрестающую казнь? Будто матери даже боятся полюбить своихъ дѣтей? Будто всѣ матери погружены только въ животное материнское чувство? Будто вся семейная жизнь постоянно отравляется страхомъ за дѣтей, дѣйствительными или только воображаемыми опасностями? Будто жизнь отцовъ со всѣми интересами, всегда виситъ на волоскѣ и зависитъ отъ состоянія дѣтей? Будто большимъ въ наше время жить уже нельзя, семейной жизни супруговъ нѣтъ? Будто изъ-за дѣтей семейная жизнь превратилась въ отчаянное положеніе, въ которомъ безпрерывно спасаются отъ гибели, какъ на гибнущемъ кораблѣ?

Думаю, немного найдется такихъ, которые отвѣтили бы на поставленные вопросы, на общія рѣзкія положенія графа Толстаго: да, такъ, это правда. Все это крайнее преувеличеніе, все это ложь и клевета даже на высшій интеллигентный кругъ, не говоря о многихъ милліонахъ средняго и низшаго круговъ, гдѣ нравы тверже и проще, гдѣ вѣры въ Бога больше, какъ и вѣрности закону христіанскому. Можно ли оправдать Толстаго въ этихъ преувеличеніяхъ, лжахъ и клеветахъ художественными цѣлями? Бываетъ, что художники, поэты въ эпопеяхъ и романахъ, что называется, сгущаютъ краски, чтобъ картина вышла рельефнѣе. Но у Толстаго не то. Пусть онъ и нашелъ въ образованномъ обществѣ человѣка крайне искаженнаго, со взглядами крайне

искривленными. Но Толстой пишетъ не романъ. Онъ выставляетъ дѣло такъ, что беретъ живаго человѣка изъ живаго общества. Правдиво рисуемую жизнь этого человѣка онъ беретъ только за канву, въ которую вставляетъ множество общихъ положеній, множество общихъ утвержденій о состояніи самаго общества. У него гораздо больше общихъ разсужденій, чѣмъ частныхъ дѣйствій выведенныхъ имъ лицъ. Его новое измышленіе скорѣе слѣдуетъ назвать разсужденіемъ и проповѣдью, чѣмъ повѣстью или романомъ. Да для романа его измышленіе и слишкомъ коротко. Да и для повѣсти въ немъ слишкомъ мало дѣйствія. Его герой больше разсуждаетъ и поучаетъ, чѣмъ дѣйствуетъ. Все онъ пріурочиваетъ къ одной цѣли, направляетъ къ утвержденію излюбленной своей темы, что бракъ есть скверна, убійство и самоубійство; что не слѣдуетъ ни жениться, ни любить; а слѣдуетъ человѣчеству перестать растится и множитися и наконецъ жить. Толстой, поучаетъ, проповѣдуетъ, толкуетъ въ своемъ смыслѣ евангеліе, евангелизуетъ. Какъ-же въ такомъ случаѣ основывать свои выводы на очевидныхъ преувеличеніяхъ и натяжкахъ, на клеветахъ самыхъ оскорбительныхъ и лжахъ самаго возмутительнаго свойства: „мужчины нашего міра содержатся и кормятся, какъ с—е ж—цы... У женщинъ нѣтъ чувства сильнѣе животной потребности всякой с—и привлекать къ себѣ какъ можно больше с—цовъ“?! Какъ-же и кому-же можно доказать подобными посылками, что человѣчеству не стоитъ жить и что его благо состоитъ въ конечномъ прекращеніи плотской любви и въ самоистребленіи?!

И не клевета ли, не позорнѣйшая-ли для самаго клеветника клевета, *будто такое ученіе о самоуничтоженіи человѣчества, о прекращеніи размноженія человѣческаго рода, о брачномъ сожитіи, какъ разватъ, будто это*

есть ученіе Христово, ученіе евангельское, ученіе истиннаго христіанства?

Должны-ли мы, въ угоду графу Льву Толстому, забыть, что въ размноженіи человѣческаго рода христіанство видитъ первое и коренное благословеніе Божіе человѣку; что первоначально *сотворивъ человѣка по образу Божію, Богъ сотворилъ мужа и жену, и благословилъ ихъ, глаголя: раститеся и множитеся, и наполняйте землю, и господствуйте ею* (Быт. I, 27—28)? Должны-ли мы забыть, что при первомъ воззрѣніи первозданнаго человѣка на новосозданную жену, въ немъ неодолимо оказалось чувство ближайшей тѣснѣйшей привязанности къ ней и всеувлекающей всепоглощающей любви: *„се нынѣ кость отъ костей моихъ, и плоть отъ плоти моея. Сего ради оставитъ человѣкъ отца своего и матерь, и прильпится къ женѣ своей, и будетъ два въ плоть едину* (Быт. 2, 24)? Замѣчательно, что Христосъ Спаситель, касаясь этого изреченія книги Бытія, толкуя, усиливаетъ его значеніе. *Нѣсте-ли чли* (не читали-ль вы), *яко сотворивый искони мужескій и женскій полъ сотворилъ я есть*, — что Творецъ спервоначала сотворилъ не одного человѣка, но два пола (двѣ половины), мужескій полъ и женскій, мужа и жену. *И рече.* Кто рече? Самъ Богъ Творецъ. Это приговоръ Божій, приговоръ творческій: *сего ради оставитъ человѣкъ отца своего и матерь и прильпится къ женѣ своей, и будутъ оба въ плоть едину. Яко-же ктому* — присовокупляетъ Господь Іисусъ, усиливая творческій приговоръ — *ктому нѣста два, но плоть едина.* И еще присовокупляетъ, еще больше усиливая первоначальный творческій приговоръ: *еже убо Богъ сочета, человѣкъ да не разлучаетъ.* Еже убо Богъ сочета, — скажемъ мы, — Толстой да не разлучаетъ. Іисусъ Христосъ учитъ: мужъ и жена будутъ и суть и да будутъ плоть едина; а Толстой утверждаетъ: да не будутъ, потому якобы

брачное сожитіе — развратъ, убійство, и прочіе хульные глаголы.

Замѣчательно, что эти божественныя истины изрекаетъ Господь Іисусъ Христосъ въ томъ-же чтеніи Евангелія (Мат. 19, 3—12), гдѣ помѣщено и характерное изреченіе: *могій вмѣстити да вмѣститъ.* Ученики Господа Іисуса, смотря на легкость союза и развода мужа съ женою съ еврейской точки зрѣнія, искаженной еврейскою жестокостью нравовъ, возражаютъ Господу, что если человѣкъ такъ связанъ съ женою, то лучше совсѣмъ не жениться. Такъ и Толстой учитъ, что если въ бракѣ такъ много злоключеній, если мужья законами и обычаями такъ связаны съ женами, то лучше совсѣмъ не жениться. На это Господь Іисусъ и не помыслилъ отвѣтить: да, лучше. Нѣтъ. Онъ отвѣтствуетъ: *не вси вмѣщатъ словеси сего, но имъ же дано есть.* Это особый даръ благодати Божіей, и даръ рѣдкій, даръ для достиженія высшаго евангельскаго совершенства. *Могій вмѣстити да вмѣститъ.* Всѣ-же прочіе, которые не могутъ вмѣстить сего высшаго дара, пусть живутъ, какъ Богъ благословилъ изначала: *раститеся и множитеся. Нѣстели чли,* — подтверждаетъ это самъ Господь Іисусъ, — *яко сотворивый искони мужескій полъ и женскій сотворилъ я есть, и сотворивъ рече: сего ради оставитъ человѣкъ отца своего и матерь, и прилѣпится къ женѣ своей и будутъ оба въ плоть едину. Якоже ктому нѣста два, но плоть едина: еже убо Богъ сочета, человѣкъ да не разлучаетъ. А могій вмѣстити* и дѣвство *да вмѣститъ,* это высшій Божій даръ.

И замѣчательно, что въ евангеліи Матѳея, конечно, по вѣянію Духа Божія, все это повѣствованіе стоитъ въ неразрывной связи съ повѣствованіемъ о благословеніи Господомъ Іисусомъ дѣтей, такъ что неразрывно за изреченіемъ Господа: *могій вмѣстити да вмѣститъ,* сряду-же слѣдуетъ по-

вѣствованіе: *тогда* (всѣдъ за этимъ) *приведоша къ нему дѣтей, да руцѣ возложитъ на нихъ, и помолится о нихъ*,—дѣтей, по Толстому, этотъ продуктъ пресыщенной чувственности, продуктъ паденія въ плотскую похоть, продуктъ безнравственнаго брачнаго сожитія, продуктъ супружескаго разврата. Конечно, ученики Господни, св. апостолы стояли не на толстовской точкѣ зрѣнія, не видѣли въ дѣтяхъ порожденіе разврата; тѣмъ не менѣе полагали, что не должно изъ-за малыхъ дѣтей отвлекать Господа Іисуса отъ Его возвышеннѣйшаго дѣла, отъ высочайшаго ученія, которое Онъ въ эту минуту преподавалъ, о сравнительномъ значеніи, обязанности и возможности брака и безбрачія. *Ученицы запрещаху* приносящимъ дѣтей. Что-же Господь, высочайшая чистота? Также оттолкнулъ дѣтей, какъ и родителей, и отвернулся отъ тѣхъ и другихъ, какъ нечистыхъ? Нѣтъ, поступилъ какъ разъ наоборотъ. *Іисусъ-же рече имъ: оставьте дѣтей, и не возбраняйте имъ пріити ко мнѣ таковыхъ бо есть царствіе небесное. И обнявъ ихъ, и возложивъ руки на нихъ, и благословивъ ихъ* (Матѳ. 19, 13—15). Гдѣ тутъ хотя-бы тѣнь дикой толстовской мысли, что дѣти—несчастіе, дѣти мученіе, дѣти порожденіе разврата, дѣти проклятіе семейной жизни, вѣчно спасающейся отъ этого бѣдствія, какъ на гибнущемъ кораблѣ?!

Ужели-же Господь Іисусъ Христосъ не хотѣлъ, чтобы всѣ люди достигали высшаго евангельскаго совершенства, а во всей совокупности сего совершенства достигали и высшей чистоты сердца, высшаго нравственнаго цѣломудрія? Да, Господь Іисусъ безпредѣльно мудрѣе всякаго мудреца, будь это самъ графъ Левъ Толстой, и смотритъ на домостроительство человѣческаго спасенія безпредѣльно глубже и всеобъятнѣе. Хотѣлъ и хочетъ Господь нашъ, чтобы мы были совершенны даже такъ, *якоже отецъ небесный совершенъ есть*. И это не праздное слово въ устахъ Господа. Это цѣль наша,

наше назначеніе и призваніе: когда станемъ совершенны, яко-же Отецъ нашъ совершенъ, тогда и остановимся. Но это будетъ на концѣ вѣчности... А до тѣхъ поръ мы неустанно должны стремиться впередъ, задняя забывая, въ предняя-же простираясь. Но никакъ не помышлялъ Господь, что мы въ продолженіи уже нашей земной жизни станемъ совершенны въ полную мѣру совершенствъ Отца нашего небеснаго. Этотъ общій взглядъ нужно навести и на прочія евангельскія совершенства. Хотѣлъ Господь Іисусъ, чтобы всѣ люди были воздержны; но никакъ не помышлялъ о томъ, что всѣ люди перестанутъ ѣсть и пить. Хотѣлъ, чтобы всѣ были нестяжательны, чтобы искали прежде царствія Божія, но чтобъ искали царствія Божія только прежде достиженія житейскихъ попеченій. А вовсе не помышлялъ о томъ, да и не училъ, и не желалъ, чтобы всѣ люди перестали устроять свое житейское благополучіе, снискивать себѣ и просить у Бога хлѣбъ нашъ насущный и все для жизни существенно необходимое, чтобы перестали вообще трудиться и, трудясь, упражнять себя въ добродѣтели. Подобнымъ-же образомъ хотѣлъ Господь Іисусъ, чтобы всѣ были и цѣломудренны, воздержательны, не сладострастны, не скотоподобны. Но хотѣлъ-ли Онъ, чтобы люди вовсе перестали женитися и посягати? Хотѣлъ-ли, чтобы тѣмъ самымъ прекратился родъ человѣческій? Не вѣдалъ-ли Онъ, что люди, не женясь, ни посягая, будутъ жить только на небесахъ, гдѣ такъ живутъ Ангелы Божіи, какъ и всѣ небожители? Не освятилъ-ли Онъ своимъ присутствіемъ и участіемъ въ празднествѣ бракъ въ Канѣ Галилейской? Не ознаменовалъ-ли его святость совершеніемъ на немъ даже перваго своего чуда? По толстовскому евангелію, бракъ—развратъ, паденіе, позоръ, убійство; а Господь Іисусъ освящаетъ бракосочетаніе не только своимъ соприсутствіемъ на немъ, но и первымъ своимъ чудомъ. Имѣлъ-ли Онъ какую либо цѣль, совершая на бракѣ въ Канѣ свое

первое чудо, или не имѣлъ, или-же поступилъ безцѣльно, не подумавши и случайно-же, не подумавши, освятилъ развратъ? Но кое общеніе Христови съ Веліаромъ, съ Веліаромъ нашего времени?! Кое общеніе свѣту евангелія Христова ко тьмѣ евангелія толстовскаго?!

Всѣ тонкости поставленнаго Веліаромъ Толстымъ вопроса о бракѣ, о дѣторожденіи, о женскомъ домашнемъ строеніи, о внѣшнихъ украшеніяхъ, съ истинно Христовой, евангельской, христіанской точки зрѣнія, въ высшей степени обстоятельно разъясняетъ св. апостолъ Павелъ. Кто нуждается въ просвѣщеніи своей мысли, въ утвержденіи своей колеблющейся совѣсти, вчитывайтесь особенно въ 6 и 7 главы перваго посланія апостола Павла къ Коринѳянамъ. „Все мнѣ позволительно“, — учитъ св. апостолъ, — „но не все полезно. Все мнѣ позволительно, но ничто не должно обладать мною. Тѣло не для блуда, но для Господа. Развѣ не знаете, что тѣла ваши суть члены Христовы? Итакъ отниму-ли члены у Христа, чтобы сдѣлать ихъ членами блудницы? Да не будетъ! Или не знаете, что совокупляющійся съ блудницею становится одно тѣло съ нею? Ибо сказано: два будутъ одна плоть. А соединяющійся съ Господомъ есть одинъ духъ съ Господомъ. Бѣгайте блуда: всякій грѣхъ, какой дѣлаетъ человѣкъ, есть внѣ тѣла; а блудникъ грѣшитъ противъ собственнаго тѣла. Не знаете-ли, что тѣла ваши суть храмъ живущаго въ васъ Святаго Духа, котораго имѣете вы отъ Бога, и вы не свои? Ибо вы куплены дорогою цѣною. Посему прославляйте Бога и въ тѣлахъ вашихъ, и въ душахъ вашихъ, которыя суть Божіи. *А о чемъ вы* (Коринѳяне) *писали ко мнѣ, то хорошо человѣку не касаться женщины*“. Значитъ, и въ Коринѳѣ въ пору св. апостола Павла ставили уже, только не съ толстовской шопенгауеро-гартмановской, а съ такъ называемой гностической точки зрѣнія, какъ разъ тотъ самый вопросъ, который ставитъ графъ Левъ Толстой.

Св. апостолъ Павелъ, на вопросъ Коринѳянъ, отвѣтствуетъ вообще, что „*хорошо человѣку не касаться женщины*“. Но какъ, при какихъ условіяхъ, предостереженіяхъ и ограниченіяхъ? „Но“,—отвѣтствуетъ богомудрый апостолъ, —„во избѣжаніе блуда, каждый имѣй свою жену, и каждая имѣй своего мужа“. А въ брачномъ сожитіи какъ должны вести себя мужъ и жена? — „Мужъ“, — поучаетъ богомудрый апостолъ,—„оказывай женѣ должное благорасположеніе; подобно и жена мужу“. Отъ разсуждающаго о томъ предметѣ Толстаго только и слышимъ: „плотская любовь, чувственное пресыщеніе, взаимное оскверненіе, мерзость, гадость, пакость“... Не такъ поучаетъ богомудрый апостолъ. —„Жена не властна надъ своимъ тѣломъ, но мужъ; равно и мужъ не властенъ надъ своимъ тѣломъ, но жена. *Не уклоняйтесь другъ отъ друга, развѣ по согласію, на время, для упражненія въ постъ и молитвѣ, а потомъ опять будьте вмѣстѣ, чтобы не искушалъ васъ сатана невоздержаніемъ вашимъ.* Впрочемъ сіе сказано мною, *какъ позволеніе, а не какъ повелѣніе.* Ибо желаю, чтобы всѣ люди были, какъ и я (дѣвственникъ); но каждый имѣетъ *свое дарованіе отъ Бога*, одинъ такъ, другой иначе“. Значитъ, и дарованіе къ супружеской жизни проистекаетъ такъ же отъ Бога, какъ и къ житію дѣвственному. Относительно дѣвства, со стороны св. апостола это слово есть какъ разъ напоминаніе слова Христова: *не вси вмѣщаютъ словесе сего* (дѣвства), *но имже дано есть* (отъ Бога), *моій вмѣстити да вмѣститъ*. „Безбрачнымъ-же и вдовамъ говорю“, — продолжаетъ св. апостолъ, — „хорошо имъ оставаться, какъ я (въ дѣвствѣ и безбрачіи). *Но если не могутъ воздержатися, пусть вступаютъ въ бракъ; ибо лучше вступить въ бракъ, нежели* разжигатися. „*Лучше женитися, нежели разжизатися*“... Въ этомъ смыслѣ семейная жизнь признается и называется школою цѣломудрія: *лучше женити-*

ся, нежели разжизатися... „Соединенъ-ли ты съ женою, —продолжаетъ апостолъ,—не ищи развода. Остался-ли безъ жены, не ищи жены. *Впрочемъ, если и женишься, не согрѣшишь. И если дѣвица выйдетъ замужъ, не согрѣшитъ.* Говорю это для вашей-же пользы, не съ тѣмъ, чтобы наложить на васъ узы, но чтобы вы благочинно и непрестанно служили Господу. Неженатый заботится о Господнемъ, какъ угодить Господу, а женатый заботится о мірскомъ, какъ угодить женѣ. Есть также разность между замужнею и дѣвицею. Незамужняя заботится о Господнемъ, какъ угодить Господу, чтобы быть святою и тѣломъ и духомъ; а замужняя заботится о мірскомъ, какъ угодить мужу. Если-же *кто почитаетъ неприличнымъ для своей дѣвицы то, чтобы она, будучи въ зрѣломъ возрастѣ, оставалась такъ, то пусть дѣлаетъ, какъ хочетъ,—не согрѣшаетъ:* пусть таковыя выходятъ замужъ. Но кто, не будучи стѣсняемъ нуждою, рѣшился въ сердцѣ своемъ соблюдать свою дѣву (въ дѣвствѣ), тотъ хорошо поступаетъ. *Выдающій замужъ свою дѣвицу поступаетъ хорошо; а не выдающій поступаетъ лучше.* Жена связана съ мужемъ закономъ, доколѣ живъ мужъ ея; если-же мужъ ея умретъ, свободна выйти, за кого хочетъ, только о Господѣ. Но она блаженнѣе, если останется такъ, по моему совѣту. А думаю, и я имѣю Духа Божія". Ученику своему Тимоѳею св. апостолъ Павелъ внушаетъ „почитать вдовицъ истинныхъ, зрѣлыхъ возрастомъ, которыя на Бога надѣются и пребываютъ въ моленіяхъ и молитвахъ день и ночь, которыя извѣстны по добрымъ дѣламъ, если она воспитала дѣтей, принимала странниковъ, умывала ноги святымъ, помогала бѣдствующимъ и была усердна ко всякому доброму дѣлу". Относительно-же молодыхъ вдовицъ св. апостолъ Павелъ „желаетъ, чтобъ онѣ *вступали въ бракъ, рождали дѣтей*, управляли домомъ и не подавали противникамъ никакого повода къ злорѣчію" (1 Тим. 5, 3—14).

Въ рожденіи дѣтей святый апостолъ указывалъ естественное призваніе женщины и заслугу ея предъ Богомъ. *Спасется жена ради чадородія*,—учитъ св. Павелъ (I Тим. 2, 1—15),—*если* при этомъ *пребудетъ въ вѣрѣ* и вѣрности, *и въ любви, и въ святости съ цѣломудріемъ*. Спасется жена никакъ не громкимъ учительствомъ и ученостью, не отправленіемъ гражданскихъ должностей и не гражданскими доблестями, а тихимъ, святымъ и цѣломудреннымъ исполненіемъ природнаго призванія женщины—быть христіанскою матерью. Женѣ св. апостолъ Павелъ учительствовать запрещаетъ, властвовать надъ мужемъ запрещаетъ, повелѣвая ей и учиться со всякою покорностію и пребывать въ безмолвіи.

По Веліару-Толстому, ненависть—нормальное отношеніе между супругами, и это будто бы не можетъ быть иначе, вслѣдствіе соучастія въ оскверненіи. По христіанскому же ученію это далеко не такъ. Св. апостолъ Павелъ объ этомъ поучаетъ такъ: „во имя Господа нашего Іисуса Христа, повинуйтесь другъ другу въ страхѣ Божіемъ. Жены повинуйтеся своимъ мужьямъ, какъ Господу, потому что мужъ есть глава жены. А мужья любите своихъ женъ, какъ Христосъ возлюбилъ церковь. *Любить своихъ женъ мужья должны такъ, какъ свои тѣла; любящій свою жену, себя самаго любитъ. Ибо никто никогда не имѣетъ ненависти къ своей плоти, но питаетъ и грѣетъ ее.* Посему оставитъ человѣкъ отца своего и мать, и прилѣпится къ женѣ своей, и будутъ двое одна плоть. Тайна сія велика“ (Ефес. 5, 20—32).

Вообще христіанство,—нельзя сказать,—благословляетъ, но допускаетъ всѣ здравыя естественно-человѣческія чувства, стараясь ихъ возвысить до духовности, утончить до совершенства, и въ высшемъ законоправномъ, сообразномъ съ творческими цѣлями направленіи, благословляя ихъ и освящая. Въ этомъ отношеніи половая и семейная любовь никакъ не составляетъ исключенія, любовь жениха къ невѣстѣ и об-

ратно, любовь мужа къ женѣ, родителей къ дѣтямъ и взаимно дѣтей къ родителямъ. Естественна животная сторона даже въ привязанности дѣтей къ родителямъ. Тѣмъ не менѣе эта привязанность есть заповѣдь Божія, заповѣдь Творца человѣческой, животно-духовной природы. А богооткровенный законъ Божій имѣетъ задачею только возвысить дѣтскую привязанность отъ естественно-животнаго влеченія до сознательно-духовнаго человѣческаго чувства почтенія къ родителямъ: *чти отца твоего и матерь твою*. Также относится законъ Божій и къ плотской любви. Въ человѣкѣ она никогда не можетъ быть чисто животнымъ чувствомъ, безъ всякой примѣси естественнаго или извращеннаго душевнаго влеченія. Но христіанство хочетъ возвысить ее такъ, чтобъ она была нормальнымъ сознательно душевнымъ, или даже духовнымъ влеченіемъ, и въ этихъ видахъ призываетъ на нее благословеніе Божіе. Въ этомъ смыслѣ христіанство допускаетъ и поэзію, и скульптуру, и живопись, и музыку, какъ и всякія изящныя искусства, всякія украшенія жилищъ, украшенія одеждами и т. д. Не говоримъ уже о поэзіи, музыкѣ, живописи, которыя направлены къ прославленію имени Божія, къ выраженію чистѣйшихъ чувствъ высокаго, благоговѣйнаго, безупречно-прекраснаго. Говоримъ въ частности о поэзіи, музыкѣ, живописи, которыя изображаютъ въ поэтическихъ одухотворенныхъ образахъ человѣческую любовь, человѣческую красоту, внѣшнія украшенія одеждами, убранство храмовъ, домовъ и т. п. Что можно сказать, съ христіанской точки зрѣнія, противъ патріархальной картины раба Авраамова Эліезера, который встрѣчаетъ у колодца юную красоту—Ревекку, будущую невѣсту Исаака, или противъ картины бѣлокудраго Давида, въ бѣломъ тонкомъ хитонѣ, съ восторженнымъ благоговѣніемъ пляшущаго предъ ковчегомъ завѣта, или-же противъ образа доброй взоромъ жены грѣшницы, мажущей мvромъ, обливающей слезами и отирающей

своими волосами пречистыя ноги Спасителя? Или-же противъ прекрасныхъ одухотворенныхъ образовъ мученицъ Варвары, Екатерины, Александры, пышно одѣтыхъ и добрыхъ видомъ зѣло, когда извѣстно, что онѣ были и прекрасны и не могли одѣваться иначе, какъ пышно, по приличію своего высокаго положенія, или даже царственнаго сана? Почему и св. апостолъ Павелъ вовсе не воспрещаетъ, а скорѣе повелѣваетъ женщинамъ украшать себя, только украшать себя украшеніями благоприличными. *Жены,* —наставляетъ онъ (I Тим. 2, 9—10), — *во украшеніи лѣпотномъ* (приличномъ), *со стыдѣніемъ и цѣломудріемъ да украшаютъ себе*, но только безъ излишествъ, полагая свою красоту *не въ плетеніяхъ волосъ, не въ золотѣ, ни жемчугѣ, ни въ платьяхъ многоцѣнныхъ, но въ дѣлахъ благихъ, какъ прилично женамъ, посвящающимъ себя благочестію.* Что можно-бы сказать противъ картины или статуи благолѣпно украшеннаго царственнаго красавца св. Александра Невскаго? Или противъ картины царственнаго семейства Императора Николая I, у котораго въ семьѣ одна красота превосходила другую, начиная съ очаровательной дѣвственной красоты царственнаго отрока, сына первенца и наслѣдника Александра Николаевича, продолжая рѣдкою замѣчательною красотою его августѣйшихъ сестеръ Маріи Николаевны, Ольги Николаевны, Александры Николаевны? Извѣстно, что одна поэма, въ которой воспѣвается одухотворенная любовь, содержится даже въ священномъ канонѣ. Извѣстно, что св. отцы не только сами читали языческихъ классическихъ поэтовъ, но внушали и другимъ читать ихъ, только подъ условіемъ, чтобы все въ нихъ искушать и доброе держать. Не видимъ-ли мы трогательнѣйшихъ поэтическихъ образовъ любви, вѣрности, самоотверженія въ соотношеніяхъ двухъ половъ даже у Гомера и Виргилія, еще больше у Шекспира и Вальтеръ Скотта, у Шиллера и Гете, у Диккенса и Теккерея, у нашихъ Пуш-

кина (Капитанская дочка) и Гоголя (Старосвѣтскіе помѣщики), Тургенева (Дворянское гнѣздо) и Достоевскаго (Преступленіе и наказаніе и проч.), и, наконецъ, у Маркевича (Двадцать пять лѣтъ назадъ...)?

Чтожъ это такое читаемъ мы у препрославленнаго генія графа Льва Толстаго? Читаемъ полное отрицаніе „всей," буквально „всей" поэзіи, скульптуры, живописи, музыки, „начиная съ Пушкина" и серьезнѣйшаго изъ музыкальныхъ творцовъ Бетховена! Хочетъ онъ, чтобы человѣчество отвергло съ Пушкинымъ всѣхъ міровыхъ поэтовъ, Вальтеръ Скотта, Гете, Шекспира, а конечно и древняго Гомера. Да Гомера, съ его Менелаемъ и Еленою, онъ и мажетъ. Хочетъ онъ, чтобы человѣчество, вмѣсто шекспировскихъ или гетевскихъ, приняло его толстовскіе, истинно толстовскіе, грубые, животные, скотскіе, звѣрскіе идеалы. *Звѣрь, грубѣйшій чувственникъ, животное, трусъ, слабодушно безсильный подумать о самоубійствѣ, когда оно смыло-бы съ лица земли его позоръ, въ тоже время изъ-за подлаго подозрѣнія, въ утоленіе только своей давно накипѣвшей злобы, подло съ мученіями, разсчитанно убивающій свою жену, мать на глазахъ дѣтей, и тутъ еще разсчитывающій, что она передъ нимъ покается въ несодѣянномъ грѣхѣ, когда ему самому слѣдовало бы ползать передъ нею въ прахѣ, моля ее о прощеніи предъ Богомъ за причиненное ей непоправимое зло, — это отвращеніе у Толстаго — толковникъ евангелія, вселенскій проповѣдникъ безбожному человѣчеству новой буддійской религіи, толстовскій апостолъ, глашатай новаго неслыханнаго толстовскаго евангелія о безнравственности законнаго брачнаго сожитія, о пошлости воспѣваемой всѣми живыми Божіими тварями, какъ и всѣмъ человѣчествомъ, любви, о необходимости ея окончательнаго искорененія, объ истинномъ*

благъ человѣка въ самоуничтоженіи всего человѣческаго рода! Не сумасшествіе-ли?!

Печальный-ли, отрадный-ли признакъ для русскаго народа появленіе въ его средѣ такого юрода, какъ Левъ Толстой, юрода-мыслителя, писателя, проповѣдника, скептика, циника, разрушителя, отрицателя не только всякихъ святоотеческихъ преданій, не только всякой культуры и цивилизаціи, какъ продукта насилія и разврата, но и всякой поэзіи, отрицателя жизни не только своего круга, но и всего человѣчества? Отраднаго тутъ не много, если судить по исторической аналогіи. Появленіе въ Греціи и Римѣ мыслителей и поэтовъ скептиковъ и циниковъ, которые надъ всѣмъ смѣялись, все отрицали, ни на чемъ не могли утвердить свою мысль и совѣсть, было роковымъ предвѣстіемъ паденія всего древле-языческаго духа, да и носителя его, древле-языческаго человѣчества. Въ этомъ отношеніи появленіе одного скептика поэта Лукреція было уже роковымъ признакомъ. Но онъ былъ и не одинъ, а стоялъ во главѣ множества другихъ разрушителей отечественныхъ преданій. Такъ и нашъ Толстой. Онъ глава многихъ подобныхъ же скептиковъ разрушителей. Ему кланяются тысячи нашихъ интеллигентовъ. Его творенія навязываются, да и нравятся сотнямъ тысячъ даже въ низшихъ кругахъ, нравятся и въ высшихъ кругахъ, отъ которыхъ слѣдовало бы ждать гораздо больше предусмотрительности и осторожности... Печально и опасно... Теперь вотъ не опомнятся-ли его поклонники, когда увидятъ до какихъ абсурдовъ дошелъ ихъ геніальный учитель въ своихъ отрицаніяхъ? Онъ отрицаетъ и науку, по крайней мѣрѣ, для женщинъ, и „всю поэзію“, музыку и все и все достопоклоняемое у его поклонниковъ, и любовь, и брачное сожитіе, и самую жизнь, какъ презрѣнный продуктъ разврата, животности, скотства, гадости, пакости... Можно утѣшать себя, при видѣ этого роковаго знаменія, тѣмъ, что у насъ,

въ русской средѣ, оно наплывное, наносное, навѣянное историческими вѣтрами. Все антинародное, не русское дворянское образованіе, съ его невѣріемъ, съ его отрицаніями, все оно наносное на океанѣ русской жизни. Все оно снесется тѣми же вѣтрами, которые его и нанесли. Дно океана народной жизни, даже не дно, а вся среда народной жизни, кромѣ самаго поверхностнаго слоя, гонимаго вѣтрами въ видѣ волнъ и пѣны, все это—нужно надѣяться—не тронуто до самаго дна. Дастъ Богъ русская жизнь потечетъ по своему естественному наклону, по велѣнію судебъ. Тѣмъ не менѣе для круга, къ которому относитъ себя сіятельный графъ Толстой, этотъ роковой признакъ имѣетъ грозно внушительное значеніе.

Въ самомъ дѣлѣ, члены этого круга, вы теперь запоемъ читаете „Крейцерову Сонату“ Толстаго. Вы покланяетесь ему какъ геніальному вашему учителю, проповѣднику истиннаго, очищеннаго, освобожденнаго отъ суевѣрій христіанства. Подумайте въ самомъ дѣлѣ, не правду-ль онъ говоритъ собственно о вашемъ кругѣ? Если правду, то вѣдь это ужасно. То вѣдь вы сгнили до корней. Совсѣмъ превратились въ животныхъ. Вся ваша не только несемейная, но и семейная жизнь развратъ, многоженство и многомужество, —многоженство не честное—магометанское, а подлое, европейское,—убійство, самоубійство, адъ, всѣ женщины и дѣвы животныя с—и, всѣ мужчины с—е ж—цы. Религіи ни слѣда, вѣры ни тѣни, появленіе ваше, „тамъ“, т. е. въ храмахъ Божіихъ, не болѣе какъ кощунство, ни тѣни духовности, даже человѣчности, полное оскотѣніе... Толстой хочетъ поправить васъ посредствомъ буддизма, развить между вами религію погруженія въ нирвану, привить къ вамъ теорію счастья въ самоуничтоженіи, хоть-бы и посредствомъ самоубійства... Еще не довольно самоубійствъ! Хочетъ, по меньшей мѣрѣ, того, чтобъ вы завели у себя честное благородное магометанское

многоженство вмѣсто подлаго европейскаго, не видя въ великой своей мудрости, въ великомъ самоослѣпленіи, что женщина въ христіанскомъ мірѣ все-же болѣе или менѣе равноправна съ мужчиною, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ стоитъ даже выше, принимая отъ мужчинъ даже иногда, согласно ученію св. апостола Петра (I Петр. 3, 7), большую честь себѣ, какъ немощнѣйшему, болѣе нѣжному и хрупкому сосуду, а въ честномъ, по Толстому, магометанскомъ многоженствѣ женщина низведена въ значеніе вещи, которую покупаютъ и запираютъ, ни мало не спрашиваясь ея вкусовъ, хотѣній, влеченій, отвращеній, воплей, мукъ... Хочетъ Толстой, чтобъ и между нашими женщинами завелось наконецъ „честное“ же многомужество, желая возвратить насъ—куда-же? Не далѣе, какъ ко временамъ доисторической дикости... Однако-же утѣшиться можете и вы надеждою, что и въ вашей средѣ не все еще сгнило; что и въ вашей средѣ еще теплится вѣра въ Бога, у нѣкоторыхъ еще истинная и глубокая, у многихъ-же хотя легкая, вѣтрогонная... Вотъ не зная, не изучая своей святоотеческой, истинно-христіанской православной вѣры, не довольствуясь своею родною церковію, вы гонитесь по вѣтру моды, за Редстоками, Пашковыми и Толстыми, за очарователями Соловьевыми и піэтизмомъ папистовъ, искони враждебныхъ всему русскому, свято-отечественному. Въ вашемъ кругѣ измѣна свято-отеческому становится лозунгомъ времени, лозунгомъ свободно и широко провозглашаемымъ. Утѣшимся надеждою, что теплятся искры непотухшей вѣры даже въ сердцахъ, которыя тушатъ ихъ въ себѣ охотно и усердно, въ сердцахъ нашей золотой молодежи, нашихъ безбородыхъ научниковъ, нашихъ курсистокъ, нашихъ... цѣлыхъ стадъ веселыхъ людей, у которыхъ на знамени написано одно—два—три слова: „развлеченіе и наслажденіе! Лови, лови часы любви! Живи и жить давай другимъ“!—Будемъ надѣяться, что и этихъ

коснется когда-либо, какъ и касается видимо перстъ Божій, коснется не всегда, чтобы только казнить и умертвить, но и оживить и воскресить къ жалости о прошломъ, къ покаянію, къ жизни сокрушенной и очищенной. Вѣдь покаялся и разбойникъ на крестѣ. Предъ смертію и Чернышевскій жалѣлъ о прошломъ, и желалъ исповѣди и причащенія. Любопытно-бы дознать, жалѣлъ-ли о своемъ „*Что дѣлать?*“ И супруга его заказываетъ панихиды по своемъ супругѣ. Увы! Всему свое время. Время смѣяться, время плакать. Время грѣшить, время каяться и сокрушаться о прошлыхъ грѣхахъ. Почтимъ это горе, эти слезы. Господи, прости... Утѣшимся сознаніемъ, что новое толстовское измышленіе исполнено чудовищныхъ преувеличеній и клеветъ даже насчетъ интеллигентнаго дворянскаго круга.

А что эти клеветы неприложимы, въ самой большей своей части, къ среднему и низшему кругамъ, нужно-ль это доказывать? Нужно-ли доказывать, что въ этихъ кругахъ есть еще вѣра въ Бога, и преданность святоотеческой церкви, въ частности вѣра въ бракъ и крещеніе, какъ таинства; что брачущіеся въ церкви испрашиваютъ себѣ благословеніе Божіе на счастливую согласную жизнь; что въ крещеніи христіанскіе родители просятъ Отца небеснаго о принятіи ихъ дитяти въ свою отеческую любовь; что есть еще и супружеская вѣрность, и любовь между супругами и родительская любовь къ дѣтямъ? Нужно-ли доказывать, что есть еще въ этихъ кругахъ нормальная, законная христіанская, семейная жизнь? Я могу сказать даже, что еще наши очи видѣли идеальныя супружества. Недаромъ Господь изрекъ: *будутъ два плоть едина.* Недаромъ св. апостолъ Павелъ говоритъ: *бракъ есть великая тайна.* Да, тайна великая—особенно нормальный бракъ, когда непочатая невинность сочетавается съ непочатою же невинностью. Сказано въ приговорѣ Божіемъ первой женѣ: *къ мужу твоему*

обращеніе твое, и той тобою обладати будетъ. У апостола сказано: *жена да боится своего мужа.* И не видимъ ли часто у женъ, которыя почти всегда приносятъ въ бракъ свою невинность, не видимъ-ли просто какого-то физіологическаго, но любовнаго страха къ своимъ обладателямъ мужьямъ? На всѣ вещи она смотритъ не иначе, какъ глазами мужа. О какомъ-либо ложномъ шагѣ она и помыслить не можетъ. Эти явленія очень часты. Поразительнѣе то, что еще наши очи видѣли женскую скромность и стыдливость, при которой невозможны никакія рѣчи легкаго тона. Онѣ вызовутъ страданіе. Не видимъ-ли и того явленія, что въ свою очередь мужья, даже съ недостатками люди, положительно буквально благоговѣютъ предъ своими женами, благоговѣютъ въ нихъ, конечно, не предъ *внѣшнимъ плетеніемъ волосъ, не предъ золотыми уборами или нарядностію въ одеждѣ*, но,—какъ многознаменательно наставляетъ св. первоверховный апостолъ Петръ (1 Петр. 3, 2—4),—*но предъ сокровеннымъ сердца человѣкомъ, сіяющимъ въ нетлѣнной красотѣ кроткаго и молчаливаго духа жены, что предъ Богомъ многоцѣнно, видя всегда чистое богобоязненное житіе своихъ женъ?* При чемъ жена властвуетъ надъ мужемъ не чувственностію, а своею внутреннею привлекательностію, чистотою, стойкостью и самоотверженіемъ своей христіанской души. Еще поразительнѣе, когда мужъ и жена, не только тѣлами, но и душами сливаются въ одного человѣка, когда становятся похожи другъ на друга и лицами, какъ братъ и сестра, такъ что видящіе ихъ нерѣдко ошибаются. Еще наши очи видѣли подобные примѣры *).

*) На дняхъ объявлено въ газетахъ: физіологи предполагаютъ, что супруги, достигши извѣстнаго возраста, послѣ сожительства цѣлаго ряда лѣтъ, имѣя общія идеи, питая симпатіи другъ къ другу и живя въ однихъ и тѣхъ же условіяхъ, кончаютъ тѣмъ, что *становятся похожими другъ на друга.* Женевское фотографическое общество, желая провѣрить, насколько основательно подобное предположеніе, сняло фотографіи съ 78 паръ. Въ результатѣ оказалось, что *въ 24 случаяхъ сходство между мужемъ и женой больше, нежели между братомъ и сестрой, а въ 30 случаяхъ супруги походили другъ на друга, какъ братъ и сестра.* («Одесскій Листокъ» 1890 № 172).

Видѣли и то, что подобныя супружества неразрываемы: умеръ одинъ супругъ, не можетъ жить и другой, умретъ и тотъ, и умираетъ. Все это очень можно нерѣдко видѣть, особенно въ супружествахъ священниковъ, гдѣ и натуры супруговъ чище, цѣльнѣе, цѣломудреннѣе, гдѣ и нужда супругамъ беречь другъ друга гораздо ощутительнѣе и настойчивѣе, чѣмъ въ другихъ кругахъ; вѣдь священнику другую жену не дадутъ, равно какъ и вдова священника рѣдко найдетъ себѣ другаго мужа. Похоронивъ супруга и супругу въ нашемъ духовномъ быту, оставшіеся мужъ и жена почти всегда хоронятъ все свое счастье, а иногда и собственную жизнь. Еще наши очи видѣли и видятъ супружества, гдѣ вся супружеская любовь, заботы, всѣ помыслы родителей, обоихъ родителей, поглощаются любовью къ дѣтямъ; гдѣ дитя служитъ восполненіемъ семейной жизни; этого мало, гдѣ дитя втягиваетъ въ себя весь сонъ, всю заботу, все здоровье матери, втягиваетъ въ себя всѣ интересы, всѣ помыслы, всѣ прежде любимыя, напр., ученыя занятія отца, втягиваетъ, доставляя отцу и матери не муку, не тугу сердечную, а невыразимое и со стороны даже непостижимое наслажденіе, радость, счастье, истинно семейное родительское счастіе.

Да и нужно-ль намъ Русскимъ далеко ходить, чтобы видѣть ясное солнце? Кто изъ насъ не видитъ идеалъ христіанской семейной супружеской родительской любви въ самой благородной четѣ, поставленной на самый высокій свѣщникъ, чтобы свѣтить чистѣйшимъ свѣтомъ во всѣ концы св. Руси? Кто не видитъ тамъ супругу, которая во время продолжительной, тяжкой, даже заразительной болѣзни мужа не отошла отъ него ни на шагъ и отходила его не только пламенною молитвою беззавѣтно любящаго сердца, но и самоотверженнымъ трудомъ собственныхъ рукъ! Кто не видитъ тамъ отца, который среди безчисленныхъ, самыхъ тяжкихъ думъ и заботъ отдыхаетъ, принимая радостное участіе въ

играхъ собственныхъ малыхъ дѣтей? Кто не видитъ тамъ цѣлое семейство, которое произнесло Богу обѣтъ всегда неразлучно окружать отца среди постоянно угрожающихъ его жизни опасностей, окружать въ видѣ сонма ангеловъ хранителей, не взирая на собственную опасность: вмѣстѣ жить, вмѣстѣ и умирать? И спасаютъ, спасаютъ своею преданностію, своею молитвою, однимъ своимъ присутствіемъ. У кореннаго злодѣя не поднимется рука на нихъ на всѣхъ... И Богъ спасаетъ, спасаетъ даже явно чудодѣйственно, спасаетъ всѣхъ ихъ идеально прекрасное, христіанское, святое семейство, для счастія и наученія Россіи.

Одинъ ослѣпшій Толстой этого не видитъ и кощунствуетъ.

И какъ не стыдно графу Льву Толстому, уважаемому многими старику, сказать предъ цѣлымъ свѣтомъ въ глаза своей старой, уважаемой многими и, говорятъ, очень умной и дѣльной женѣ, все, что сказано имъ въ его „Крейцеровой Сонатѣ“, — сказать, что они, живя много лѣтъ въ брачномъ сожитіи и родивъ много дѣтей съ своею женою, занимались съ ней не инымъ чѣмъ, какъ свинствомъ, сказать въ глаза своимъ возрастнымъ сыновьямъ, графамъ, что они порожденіе не болѣе, какъ свинства, мерзости, гадости, пакости?! Не явный ли знакъ, что у старика, ослѣпшаго отъ сатанинской гордыни, отъ превозношенія выдѣлать изъ себя новаго люцифера — свѣтоносца, мозги перевернулись?! И какъ было самой женѣ не видѣть этого, когда они выпускали въ свѣтъ свою поганую „Крейцерову Сонату?“ Вѣдь, говорятъ, она сама ведетъ всѣ торговыя сдѣлки съ распространеніемъ произведеній своего мужа и ведетъ, говорятъ, претолково и прерасчетливо, несмотря на вербальное отреченіе мужа отъ всякой собственности. Видно, одну ослѣпляетъ корысть столько же, сколько другаго гордыня. Слѣпецъ слѣпца водитъ и оба падаютъ въ яму неожиданно для себя.

Надѣясь на Бога, крѣпко вѣруемъ, что на святой Руси еще не умеръ идеалъ христіанской семейной жизни, начертанный св. первоверховнымъ апостоломъ Петромъ, который въ первую половину жизни самъ былъ женатъ (1 Корин. 9, 5). „Жены“,—наставляетъ первоверховный апостолъ (1 Петр. 3, 1—12),—„повинуйтесь своимъ мужьямъ, чтобы тѣ изъ нихъ, которые не покоряются слову, безъ слова были плѣнены женскимъ житіемъ, когда увидятъ ваше чистое богобоязненное житіе“. Вотъ христіанскій способъ нѣкотораго благоплоднаго властвованія жены надъ мужемъ, при полномъ ему повиновеніи,—чисто богобоязненное житіе.—„Да будетъ украшеніемъ вашимъ“,—продолжаетъ первоверховный апостолъ,—„не внѣшнее плетеніе волосъ, не золотые уборы, или нарядность въ одеждѣ, но потаенный сокровенный сердца человѣкъ въ нетлѣнной и неувядаемой красотѣ кроткаго и молчаливаго духа, что предъ Богомъ многоцѣнно. Такъ нѣкогда и святыя жены украшали себя, повинуясь своимъ мужьямъ. Такъ Сарра повиновалась Аврааму, называя его господиномъ. Также и вы мужья обращайтесь съ своими женами по разуму, воздающе имъ честь, яко немощнѣйшему женскому сосуду, какъ сонаслѣдницамъ благодатной жизни. Наконецъ будьте всѣ единомысленны, сострадательны, братолюбивы, милосерды, дружелюбны, смиренномудры. Не воздавайте зломъ за зло, или досажденіемъ за досажденіе“ (не такъ, какъ въ толстовскомъ супружествѣ, гдѣ „ненависть и грызня“ между супругами была нормальнымъ ихъ состояніемъ, гдѣ они „злоумышляли другъ противъ друга, какъ два ненавидящіе другъ друга, связанные одною цѣпью, колодника“), „напротивъ“,—поучаетъ св. первоверховный апостолъ,—„благословляйте другъ друга, зная, что вы къ тому призваны, чтобы наслѣдовать благословеніе. Ибо кто любитъ жизнь и хочетъ видѣть добрые дни, тотъ удерживай языкъ свой отъ зла“ (не какъ злостный герой Толстаго) „и уста

свои отъ злыхъ лукавыхъ рѣчей. Уклоняйся отъ зла, и дѣлай добро; ищи мира и стремись къ нему. Потому что очи Господни обращены къ праведнымъ и уши Его къ молитвѣ ихъ; но лице Господне противъ дѣлающихъ зло, чтобъ истребить ихъ отъ земли".

А что сказать Толстому? То, что сказано Господомъ Іисусомъ, что поставлено нами въ началѣ: *внемлите отъ лживыхъ пророкъ, иже приходятъ къ вамъ во одеждахъ овчихъ, внутрь же суть волцы хищницы. Отъ плодъ ихъ познаете ихъ Еда обземлютъ отъ тернія грозды, или отъ репія смоквы? Тако всяко древо добро плоды добры творитъ: а злое древо плоды злы творитъ. Не можетъ древо добро плоды злы творити, ни древо зло плоды добры творити. Всяко убо древо, еже не творитъ плода добра, посѣкаютъ е, и во огнь вметаютъ. Тѣмже убо отъ плодъ ихъ познаете ихъ* (Мат. 5, 15—19). Въ ученіи вѣры и нравственности какого добра ждать отъ Толстаго безбожника, который идетъ до Геркулесовыхъ столбовъ абсурда въ выводахъ изъ своихъ гибельныхъ началъ, дальше всѣхъ безбожниковъ,—отъ такого лицемѣра, какого свѣтъ еще не родилъ?! *Горе вамъ, книжницы, фарисее, лицемѣры, яко одесятствуете тминъ и мяту* (лепите печи, тачаете сапоги), *и остависте вящшая закона, судъ и вѣру* (Мат. 23, 23). Аминь.

БЕСѢДА VIII.

ЦЕРКОВЬ И ГОСУДАРСТВО.

Богъ сотворилъ отъ единыя крове весь языкъ человѣчь, жити по всему лицу земному, уставивъ предучиненныя времена и предѣлы селенія ихъ: взыскати Господа, да поне осяжутъ Его и обрящутъ, яко недалече отъ единаго коегождо насъ суща. О Немъ бо живемъ и движемся и есмы. Сего бо и родъ есмы (Дѣян. 17, 26—28).

По изъясненію святаго апостола Павла, *вѣра есть уповаемыхъ извѣщеніе, вещей обличеніе невидимыхъ* (Евр. 11, 1), т. е. увѣренность въ невидимомъ (небесномъ), какъ-бы въ видимомъ, желаемомъ и ожидаемомъ (въ будущей вѣчной жизни), какъ-бы въ настоящемъ. Вѣрою познаемъ, что вѣки устроены словомъ Божіимъ, такъ что изъ невидимаго, по глаголу Божію, произошло все видимое. Надобно, чтобы всякій приходящій къ Богу вѣровалъ, что Онъ есть, что Богъ существуетъ, и ищущимъ Его воздаетъ, что всякій ищущій Бога, исполняя волю Божію, получитъ обѣщанное Богомъ освященіе и миръ души на землѣ и блаженство вѣчное на небесахъ, что грядущій открыть свое вѣчное царство Господь пріидетъ и воздастъ каждому по дѣламъ его.

Праведный вѣрою живъ будетъ; а если кто колеблется, не благоволитъ къ тому душа Моя, глаголетъ Господь чрезъ пророка. Иже вѣру имѣтъ и крестится, спасенъ будетъ; а

иже не имѣтъ вѣры, осужденъ будетъ. Эта вѣра даетъ смыслъ, силу, направленіе жизни. Каждый живущій человѣкъ, находя этотъ смыслъ, живетъ на основаніи его. Если же не нашелъ, то умираетъ, во-первыхъ духовно, а часто и тѣлесно, что подтверждается особенно учащенными въ послѣднее время самоубійствами невѣрующихъ. До сихъ поръ исторія не знала народа, невѣрующаго въ Бога и безсмертіе. Доказать же противное, что народы могутъ жить безъ вѣры въ Божество и безсмертіе, ясно-ли, смутно-ли понимаемое, еще предлежитъ современнымъ невѣрамъ, чего они, конечно, не докажутъ никогда. Въ этой вѣрѣ свидѣтельствованы были всѣ древніе отъ начала міра до самыхъ послѣднихъ временъ, всѣ величайшіе мужи исторіи.

Въ исканіи истиннаго смысла жизни, точнѣе въ изысканіи истинной вѣры, человѣкъ долженъ пользоваться всѣмъ тѣмъ, что относительно вѣры содержитъ и преподаетъ лучшая часть человѣчества, научаемая самимъ Богомъ чрезъ божественное откровеніе. Подъ именемъ божественнаго откровенія разумѣется то, что самъ Богъ открылъ человѣкамъ, дабы они могли право и спасительно вѣровать въ Него и достойно чтить Его. Первыми провозвѣстниками откровенія Божія были Адамъ, Ной, Авраамъ, Моисей и другіе пророки, которые приняли и проповѣдывали начатки откровенія Божія. Въ полнотѣ же и совершенствѣ принесъ на землю откровеніе Божіе воплощенный Сынъ Божій, Господь нашъ Іисусъ Христосъ и распространилъ оное по вселенной чрезъ своихъ учениковъ и апостоловъ.

А что Господь Іисусъ есть учитель божественный, что возвѣщалъ Онъ высочайшую, чистѣйшую истину, это доказывается всѣмъ евангеліемъ, какъ и всею исторіею Христіанства, доказывается многочисленными свидѣтельствами самовидцевъ воплотившагося Слова Божія о Его дивной жизни и безчисленныхъ чудотвореніяхъ, о Его крестной смерти и

воскресеніи. А что мы обязаны вѣровать и апостоламъ Христовымъ, это видно изъ обращенныхъ къ нимъ словъ самаго Христа: *иже васъ пріемлетъ, Мене пріемлетъ, и иже пріемлетъ Мене, пріемлетъ пославшаго Мя Отца*, какъ и изъ многихъ другихъ Его же изреченій, какъ и изъ всего евангелія и всей ново-завѣтной священной исторіи. Изъ евангелій видно, что святые апостолы возвѣщали истину не свою, а Христову, проповѣдывали не иное, какъ Христово ученіе. Вотъ по Христовымъ, по евангельскимъ изреченіямъ, св. апостолы отъ вѣка принадлежали Богу Отцу, который предъизбралъ ихъ прежде сложенія міра. Богъ Отецъ далъ ихъ своему Сыну, Спасителю міра, который и избралъ ихъ отъ міра. Избралъ, чтобы сотворить ихъ ловцами человѣковъ, солію міра, свѣтомъ міра. Училъ ихъ самъ, вразумлялъ, обличалъ, предостерегалъ. Училъ вмѣстѣ съ прочими учениками, но училъ и особо, сокровенно, наединѣ, какъ избраннѣйшихъ своихъ учениковъ, какъ будущихъ избраннѣйшихъ учителей міра, проповѣдниковъ имени Его, какъ избраннѣйшихъ посланниковъ премудрости божественной. Многое было открыто имъ еще при жизни Господа на землѣ особою божественною благодатію, какъ Петру самъ Богъ Отецъ открылъ единороднаго своего Сына въ лицѣ Христа Іисуса, открылъ, чтобы въ лицѣ Петра явить будущій незыблемый камень Христовой церкви, которой и врата адова не одолѣютъ. Такъ и прочимъ апостоламъ, еще при жизни Христа на землѣ, самъ Богъ Отецъ открывалъ въ нѣкоторой мѣрѣ тайны царства небеснаго, открывалъ симъ младенцамъ, людямъ некнижнымъ, простымъ, утаивая въ тоже время сіи тайны отъ премудрыхъ и разумныхъ. По воскресеніи же своемъ Господь чудодѣйственно отверзаетъ имъ умъ разумѣти писанія Моисея и другихъ пророковъ, которые всѣ предвозвѣщали о Немъ, о Его пришествіи въ міръ, о Его страданіи и воскресеніи, и о спасеніи міра именемъ Его.

Тѣми и другими, естественными и сверхъестественными, способами Господь Іисусъ открывалъ избраннѣйшимъ своимъ ученикамъ имя Бога Отца, передалъ имъ слова, которыя далъ Ему самому самъ Богъ Отецъ. И они приняли и уразумѣли истинно, что Христосъ изшелъ отъ Бога Отца. Но полное уразумѣніе божественной истины Христосъ обѣщаетъ имъ по сошествіи на нихъ Духа Утѣшителя, Духа истины, который наставитъ ихъ на всякую истину и воспомянетъ имъ все, что Христосъ говорилъ имъ при жизни: скажетъ имъ даже больше того, что они слышали отъ Него самого при жизни, но скажетъ не свое, а Христово же слово, потому что отъ Него же пріиметъ, и возвѣститъ имъ, потому что Духъ Утѣшитель исходитъ вѣчно отъ Бога Отца, съ которымъ единородный Сынъ Его едино, какъ и всѣ сіи тріе, Отецъ, Сынъ и Святый Духъ, едино суть. По сошествіи же на апостоловъ Святаго Духа, по очищеніи ихъ благодатію Святаго Духа, они будутъ едино со Отцемъ и Сыномъ и Святымъ Духомъ. Тогда Сынъ Божій прямо возвѣститъ имъ объ Отцѣ. Тогда они и Его самаго, Сына Божія, увидятъ, какъ теперь, до смерти Его, пока не видятъ; тогда явится Онъ и самъ, чтобы пребывать съ ними во вѣкъ: тогда и Духъ Святый, разъ сошедши на нихъ, пребудетъ съ ними также во вѣкъ, чтобы наставлять ихъ на всякую истину. Тогда Христосъ, какъ истинная лоза, привьетъ ихъ къ себѣ какъ вѣтви, и они станутъ жить Его жизнью, просвѣщаться Его вѣдѣніемъ, дышать Его духомъ, духомъ истины и правоты, такъ какъ Онъ есть путь, истина и жизнь. Тогда вѣрующіе въ Него, силою Его, сотворятъ дѣла, которыя Онъ самъ творилъ, и больше того сотворятъ. При жизни своей Христосъ самъ соблюдалъ своихъ учениковъ отъ міра; а теперь предъ смертію Онъ молитъ Бога Отца, чтобы самъ Богъ Отецъ соблюдалъ ихъ отъ мірскаго зла; молитъ, чтобы освящалъ ихъ истиною своею, молитъ о нихъ особо и исключительно, да будутъ они

едино во Отцѣ и Сынѣ, чтобъ и міръ чрезъ слово ихъ позналъ, что Отецъ послалъ Христа въ міръ, чтобы чрезъ эту вѣру люди достигли жизни вѣчной, которая въ томъ и состоитъ, да знаютъ единаго истиннаго Бога Отца и егоже послалъ Онъ, Іисуса Христа. Тогда, по сошествіи на нихъ Святаго Духа, не они, не апостолы будутъ говорить, но Духъ Отца небеснаго будетъ говорить въ нихъ. Тогда Онъ самъ, Господь Іисусъ, дастъ имъ уста и премудрость, ей-же не возмогутъ противитися или противостати вси противляющіеся имъ. Тогда они пребудутъ въ Духѣ Святомъ, и Онъ въ нихъ; пребудутъ въ Сынѣ Божіемъ, яко-же Онъ во Отцѣ, и Отецъ въ Немъ, такъ и апостолы пребудутъ во Отцѣ и Сынѣ и Святомъ Духѣ. Тогда чрезъ нихъ Духъ Святый будетъ свидѣтелемъ Іисуса Христа въ мірѣ, и они, пребывъ со Христомъ отъ начала, какъ самовидцы Слова, станутъ также Его свидѣтелями повсюду, отъ Іерусалима и до конецъ земли. Тогда кто пріиметъ ихъ, пріиметъ самаго Христа, а кто отвергнется ихъ, отвергнется самого Христа. Тогда, по сошествіи на нихъ Святаго Духа, они и дѣйствительно изшедше проповѣдаша слово Христово всюду, Господу споспѣшествующу, и слово ихъ, какъ истинное божественное слово, утверждающу послѣдствующими знаменіями неисчисленыхъ чудотвореній. Св. апостолъ Павелъ, въ посланіи къ Коринѳянамъ и Солунянамъ, въ подтвержденіе божественной истинности своего слова, самъ указываетъ на многія знаменія, чудеса и силы, явленныя имъ предъ ихъ собственными очами. Здѣсь—поразительнѣйшее доказательство какъ непреложности чудотвореній, такъ и божественности ученія св. апостола Павла, а равно и другихъ апостоловъ.

Для истиннаго послѣдователя Христова только то откровеніе можетъ быть истинно божественнымъ, которое преподали, устно и письменно, самъ Господь Іисусъ Христосъ и святые апостолы Его, а изъ древнѣйшихъ ученій только

то ученіе можетъ быть божественнымъ откровеніемъ, которое признавали и выдавали за таковое Они же, Самъ Христосъ Господь съ своими апостолами, которое провозвѣщали пророки и другіе святые мужи, которое содержала ветхозавѣтная церковь. Подобнымъ-же образомъ и истинною церковію послѣдователь Христовъ долженъ признавать только ту, которую за таковую признавали въ ветхомъ завѣтѣ самъ Христосъ Спаситель и апостолы Его, а въ новомъ завѣтѣ ту, которая содержитъ истинное божественное откровеніе свято въ нерушимой цѣлости.

Ново-завѣтная церковь есть отъ Бога установленное общество человѣковъ, соединенныхъ православною вѣрою, закономъ Божіимъ, священноначаліемъ и таинствами. Подобнымъ же образомъ и ветхо-завѣтная церковь была также отъ Бога установленное общество человѣковъ, соединенныхъ богооткровенною вѣрою и закономъ Божіимъ, священноначаліемъ (въ патріархальной церкви родовымъ патріархальнымъ, а въ подзаконной—богоизбраннымъ іерархическимъ) и священными обрядами, прообразовавшими ново-завѣтныя таинства, каковы были въ церкви патріархальной богоуставленные чины и обряды бракосочетанія, обрѣзанія, приношенія жертвъ и вообще священнослуженія, а въ церкви подзаконной чины и обряды тѣхъ-же обрѣзанія, бракосочетанія, жертвоприношеній и поставленія во священство, съ разными уставами священнослуженія. Церковь земную должно всегда мыслить не въ иномъ видѣ, какъ въ связи съ церковію, небесною, съ духами праведниковъ, отшедшихъ въ горній міръ, съ горними ангельскими силами, посылаемыми на служеніе спасенію человѣковъ, съ Духомъ Божіимъ, воодушевляющимъ, просвѣщающимъ и животворящимъ церковь, наконецъ, съ главою церкви воплотившимся Сыномъ Божіимъ, который уже въ ветхомъ завѣтѣ былъ главенствующимъ руководителемъ церкви и патріархальной и подзаконной, какъ Ангелъ Завѣта,

какъ предопредѣленный отъ вѣка посредникъ между Богомъ и человѣкомъ. Что Богъ и святые Его неразрывно соединены съ земною церковью, это подтверждается для всякаго безпрерывнымъ, на всемъ пространствѣ исторіи отъ начала міра и до послѣднихъ дней, рядомъ знаменій и чудесъ, видимо проявляющихъ въ церкви Божіей сверхъ-естественную силу Божію и постоянно подтверждающихъ божественное происхожденіе и значеніе самой церкви.

Какъ общество истинно вѣрующихъ, земная церковь установилась не только естественно и необходимо, но и особымъ устроеніемъ Божіимъ, и обратно, не только по особому устроенію Божію, но и необходимо и естественно. *Идѣже еста два или тріе, собрани во имя Мое, ту есмь посредѣ ихъ*, изрекъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ. Первую церковь на землѣ составили первые два человѣка, соединенные волею Божіею и естественнымъ союзомъ мужа и жены. Впрочемъ и тогда составляли церковь не два лица, а больше, третій съ ними и надъ ними самъ Богъ Творецъ, Вседержитель и Отецъ человѣковъ; а между людьми и Богомъ туже церковь восполнялъ безчисленный сонмъ духовъ небесныхъ. Съ теченіемъ-же времени ту же церковь наполняли разрастающіеся семейный и родовой союзы; такъ, въ семействѣ первозданныхъ людей дѣти ихъ, а въ родѣ ихъ все первоначальное потомство ихъ отъ Адама до Ноя. При чемъ видимо главенствующими въ первобытной патріархальной церкви естественно являются патріархи Симъ, Енохъ, Маѳусаилъ, Ной, какъ начальники родовъ и какъ по святости жизни состоявшіе въ ближайшемъ общеніи съ Богомъ. Они же первые были и провозвѣстники воли Божіей, вѣдомой имъ и по преемственному преданію и по непосредственному богооткровенію, и судіи другихъ отъ лица Божія, какъ отцы семей и родоначальники. Они же первые стали изрекать и клятву и благословеніе на другихъ, какъ изрекъ Ной патріархъ на сы-

новъ своихъ и потомство ихъ. Впрочемъ, самъ Богъ, Творецъ и Отецъ всѣхъ человѣковъ, положилъ предъ лицемъ каждаго человѣка благословеніе и клятву, да своею волею и собственнымъ разумомъ каждый изберетъ благое и благословеніе и отвергнетъ злое и клятву, изреченную отъ вѣка на всякое зло. Такъ, не говоря о самомъ Адамѣ, невѣріемъ слову Божію и нарушеніемъ Божіей заповѣди навлекшемъ клятву на себя и весь родъ человѣческій, уже въ падшемъ человѣчествѣ первую по Адамовой клятву навлекаетъ на себя и на родъ свой первый сынъ Адама, первый же злостный братоубійца Каинъ, вслѣдствіе чего самъ собой и отдѣляется отъ церкви Божіей. Послѣ Каина ту же клятву наслѣдовали въ допотопномъ человѣчествѣ всѣ сыны человѣческіе, проистекавшіе по преимуществу отъ Каина, которые впали въ невѣріе и въ плотскую жизнь; а соединяясь плотскими союзами и съ потомствомъ Сиѳа, растлили весь человѣческій родъ, кромѣ Ноева, за что и истреблены отъ Бога всемірнымъ потопомъ. Когда же Богу такъ угодно положить благословеніе и клятву предъ лицемъ каждаго человѣка, то кто оспоритъ это право у каждаго избрать себѣ, вольною волею и вольнымъ разумомъ, положенныя предъ лицемъ каждаго благо и благословеніе, или зло и клятву? Кто оспоритъ и у самого Бога безусловное Его право изречь благословеніе на добро и клятву на зло? Они уже изречены прежде сложенія міра, прежде созданія каждаго человѣка, по предвѣдѣнію и предопредѣленію. Кто оспоритъ у отца, у родоначальника патріарха право изречь благословеніе или клятву на добрыя или злыя свои порожденія? Кто оспоритъ у отца естественное и божественное право наложить свою волю на дѣтей, требовать отъ нихъ ея исполненія и наказывать за нарушеніе? Кто оспоритъ то же право у родоначальника, въ отношеніи къ ближайшему его потомству, или же у союза родоначальниковъ, въ отношеніи къ ближайшимъ и дальнимъ своимъ потомкамъ? Можно

дѣтямъ и потомкамъ вотщще оспаривать это право у своихъ отцовъ и родоначальниковъ; но отнять это освященное общечеловѣческими завѣтами право у отцовъ и родоначальниковъ, когда они имъ воспользовались, когда изъ него развилась вся исторія всѣхъ человѣческихъ обществъ, когда исторія подтвердила силу и дѣйственность отеческихъ завѣтовъ, клятвъ и благословеній, когда въ исполнившихся завѣтахъ и обѣтованіяхъ отцовъ здравый общечеловѣческій смыслъ привыкъ усматривать непреложную волю Божію, — отнять это право у отцовъ и начальниковъ родовъ нельзя. Это не только невозможно, но было бы и противоестественно, и богопротивно.

Такъ вотъ, въ раскрытіи судебъ церкви Божіей на землѣ, вызванный въ землю обѣтованную Авраамъ вступаетъ съ Богомъ въ завѣтъ, который скрѣпляетъ клятвенной присягою, вступаетъ не только за себя, за свою семью, но и за все свое потомство, клянясь на вѣки быть вѣрнымъ единому истинному Богу, подъ угрозою нарушителямъ сего завѣта изъ своего рода даже смертной казни. Такъ потомки Авраама, родоначальники колѣнъ, племенъ и родовъ Израилевыхъ, осыпанные въ Египтѣ благодѣяніями Божіими чрезъ Моусея, выведенные изъ рабства Египетскаго, по чудесномъ переходѣ чрезъ Чермное море, крестились въ Моусея, т. е. дали обѣтъ за себя и за весь родъ свой навсегда быть вѣрными Моусею; у Синая же поклялись, скрѣпивъ свою клятву буквально присягою, быть на вѣки вѣрными завѣту своихъ праотцевъ и своему собственному съ Богомъ Авраама, Исаака и Іакова, изрекая не только клятву на себя самихъ и весь родъ свой, но и тяжкія наказанія нарушителямъ сего завѣта до смертной казни включительно. Пусть же теперь кто-либо, три-четыре тысячи лѣтъ спустя, оспориваетъ у Моусея и современниковъ его, какъ и у патріарховъ ихъ Авраама, Исаака и Іакова, право вступить въ завѣтъ съ Господомъ Богомъ, подъ страхомъ клятвы и даже смертной казни, не только за

себя, но и за потомство свое. Они вступили и связали этою клятвою себя и родъ свой на вѣка. Пусть кто-либо изъ нашихъ суемудрыхъ современниковъ отыметъ то же право держать себя и потомство свое подъ тою же клятвою въ завѣтѣ Моусея и Авраама у отцовъ и родоначальниковъ современнаго намъ еврейскаго народа. Увы! Право естественное, хотя теперь, по измѣнившимся на пространствѣ тысячелѣтій обстоятельствамъ церкви Божіей, по учрежденіи церкви новозавѣтной, и ошибочно израильтянами направляемое. Тягость ветхаго Моусеева завѣта была и есть то иго рабства, отъ котораго, по слову апостола Павла, избавилъ насъ учредитель новаго завѣта Господь Іисусъ Христосъ.

Понятна злобная ненависть современныхъ намъ суемудровъ къ Христовой церкви, но непостижимо ихъ непониманіе относительно церкви. Впрочемъ это будто бы непониманіе есть не иное что, какъ ослѣпленіе ихъ, какъ отверженіе ими очевидной истины, какъ явная хула ихъ на Духа Святаго. Вѣдь всякому извѣстно, что по рожденію своему до самой смерти, точнѣе до тайной вечери, Господь Іисусъ самъ принадлежалъ къ ветхозавѣтной церкви, которую и признавалъ какъ богоучрежденную церковь, подчиняясь всѣмъ ея уставамъ, пока на тайной вечери, учредивъ величайшее таинство новаго завѣта, не утвердилъ и новозавѣтную церковь. Начало же этой новозавѣтной церкви Онъ положилъ, когда призвалъ къ себѣ первыхъ своихъ учениковъ апостоловъ. А когда воспиталъ ихъ до изреченія апостоломъ Петромъ, по откровенію отъ Бога Отца, твердой вѣры въ Него, Господа Іисуса, какъ въ Единороднаго Сына Божія, то и изрекъ: *ты еси Петръ и на семъ камени* (на вѣрѣ Петра и прочихъ апостоловъ въ Него, Іисуса какъ Единороднаго Сына Божія) *созижду церковь мою, и врата адова не одолѣютъ ей.* Завершилъ же Христосъ Господь основаніе своей церкви, когда въ день пятидесятый по воскресеніи своемъ ниспослалъ

Пресвятаго своего Духа на святыя своя ученики и апостолы. Тогда, по сошествіи на нихъ Святаго Духа, они изшедше въ міръ весь, наченше отъ Іерусалима, устроили церкви Божіи по всѣмъ градамъ, а каѳолическую, апостольскую, едину, святую, Христову церковь утвердили во всѣхъ краяхъ земли.

Тщетнымъ суемудріемъ являются современные лжеучители, когда смущаютъ другихъ словомъ Христовымъ апостоламъ: *вы не нарицайтеся учители, единъ бо есть учитель вашъ Христосъ*, что въ рѣчи Христовой буквально значитъ: вы не мните быть учителями, равными единому учителю вашему Христу, равно опасайтесь быть и такими суемудрыми тщеславными учителями, каковы еврейскіе книжники и фарисеи, которые любятъ зватися отъ человѣкъ: равви, равви! учителю, учителю! отче, отче! Вѣдь говоря противъ нихъ же, противъ тѣхъ же книжниковъ и фарисеевъ, тѣмъ же святымъ апостоламъ: *и отца не зовите себѣ на земли; единъ бо есть Отецъ вашъ, иже на небесѣхъ*, не запрещаетъ же Христосъ называть отцами отцовъ земныхъ, которыхъ самъ не только называетъ, но и заповѣдуетъ называть отцами (Матѳ. 19, 19). Вѣдь ихъ же, ближайшихъ учениковъ своихъ, Христосъ назвалъ своими апостолами, посланниками, своими друзьями (Іоан. 15, 13—15), назвалъ не только книжниками мудрецами, но и пророками, и назвалъ въ той же самой рѣчи, въ которой внушаетъ имъ не тщеславиться пустыми титулами: равви, равви! учителю, учителю! отче, отче! (Матѳ. 23, 34). Имъ же, апостоламъ, Христосъ Господь прѣдъ вознесеніемъ своимъ, заповѣдуетъ: *шедше научите вся языки, учаще ихъ блюсти вся, елика заповѣдахъ вамъ*, поставляя ихъ учителями вселенной. Самъ Христосъ, по слову апостола Павла, *далъ есть овы убо апостолы, овы же пророки, овы же благовѣстники* (евангелисты), *овы же пастыри и учители, къ совершенію святыхъ, въ дѣло служенія, въ созиданіе тѣла Христова — церкви* (Евр. 4,

11—12). И храмъ Божій, созидаемый Духомъ Святымъ, растетъ въ церковь святую о Господѣ, будучи назданъ на основаніи апостоловъ и пророковъ, сущу краеугольну самому Іисусу Христу (Еф. 2, 20—22).

Учрежденная Господомъ Іисусомъ, учителемъ милосердія и любви, церковь Христова можетъ-ли проклинать? Поставивъ вопросъ шире и точнѣе, можетъ-ли церковь судить и осуждать, можетъ-ли извергать изъ своего общенія, изрекать анаѳему отлученія или даже клятвы,—отвѣчаемъ рѣшительно, что можетъ. На это церковь уполномочена самимъ Христомъ. Своимъ апостоламъ, проповѣдникамъ Евангелія, самъ Христосъ заповѣдалъ: *иже аще не пріиметъ васъ, ниже послушаетъ словесъ вашихъ, исходяще изъ дому, или изъ града того, отрясите прахъ ногъ вашихъ. Аминь глаголю вамъ: отраднѣе будетъ земли Содомстѣй и Гоморрстѣй въ день судный, нежеже граду тому* (Матѳ. 10, 14—15). Извѣстна заповѣдь Христа всякому Его послѣдователю, какъ и всей церкви: *если согрѣшитъ къ тебѣ братъ твой*, дѣломъ, словомъ и мыслію, *иди и обличи его между тобою и тѣмъ единѣмъ. Аще ли тебе не послушаетъ, пойми съ собою еще единаго или два. Аще ли не послушаетъ ихъ, повѣждь церкви. Аще же и церковь преслушаетъ, буди тебѣ якоже язычникъ и мытарь*, какъ отверженный (Матѳ. 18, 15—17). Апостолъ Павелъ заповѣдуетъ отвергать не только тѣхъ, которые, смущая вѣрныхъ, хотятъ превратить благовѣствованіе Христово и проповѣдуютъ иное благовѣствованіе, но даже тѣхъ, которые проповѣдуютъ больше, чѣмъ преподано истинными апостолами Христовыми: *аще мы сами, или даже Ангелъ съ небеси благовѣститъ вамъ паче, еже благовѣстихомъ вамъ, анаѳема да будетъ*, — что и подтверждаетъ повторяя: *якоже предрекохомъ и нынѣ паки глаголю: аще кто благовѣститъ вамъ паче, еже пріясте, анаѳема да будетъ* (Гал.

1, 7—9). А святый Іоаннъ Богословъ изрекаетъ подобное прещеніе какъ на того, кто приложитъ къ словесамъ благовѣстія пророковъ и апостоловъ и самаго Господа нашего Іисуса Христа, такъ и на того, кто отыметъ отъ словесъ ученія ихъ, запрещая не только прибавлять что-либо къ богооткровенному ученію, но и убавлять отъ него (Апок. 22, 18—19), внушая прерывать не только церковное, но и всякое житейское общеніе съ человѣкомъ, иже приходитъ къ намъ и Христова ученія не приноситъ (2 Іоан. 9—11). Потому-то всѣ апостолы, оставившіе намъ свои писанія, каковы св. апостолы Іаковъ, Петръ, Іоаннъ, Іуда изрекаютъ тяжкія прещенія на нечестивцевъ, еретиковъ, лжеучителей, лжеапостоловъ, антихристовъ своего и всѣхъ послѣдующихъ вѣковъ. А св. Павелъ изрекаетъ на современныхъ ему лжеапостоловъ, противниковъ Христовыхъ, прямо и буквально анаѳему: анаѳема да будетъ!

Можетъ-ли церковь примѣнять къ противляющимся ей другія мѣры наказанія? — Можетъ, начиная съ каръ небесныхъ загробныхъ. Христосъ Господь внушаетъ своимъ проповѣдникамъ апостоламъ отрясти прахъ ногъ своихъ отъ дома или града, въ которомъ не примутъ ихъ, проповѣдниковъ и прибавляетъ угрозу своего божественнаго суда: *аминь глаголю вамъ, отрадніе будетъ земли Содомстѣй и Гоморрстѣй въ день судный, нежели граду тому.* Своей церкви предоставилъ Господь власть и силу разрѣшать на землѣ каждаго для неба и вѣчной жизни и вязать на смерть вѣчную. Извѣстно, что древняя ветхозавѣтная церковь казнила и временною смертію, пока состояла въ неразрывной связи съ государствомъ, точнѣе, пока составляла неразрывное единство съ государствомъ и совершала сама собою всѣ собственно государственныя отправленія, что творила, какъ въ патріархальный свой періодъ (Быт. 31, 32; 38, 24), такъ и въ подзаконный, пока не пришелъ уреченный часъ

для ветхозавѣтной церкви, съ ея кровавыми приношеніями и казнями, уступить свое мѣсто церкви новозавѣтной, съ ея безкровною жертвою и безкровными же взысканіями. Какъ разъ ко времени пришествія Христова на землю, у іудейской, отпадавшей отъ истины Божіей, церкви право казнить смертію отняли покорители іудеевъ римляне (Іоан. 18, 31). Священнослужителямъ же своей новозавѣтной церкви ея Основатель запретилъ проливать кровь, сказавъ Петру: *вложи ножъ твой въ ножны*, такъ какъ царство Христово не отъ міра сего, и ближайшіе слуги его не могутъ оборонять его мечами. По чину православной церкви, священнослужители, приносящіе безкровную жертву, никогда и не проливали крови оружіемъ. Таковъ исконный духъ истинной православной церкви Христовой. Тѣмъ не менѣе въ священной новозавѣтной исторіи мы имѣемъ два или три факта чуднаго наказанія Божія за нечестіе, наказанія тѣлесною смертію и слѣпотою. Такъ св. апостолъ Петръ казнилъ смертію Ананію и Сапфиру, какъ по преданію казнилъ и Симона Волхва. Св. апостолъ Павелъ казнилъ слѣпотою Эллиму Волхва. Въ церковной же исторіи мы имѣемъ не мало примѣровъ явнаго, чуднаго, тѣлеснаго пораженія нечестивцевъ за нечестіе мысли, слова и дѣла. Но обыкновенной смертной казни или тѣлесной пыткѣ православная церковь сама собой никогда никого не подвергала. Тѣмъ не менѣе, согласно заповѣди самого же Христа воздавать кесарево кесарю и по внушенію св. апостола Павла воздавать всѣмъ должное— налоги, дани, честь и страхъ предержащимъ властямъ, которыя отъ Бога же вооружены и мечемъ на страхъ злодѣямъ, въ защиту благотворцевъ, ко благу человѣческихъ обществъ, церковь Христова не воспрещаетъ употреблять оружіе государству, тѣмъ болѣе, что государство исполняетъ цѣлую внѣшнюю половину того же служенія Богу и чело-

вѣчеству, какое нѣкогда несла сама же церковь до выдѣленія изъ нея государства.

Въ центральной части историческаго человѣчества, точнѣе сказать въ средѣ историческаго человѣчества, первоначальное государство дѣйствительно выдѣлилось изъ церкви, по крайней мѣрѣ выдѣлилось изъ того единаго источника и русла, изъ котораго проистекла и церковь. Несомнѣнно, что первобытное государство образовалось изъ семейной и родовой общины, связанной, кромѣ узъ родства плотскаго, узами родства и духовнаго, скрѣпляемаго единствомъ вѣры въ Бога и въ святость родоваго начала. Такъ вотъ патріархъ Авраамъ, онъ отецъ и родоначальникъ и владыка въ семьѣ надъ чадами и домочадцами, онъ же и священникъ, приносящій жертву, онъ же и вождь семейнаго воинства. Онъ съ 300 домочадцевъ воюетъ съ пятью сосѣдними, подобными ему, царями и побѣждаетъ ихъ. Когда возвращался онъ съ побѣды, его встрѣчаетъ подобный же ему царь Салима, Мельхиседекъ, священникъ Бога Вышняго (Быт. гл. 14). Такой же царь былъ и патріархъ Іовъ, онъ же и жрецъ; таковы же и друзья его цари (Іова 1, 5; 48, 17). Безспорно, что въ первобытныхъ государствахъ, какъ застаетъ ихъ ясная исторія, религіозныя учрежденія преобладали надъ гражданскими, жреческое сословіе имѣло руководящее значеніе, сами цари любили являться въ священномъ ореолѣ ближайшихъ слугъ Божіихъ, вѣстниковъ воли Божіей для подвластныхъ; а все это наводитъ на мысль, что не только патріархальныя ханаанскія царства, но и другія, напр. въ Индіи, Египтѣ, Средней Азіи, Элладѣ, въ Италіи, всѣ первоначально произошли и развились изъ семейныхъ и родовыхъ союзовъ, скрѣпленныхъ преданіями единой вѣры, т. е. изъ церковно-религіозныхъ союзовъ.

Уже отсюда видно, что государственный союзъ такъ же возникъ по волѣ Божіей, какъ и союзы церковно-рели-

гіозные, родовые и семейные. Сверхъ того, по божественному откровенію, подкрѣпляемому народными преданіями, мы знаемъ, что самъ Промыслъ Божій разсѣялъ народы во всѣ концы земли изъ западной Азіи, отъ Арарата, какъ центра, послѣ Вавилонскаго смѣшенія языковъ, во всѣ концы земли: въ среднюю Азію, въ Индію, въ Египетъ, въ Европу изъ-за Каспійскаго и Евксинскаго морей. По изреченію Боговидца Моусея мы знаемъ, что Богъ поставилъ предѣлы народовъ по числу ангеловъ Божіихъ. По слову Спасителя, къ каждому человѣку приставленъ особый ангелъ хранитель; а по Апокалипсису мы знаемъ, что особые ангелы хранители поставлены надъ разными частями и стихіями міра, надъ царствами и народами, надъ городами и особыми церквами. По слову св. апостола Павла, Богъ, сотворивъ отъ единыя крове весь родъ человѣческій и предназначивъ жить ему по всему лицу земному, самъ уставилъ предучиненныя времена и предѣлы селенія народовъ, сколько времени и въ какихъ пространствахъ какому народу жить, указавъ цѣль жизни всякому народу взыскати Господа. Вообще же кто вѣритъ въ живаго Бога, тотъ не можетъ не вѣрить и во вседержительный Промыслъ Божій, управляющій народами и царствами.

Благотворно-ли раздѣленіе человѣчества на народы и царства?—Суетный вопросъ суемудрія, равняющійся вопросу: благотворно-ли творческое раздѣленіе земнаго шара на моря и сушу, на такія-то горы и долины, поля и безплодныя степи, которыя, по нашему расчету, можно бы раскинуть и съ большею пользою для человѣчества. Суетный вопросъ, когда все это раздѣленіе какъ земнаго шара на его части, такъ и всего человѣчества также на его части, проистекло изъ творческой-вседержительной и промыслительной воли Божіей. Проистекло изъ воли Божіей, значитъ, и необходимо и естественно, а въ конечныхъ промыслительныхъ цѣляхъ и

благотворно для человѣка. Самое покореніе однихъ племенъ другими и образованіе изъ нихъ большихъ царствъ благотворно же, потому что безъ сомнѣнія направлено Промысломъ, не хотящимъ смерти грѣшника, ко благу не только покорителей, но и самихъ покоренныхъ. Божественное откровеніе не только показываетъ намъ, что раздѣленіе человѣчества на царства и народы входитъ въ планъ божественнаго домостроительства, но частію проясняетъ и смыслъ этого плана. Такъ когда, посредствомъ плотскихъ союзовъ въ человѣчествѣ допотопномъ, сыны человѣческіе, потомки Каина, слились съ сынами Божіими изъ избраннаго потомства Сиѳова, тогда Богъ нашелъ нужнымъ допотопный человѣческій родъ истребить, какъ растлѣнный и неспособный къ истинно-человѣческой духовной жизни. Человѣчество послѣ-потопное, сосредоточиваемое Нимвродомъ и преемниками его, первыми въ исторіи властителями, около Вавилона, также быстро стало забывать истиннаго Бога, и всецѣло погружаться не только въ земныя заботы, необходимыя для жизни, но и въ цѣлыя предпріятія нелѣпой гордыни, каково построеніе до неба Вавилонской башни. Тогда Господь наказалъ людей, какъ и спасъ ихъ отъ полнѣйшаго, въ скученномъ состояніи, быстраго растлѣнія смѣшеніемъ языковъ и разсѣяніемъ по всѣмъ концамъ міра. Когда средне-азійское человѣчество, скученное около того же Вавилона, стало и послѣ разсѣянія народовъ быстро погружаться въ язычество и идолопоклонство, Богъ, для спасенія на землѣ истиннаго богопочтенія, нашелъ нужнымъ выдѣлить Авраама и родъ его изъ всего человѣчества на служеніе себѣ, единому истинному Богу. Когда и родъ Авраамовъ, подавленный и развращаемый египетскимъ рабствомъ, сталъ заражаться и египетскими суевѣріями, тогда Господь вывелъ Израильтянъ изъ Египта рукою крѣпкою, страшными казнями на Египтянъ, и ввелъ въ землю обѣтованную, заповѣдавъ истребить

тамъ всѣ хананскіе народы и не сообщаться съ ними ни семейными союзами, ни обычаями, ни тѣмъ болѣе вѣрою. Божій Промыслъ рѣшилъ лучше сдѣлать Израиля ненавистнымъ для всѣхъ окрестныхъ народовъ, чѣмъ не сберечь его отъ смѣшенія съ другими народами, и вѣру его отъ смѣшенія съ повсюднымъ идолопоклонствомъ. Св. апостолъ Павелъ говоритъ, что Богъ уставилъ предучиненныя времена и предѣлы народовъ для того, чтобъ они *взыскали Господа, да поне осяжутъ Его и обрящутъ, яко недалече отъ единаго коегождо насъ суща.* Да, нигдѣ такъ ощутительно нельзя обрѣтать, хотя и недалече отъ насъ сущаго, но закрытаго отъ насъ нашею грѣховностію и житейскою суетностію, Бога, какъ въ судьбахъ собственнаго народа и отечества: *о Немъ бо*, о Богѣ нашемъ, *мы живемъ и движемся и есмы;* о Немъ и побораемъ враговъ нашихъ и устрояемъ временное свое счастіе и душевное спасеніе. И нигдѣ это такъ не видно для внимательныхъ, какъ въ отечественной исторіи.

Отсюда патріотизмъ, какъ естественнѣйшая и священнѣйшая обязанность. Патріотизмъ есть любовь къ отечеству, покорность ему и вѣрность даже до смерти, до пролитія крови. Отечество потому такъ и называется, что оно каждаго изъ насъ родило и воспитало; потому что заключаетъ въ себѣ всю совокупность нашихъ отцевъ, какъ живыхъ пока еще, такъ и отшедшихъ уже въ вѣчность, которые своею вѣрою и любовію, своею преданностію тому же отечеству до смерти, своими клятвами и завѣтами своимъ потомкамъ, основали и утвердили и намъ на вѣчное храненіе завѣщали то же отечество; потому что оно сдерживается, движется на своемъ основаніи и управляется, какъ главою, отцомъ отечества, прямымъ потомкомъ того богоизбраннаго рода, которому Промыслъ Божій, своимъ исключительнымъ избраніемъ, вручилъ главенство между первѣйшими родами, основавшими

государство, и ввѣрилъ судьбы народа, закрѣпленнаго за царствомъ и царемъ вольными на вѣрность ему клятвами многихъ поколѣній; того богоизбраннаго рода, который освященъ для своего высшаго призванія вѣковѣчною за него молитвою премногихъ милліоновъ соотечественниковъ живыхъ и въ горній міръ отшедшихъ; который, въ своихъ богоизбранныхъ первенцахъ, запечатлѣнъ, для исключительнаго служенія цѣлямъ Промысла, печатію дара Духа Святаго, въ священномъ муропомазаніи, предъ лицемъ неба и земли, предъ лицемъ церкви воинствующей на землѣ и торжествующей въ небесахъ, подъ наитіемъ молитвъ и благословеній какъ той, такъ и другой церкви, на счастье богохранимаго царства, на благо тмы — темъ спасающихся въ немъ душъ. Кто изъ смертныхъ на землѣ можетъ быть священнѣе Помазанника Божія, богоизбраннаго Царя? Что неприкосновеннѣе его жизни, съ которою такъ крѣпко связана жизнь всего отечества? Что обязательнѣе богоуставленной и Богомъ благословенной клятвы на вѣрность Царю даже до смерти, до пролитія каждымъ изъ вѣрноподданныхъ собственной крови? Вѣдь проливая кровь нашу за Царя, мы проливаемъ ее за все, что есть для насъ на землѣ самаго священнаго, дорогаго и любезнаго, за вѣру и святыню, за храмы и могилы предковъ, за отцовъ и братьевъ, за женъ и дѣтей, за семейный очагъ и народный укладъ, насъ воспитавшій, питающій и одушевляющій и провожающій въ могилу. А Царь есть высшее священнѣйшее знамя всего дорогаго и любезнаго и священнаго для нашего сердца на нашей родинѣ. Что патріотизмъ будто есть только продуктъ превратнаго воспитанія, что всякое государство основано на насиліи, что всякая власть — насиліе, что законы — насиліе, что отправленіе правосудія — насиліе, что защищеніе отечества оружіемъ — также насиліе, — это есть нечестивое злохуленіе суемудрія, распространяющееся особенно въ послѣднее время, по всей справедливости называемое тяже-

лымъ и смутнымъ, и именно среди этихъ злосчастныхъ смутъ. Любовь къ отечеству воспитывается школою вѣковъ, вѣковѣчною школою исторіи. Камъ мы видѣли, государственное начало развилось изъ семейнаго, родоваго, церковнорелигіознаго. Какъ легко сообразить, отечество разрослось изъ семьи, изъ семей, изъ родовъ болѣе или менѣе отъ одного корня. Между тѣмъ природа учитъ сына любить отца, учитъ внука любить дѣда, учитъ потомство чтить и любить и хранить завѣты родоначальниковъ, поддерживать духъ предковъ, соблюдать ихъ вѣру и священныя преданія и предавать ихъ заботливой любви и береженью своихъ дѣтей и внуковъ. Отсюда любовь къ отечеству. Сынъ, по закону естественному, человѣческому и божественному, покорствуетъ отцу, внукъ дѣду, потомки родоначальникамъ, на-родъ (то, что на-родилось отъ старѣйшихъ) первенствующимъ родамъ, дѣлавшимъ исторію народа; всѣ старѣйшіе и юнѣйшіе, высшіе и низшіе, главенствующему роду, избранному Промысломъ для веденія судебъ государства. Все это установилось само собою, все это вытекло изъ родоваго начала, освящено народною вѣрою, завѣтами и преданіями; все это превратилось въ скрытно лежащій или даже явный и гласный народный договоръ, скрѣпленный общенародною присягою. Вѣдь всякій нарождающійся человѣкъ, сознательно—безсознательно, открыто или подразумѣвательно, но несомнительно, принимаетъ этотъ обще-народный договоръ, когда ростетъ и воспитывается, живетъ и идетъ въ могилу въ средѣ этого народа. Вѣдь всякій больше или меньше воленъ, какъ и распространители суемудрія, какъ напр. графъ Левъ Толстой, воленъ же пойти на границу и за границу Монголо-Манчжурскихъ степей, оставивъ сзади за собою все, до послѣдней срачицы, всуе данное ему до сихъ поръ народомъ, который налагаетъ на его личную волю будто бы насиліе своей собирательной воли. Вѣдь всякая присяга на вѣрность Государю есть свободнѣйшее и свя-

тѣйшее проявленіе воли каждаго вѣрноподданнаго, воли, во свидѣтеля которой онъ, предъ лицемъ всего міра, предъ лицемъ церкви земной и небесной, призываетъ сердцевѣдца Бога; а обще-народная присяга есть святѣйшее выраженіе общенароднаго договора, въ святость котораго народъ выражаетъ въ храмѣ Господнемъ свою вѣру и обѣтъ вѣрности и во свидѣтеля своей совѣсти призываетъ того же сердцевѣдца Бога, предъ лицемъ той же церкви земной и небесной. Посмотрѣлъ бы Левъ Толстой, прислушался бы русскимъ сердцемъ, если таковое у него не совсѣмъ высохло, къ обще-народному русскому сердцу, съ какимъ восторгомъ, подымая свои ученки къ небу, присягали малыя дѣти, по убіеніи Александра II, на вѣрность его сыну Александру III. Нѣтъ, это не насиліе. Послушалъ бы онъ, русскій графъ Левъ Толстой, какъ разсуждали тогда объ убійцахъ мученика Царя, вообще о бунтовщикахъ противъ русскаго Царя, провозглашающихъ царскую власть насиліемъ, всѣ добрые русскіе люди. Такъ это не насиліе, а это общенародный договоръ. Это общенародный духъ, народная душа. И только дряблость нѣкоторыхъ круговъ терпитъ подобныя неслыханныя отъ начала міра хулы на законность богопоставленной власти, такъ какъ безъ власти нѣтъ народной жизни, безъ власти народная смерть.

Но присяга на вѣрность государственной власти ведетъ къ убійствамъ враговъ народа, внѣшнихъ и внутреннихъ. Вѣдь всѣ народы братья. Вѣрно. Богу угодно, чтобы я любилъ ближняго, какъ самаго себя. Но Богу же угодно было дать такой естественный законъ, что *никтоже когда плоть свою возненавидѣ, но питаетъ и грѣетъ ю.* Богу же угодно, чтобы каждый любилъ и берегъ своихъ родителей, жену, дѣтей, братьевъ больше, чѣмъ чужихъ. По апостолу Павлу, *кто о присныхъ нерадитъ, тотъ вѣры отвергся и невѣрнаго горшій есть.* Притчею о милосердомъ Самарянинѣ Христосъ поучаетъ, что ближній человѣку всякій другой чело-

вѣкъ, несмотря на принадлежность къ своему ли, къ чужому ли племени и народу; однако ближній для меня по преимуществу тотъ, кто сотворилъ милость со мною, какъ самарянинъ съ израненнымъ евреемъ, кто обязалъ меня признательностью и взаимностію. Кто творитъ мнѣ добро, тому я обязанъ большею любовію и признательностью. Къ своему присному я обязанъ большею привязанностью, чѣмъ къ чужому. Всякій русскій, съ которымъ поставила меня судьба въ родственно-народныя сношенія, долженъ быть ближе для меня, чѣмъ китаецъ, или ново-зеландецъ, или нубіецъ, или патагонецъ, съ которыми я никогда не вижусь и никакъ не соприкасаюсь. Христосъ запрещаетъ убійство, запрещаетъ войну? Убійство— да, запрещаетъ, но войну нигдѣ не запрещаетъ, какъ не запрещаетъ атмосферныя бури, изверженія вулкановъ, землетрясенія или наводненія. Это зло, но міровое, неотвратимое. *Егда услышите брани и слышанія бранемъ, зрите, не ужасайтеся.* По слову Христову, брани будутъ до кончины міра, если не отъ насъ, учениковъ Христовыхъ, то на насъ отъ враговъ Христовыхъ, какъ напоръ злыхъ стихійныхъ силъ. Всѣ коварные толки враговъ Христовыхъ о томъ, что Христосъ не велѣлъ воевать, сводятся лишь къ тому коварному выводу, что вѣрные Христу не должны отражать нападенія враговъ, а должны отдать на ихъ полную волю себя и своихъ дряхлыхъ отцевъ, слабыхъ женъ и малыхъ дѣтей, на опозореніе и искорененіе рода нашего, отдать свои храмы на разореніе, свою святыню на поруганіе, свою святую вѣру на попраніе, свою народную честь на злорадное посмѣяніе, на втоптаніе въ грязь. И блистательный примѣръ этому — австралійскіе островитяне, которыхъ бѣлая англосаксонская раса забрала въ свои руки, ограбила и мало-по-малу извела до конца. Да примѣръ тому и всѣ коренные американцы, теперь почти совсѣмъ искорененные бѣлою европейскою расой.

Христосъ не велѣлъ убивать даже преступниковъ, напримѣръ блудницу, ятую въ прелюбодѣяніи? Когда Пилатъ сказалъ Христу: *не вѣси ли, яко власть имамъ распяти Тя и власть имамъ пустити Тя?* Христосъ ему отвѣтствуетъ: *не имаши власти ни единыя на Мнѣ, аще не бы ти дано свыше.* Не имѣлъ Пилатъ власти надъ духомъ Христовымъ, потому что духъ человѣческій всегда принадлежитъ только тому, иже даде его, т. е. Богу; не имѣлъ и надъ жизнью Христовою, по-скольку Христосъ не совершилъ преступленія достойнаго смерти. Тѣмъ не менѣе Пилату, его политическимъ расчетамъ и страхамъ собственнаго самосбереженія, попущено было свыше исполнить планъ Божія домостроительства — убить Іисуса. Не будь на своемъ мѣстѣ Пилатъ, былъ бы на его мѣстѣ другой, а судьба Божія совершилась бы неотложно. Но Пилатъ оказался предъ Богомъ и совѣстью нечистъ въ томъ, что, имѣя отъ Бога власть и распяти и пустити, и самъ сознавая эту власть, согласился распять неповиннаго. Воины же, исполнители казни надъ Христомъ, оказались нечисты предъ Богомъ и совѣстью тѣмъ, что присоединили къ казни неповиннаго злорадство, издѣвательства, истязанія, но и они были неповинны за исполненіе повелѣнной казни. Вообще-же у Христа въ евангеліяхъ мы нигдѣ не встрѣчаемъ ни тѣни осужденія на отправленіе правосудія; видимъ укоры только на судей неправедныхъ. Блудницу Христосъ не повелѣлъ казнить именно потому, что казнь въ этомъ случаѣ была бы несоразмѣрна проступку, такъ какъ между обличителями грѣшницы не оказалось ни одного достойнаго кинуть въ нее первый камень, напротивъ, всѣ они ушли, обличаемые въ совѣсти. Однажды (Лук. 13, 1—5), разсказали Господу Іисусу о галилеянахъ, которыхъ кровь Пилатъ смѣшалъ съ жертвами ихъ, повелѣвъ избить ихъ у самаго жертвенника во храмѣ. Разсказчики, очевидно, думали услышать отъ Господа слово осужденія на Пилата

и состраданія къ несчастнымъ. Что же Христосъ? Не выразилъ ни того, ни другаго. Іисусъ сказалъ имъ на это: *„думаете ли вы, что эти Галилеяне были грѣшнѣе всѣхъ Галилеянъ, что такъ пострадали? Нѣтъ, говорю вамъ. Но если не покаетесь, всѣ также погибнете“*. Это значило, что тѣ погибли по своей винѣ за свои грѣхи, а Пилатъ, предавъ ихъ смерти, праведно-ли неправедно-ли съ точки зрѣнія человѣческаго правосудія, исполнилъ волю Божію, исполнилъ мѣру правосудія божественнаго. Видимъ мы далѣе, что въ притчахъ своихъ Христосъ сравниваетъ даже своего небеснаго Отца съ правосуднымъ и даже гнѣвнымъ царемъ, который лишаетъ повинныхъ чести и всего достоянія, продаетъ жену и дѣтей жестокосердаго заимодавца, ввергаетъ въ темницы и во тьму кромѣшную, избиваетъ убійцъ и градъ ихъ зажигаетъ. Да и самъ Онъ, по страшномъ судѣ, отошлетъ отверженныхъ и проклятыхъ въ геенну огненную, идѣ-же скрежетъ зубовъ, несмолкающій стонъ и вопль муки, идѣ-же червь не умираетъ и огнь не угасаетъ, откуда дымъ и смрадъ мученія грѣшниковъ восходитъ во вѣки вѣковъ... Увы! Правосудіе неумолимое, но правосудіе божественное! Подите, отрицайте его. Отрицая его, вы будете отрицать все евангеліе, все божественное откровеніе.

Такимъ же и еще большимъ безумiемъ было бы сказать, будто бы преступника не должно наказывать не только смертію, но и никакъ. До послѣднихъ дней никто не оспоривалъ у отца естественное право наказать свое дитя, вообще своего семьянина, за проступокъ или преступленіе. Пусть съ теченіемъ времени это право ограничено законами, но не отнято, какъ совершенно естественное. Отсюда же изъ родоваго права, освященнаго религіею, произошло право и начальниковъ общинъ наказывать общинниковъ за проступки и преступленія. Не только христіанство, но и все человѣче-

ство не знало человѣка безъ свободы воли, не знало закона, какъ случайнаго произвольнаго созданія человѣческаго ума, а не прирожденнаго голоса совѣсти; не знало и преступленія безъ вмѣненія. Христіанство, да и все человѣчество не знало преступленія, которое не было бы болѣзнью души, которое не требовало соотвѣтственнаго лекарства и не влекло-бы болѣзненныхъ послѣдствій для своего виновника. Отсюда наказаніе, и какъ врачевство, и какъ возмездіе за проступокъ, какъ чувствительно непріятное послѣдствіе для виновника, особенно же безчувственнаго. Кромѣ того, никакимъ умничаньемъ нельзя оспорить у меня право оттолкнуть человѣка, наступившаго мнѣ на больную ногу. Никакимъ умничаньемъ нельзя оспорить у меня естественное право, проистекающее изъ самаго естественнаго неотвратимаго побужденія, взяться за оружіе, чтобы отразить врага, нападающаго на меня оружіемъ. Но это естественное право самозащиты превращается для меня и въ долгъ, когда я призванъ защищать другаго, когда я отецъ семьи, когда родоначальникъ, когда начальникъ общины, когда я защищаю жену, дѣтей, всякую попранную невинность, всякую угнетенную насиліемъ слабость, или поруганную нахальствомъ святыню. При этомъ врагъ, нападающій оружіемъ, и кровопролитіемъ, естественно самъ вызываетъ противъ себя оружіе и кровопролитіе. Преступникъ, наносящій обиду другому, всячески вызываетъ естественное отраженіе обиды. Око за око, зубъ за зубъ, кровь за кровь, — искони вѣка было основой естественнаго правосудія. Можно ограничивать это коренное требованіе правды, можно смягчать, еще лучше возмѣщать чѣмъ-либо соотвѣтственнымъ, какимъ-либо другимъ, менѣе непоправимымъ и болѣе цѣлесообразнымъ возмездіемъ; но отмѣнить, но уничтожить этотъ прямой голосъ правды никакими умствованіями невозможно. Такъ уже Каинъ, проливши первую неповинную кровь на землю, самъ собою по-

стигъ непреложность этой простой правды, когда выражаетъ опасеніе, что всякій, кто встрѣтится съ нимъ, сочтетъ себя въ правѣ, сочтетъ даже своимъ долгомъ убить и его, Каина, какъ убійцу. Уже тогда изъ глубины его мятущагося духа раздался незаглушимый голосъ совѣсти, читающей написанный огненными литерами на скрижаляхъ сердца приговоръ: кровь за кровь! смерть за смерть! убійство за убійство! съ прибавкою вѣчнаго проклятія на перваго убійцу... На главы народовъ и царствъ, по духу божественнаго откровенія, Промысломъ Божіимъ возложенъ долгъ не только защищать подвластныхъ имъ отъ всякихъ обидъ, но и очищать общества отъ зла, чтобы злодѣйства, привлекающія клятву на земли и народы, въ нихъ не скрывались и не заражали общественный организмъ. *Измите злаго отъ васъ самихъ, Азъ Господь Богъ ваша*, глаголетъ самъ Господь, повторяясь многократно. *Мнѣ отмщеніе, Азъ воздамъ, глаголетъ Господь. Яко судитъ Господь людемъ своимъ* (Евр. 10, 30).

Можетъ-ли государство казнить, вообще карать общественными карами за убѣжденія совѣсти? Трудный вопросъ, на который исторія дала такой отвѣтъ. До исхода тридцатилѣтней войны, еще ближе—до начала первой французской революціи, всѣ государства считали себя обязанными карать заблужденія, касающіяся цѣлости господствующей вѣры, по праву божественному, по духу божественнаго откровенія, какъ ветхозавѣтнаго, гдѣ такъ много каръ положено было на нечестіе дѣла и мысли, такъ и новозавѣтнаго, которое указываетъ примѣры промыслительныхъ каръ, разразившихся не только надъ духомъ, но и надъ тѣломъ нечестивцевъ, надъ самою ихъ жизнію. Почему въ законодательствѣ всѣхъ христіанскихъ государствъ, въ самой его основѣ, заложены законы, ограждающіе цѣлость и нерушимость господствующей христіанской вѣры. Но, конечно, къ несчастію народовъ, исторія показала, что писанные законы, ограждающіе цѣ-

лость вѣры, способны терять силу и удобопримѣнимость, когда падаетъ религіозный духъ народовъ. Паденіе народнаго духа и основанной на немъ силы законовъ есть всегда роковой признакъ для жизни народовъ. Свидѣтельница этому непререкаемая—та же исторія народовъ. Такъ, пока былъ крѣпокъ религіозный духъ греко-римскаго міра, этотъ міръ росъ и мужалъ и поборалъ весь міръ. Но когда потухъ этотъ духъ, тогда самый народъ римскій сталъ гнить и разлагаться. И великій Константинъ тѣмъ между прочимъ и великъ, что проникъ своимъ государственнымъ умомъ, руководимымъ и небесными знаменіями, что на гниломъ основаніи римско-языческаго духа, лежащей въ его основѣ языческой религіи и вытекшихъ изъ него законовъ уже нельзя созидать счастіе подвластныхъ Риму народовъ. Оттого Константинъ и сталъ христіаниномъ и основателемъ новаго Рима, новой имперіи, просуществовавшей съ тѣхъ поръ еще цѣлое тысячелѣтіе, хотя и среди непрестанной борьбы съ врагами. Какъ въ Греціи, такъ и въ нашемъ отечествѣ православная восточная церковь сочувствовала не карамъ противъ иновѣрія и инославія, а духу народа, крѣпко охранявшему цѣлость единой истинной Христовой вѣры. Какъ въ византійской имперіи, такъ и въ русскомъ государствѣ бывали только попытки преодолѣть ново-возникавшее суемудріе и извращеніе вѣры общественными карами. Въ византійской, какъ и въ древне-римской имперіи, церковь не столько поощряла это направленіе государственной власти, сколько страдала отъ него сама, въ римской имперіи отъ императоровъ язычниковъ, а въ византійской отъ императоровъ еретиковъ; почему церковь всегда настаивала на свободѣ совѣсти противъ насилія государственной власти для себя. А настаивая для себя, вмѣстѣ съ тѣмъ сама же отстаивала свободу совѣсти въ дѣлѣ вѣры и для другихъ. Усвоять православной церкви крайности западно-латинской церкви въ преслѣдованіяхъ за

вѣру — это величайшая историческая неправда. Сама же латинская церковь, испробовавъ всѣ крайне жестокія мѣры для подавленія свободомыслія и ересей, своимъ поразительнымъ примѣромъ и доказала, что эти мѣры не только безплодны, но и вредны для самой церкви, не касаясь уже того, что несогласны съ духомъ Христовымъ, съ духомъ Новаго завѣта, который выразился между прочимъ въ притчѣ Господней о плевелахъ: *ни, да не, когда восторгающе плевелы, восторгнете купно съ ними и пшеницу. Оставите обое расти купно до жатвы...* Латинская церковь много погрѣшила противъ этой заповѣди Господней, сколько кроткой, столько жъ и божественно-мудрой и предусмотрительной. За то-жъ она и наказана отпаденіемъ цѣлой своей половины въ реформацію.

Потому-то въ нашемъ россійскомъ государствѣ никогда не было и нѣтъ гоненій на чужія вѣры, на язычниковъ, евреевъ, магометанъ, римскихъ католиковъ, протестантовъ. Даже противъ своихъ собственныхъ разномыслящихъ, которые разновременно возникали изъ нѣдръ собственно русскаго православнаго люда, были только попытки вразумленія карательными мѣрами, да и тѣхъ было почти только двѣ, одна противъ еврействующихъ еретиковъ въ древней Руси, а другая противъ раскольниковъ. Первая привела къ преслѣдуемой цѣли, по неуглубленности въ русскомъ духѣ еврействующаго лжеученія. Послѣдняя же, увы! только отдалила отъ цѣли. И пришли какъ церковь, такъ и государство къ убѣжденію, что карательныя мѣры вразумленія въ дѣлахъ вѣры, при всей своей законности, основываясь даже на самыхъ коренныхъ государственныхъ законахъ, нецѣлесообразны. По крайней мѣрѣ, нецѣлесообразны при современномъ направленіи какъ обще-народнаго нашего, такъ и обще-европейскаго, такъ и обще-человѣческаго духа. Духъ этотъ, увы! развивается, по крайней мѣрѣ, въ особо культурномъ хри-

стіанскомъ мірѣ, въ особо культурныхъ кругахъ, въ антирелигіозномъ направленіи.

Благо или зло—развитіе духа человѣческаго въ направленіи анти-религіозномъ? Для христіанскаго міра, для русскаго царства—безспорное зло. Окиньте взоромъ кругомъ и около всю арену, на которой живетъ и движется человѣчество. Какіе народы стоятъ прочно? Вотъ вѣрный своимъ народнымъ преданіямъ Китай простоялъ тысячелѣтія. Вотъ вѣрный религіозному духу отцовъ Индостанъ простоялъ тысячелѣтія и стоитъ, упорно не поддаваясь преодолѣвающему политическому и военному преобладанію своихъ христіанскихъ завоевателей. Вотъ упорно держащійся своего корана и пророка, крѣпнетъ и растетъ, безъ усилій пріобрѣтая милліоны прозелитовъ, міръ магометанскій, питая въ себѣ не шуточную угрозу противъ міра христіанскаго. Между тѣмъ и магометане вырождаются въ тѣхъ странахъ, гдѣ заражаются европейскою культурой. Особенно же поразительное зрѣлище: вотъ еврейскій міръ, вѣрный до смерти закону Моисея, истолкованному талмудомъ, несмотря на неизмѣримую громаду гоненій, законныхъ и беззаконныхъ со стороны христіанъ, мѣрно, но вѣрно силится покорить себѣ все христіанское человѣчество, преспокойно загребая въ свои сокровищницы все золото земли, все богатство народовъ, весь плодъ потоваго трудъ всего человѣчества, всѣ номинальные знаки всѣхъ цѣнностей всего міра. Американскія свободолюбивыя государства, свободомысленныя по происхожденію, только вчерашнія; они никому еще не могутъ преподать историческаго примѣра и урока. Мы видѣли, что громаднѣйшее изъ нихъ чуть не развалилось въ наши дни отъ одной междоусобной войны. Мы видимъ, что среди европейскаго человѣчества гордо выситъ уязвимую, но несокрушимую голову соціалистическій анархизмъ. Мы видимъ и слышимъ, увы, что и въ нашемъ отечествѣ хульники, отважно возставшіе на Бога отцовъ сво-

ихъ, возстали и на Христа Его. Мы давно твердили, что одно съ другимъ здѣсь тѣсно связано. Намъ не вѣрили. Теперь увѣрились. Люди русскіе, враждебные уже полтора вѣка вѣрѣ и вѣрности отцовъ, надѣвавшіе однако же личину любезности и низкопоклонства предъ попускавшею, иногда даже потакавшею имъ властію, теперь снимаютъ свою личину... Теперь они то явные, то больше скрытные враги, противъ которыхъ сила безсильна. Теперь они сами сила, несокрушимая въ своей неуловимости, и имя имъ, увы, не легіонъ-ли?! яко бѣси мнози внидоша въ онь. Теперь они взываютъ къ перевороту у насъ, какъ и въ Европѣ. И не чувствуется-ли, что этотъ переворотъ стучится у воротъ, по крайней мѣрѣ въ передовыхъ странахъ Европы—во Франціи, въ Германіи, въ Англіи? Столѣтіе французской революціи пока еще не исполнилось, исполнится только въ 1889 году.

Только этимъ разложеніемъ христіанскаго духа и укрѣпленіемъ анти-христіанскаго можно объяснить отвагу, съ какою поклоняемый у нѣкоторыхъ нашихъ анти-христіанскій авторитетъ шумитъ, выражая изумленіе по тому поводу, что „люди хлопочутъ, чтобъ другіе пользовались непремѣнно этой, а не иной формой откровенія“; что „требуютъ, чтобы всѣ вѣрили, какъ они“; что вѣръ цѣлыя сотни, а каждая домогается того же, что составляетъ очевидную поразительную безсмыслицу“; что „вѣра есть отношеніе съ Богомъ, устанавливаемое каждымъ человѣкомъ,—каждый самъ собою устанавливаетъ свое отношеніе къ Богу; онъ знаетъ истину истинъ, какъ и я знаю истину истинъ; выраженіе ихъ можетъ быть различно, сущность ихъ должна быть одна и та же; почему и учить вѣрѣ нельзя, а можно только обману вѣры; заставить другаго измѣнить его вѣру я не могу ни насиліемъ, ни хитростію, ни обманомъ, такъ какъ нельзя ничѣмъ заставить человѣка вѣрить въ то, во что онъ не вѣритъ; люди навязываютъ другимъ подобіе вѣры, т. е. об-

манъ вѣры; вѣра не можетъ быть принимаема ради чего-нибудь—насилія, обмана, или выгоды, а потому это не вѣра, а обманъ вѣры и т. п.

Помутившійся въ умѣ человѣкъ бредитъ, а его слушаютъ не только хладнокровно, но нѣкоторые и подобострастно. Онъ говоритъ противъ психологіи и всяческой логики, противъ исторіи и ежедневнаго опыта, и предъ нимъ преклоняются. Вопреки логикѣ и психологіи, онъ смѣшиваетъ вѣру, какъ убѣжденіе, какъ душевное состояніе, съ вѣрою, какъ ея содержаніемъ, въ которое человѣкъ вѣритъ. Смѣшиваетъ, выражаясь философскимъ языкомъ, субъективную, личную сторону вѣры съ объективною, предметною стороною той же вѣры, и употребляетъ одно понятіе вмѣсто другаго. Противъ исторіи, противъ опыта, противъ здраваго смысла говоритъ, что учить вѣрѣ нельзя. Отчего же? Учатъ же вѣрѣ, и какъ содержанію вѣры, учатъ, что должно вѣровать, какъ и во что вѣровать, дѣтей, простецовъ, дикарей, учатъ всѣхъ. Всякій въ дѣтствѣ своемъ все принимаетъ на вѣру. Скажи ребенку благоговѣйно и разумно, во что и какъ онъ долженъ вѣровать, и онъ будетъ вѣровать въ то, и такъ всю свою жизнь. Каждый самъ собою устанавливаетъ свое отношеніе къ Богу, — гдѣ же это видано? Если рѣчь идетъ о томъ, чему и какъ человѣкъ долженъ вѣровать о Богѣ, то этому учатъ обыкновенно всѣхъ и каждаго другіе. А затѣмъ, конечно, каждый устанавливаетъ свое внутреннѣйшее отношеніе къ Богу во внутреннѣйшемъ, недоступномъ для другаго человѣка, святилищѣ своей души. Но каждому же во всякомъ обществѣ помогаютъ въ этомъ направленіи и другіе, старѣйшіе, опытнѣйшіе, святѣйшіе. И до сихъ поръ исторія пока еще не знала мало-мальски культированнаго общества, въ которомъ старѣйшіе не помогали бы юнѣйшимъ устанавливать свои отношенія къ Богу посредствомъ ученія и руководства, посредствомъ религіозныхъ и общественныхъ

учрежденій. Новѣйшему лжеучителю этотъ общій въ человѣческомъ родѣ порядокъ, конечно, не нравится. Но такой порядокъ былъ, есть и, конечно, всегда будетъ. Нельзя отнять вѣру у другаго? Нельзя. Нельзя заставить его вѣрить въ то, во что онъ не вѣритъ? Нельзя. Но можно перемѣнить и обыкновенно перемѣняютъ вѣру другихъ убѣжденіемъ. Напримѣръ, дикарь обмазываетъ сметаною губы идола, думая угодить ему; древній эллинъ приносилъ студныя жертвы Пріапу, Венерѣ, противоестественному сладострастнику Юпитеру; древній финикіецъ или карѳагенянинъ сожигали разомъ цѣлыя сотни своихъ дѣтей кровожадному Молоху. И всѣмъ этимъ безумцамъ растолковано, чему они и повѣрили, что дѣлать такъ не годится, что единый истинный всесвятый Богъ безконечно выше свирѣпаго Молоха, легкомысленнаго блудливаго Юпитера и ничтожнаго сибирскаго какого-либо бурхана. „Люди безъ вѣры, посредствомъ наученія или насилія, посредствомъ хитрости или обмана, принимаютъ не вѣру, а подобіе вѣры, или обманъ вѣры". Допустимъ даже и нѣкоторую долю принужденія, хотя въ дѣлѣ присоединенія къ вѣрѣ всякій здравомысленный, ревнующій о благѣ и чести своей церкви, ревнующій о славѣ Божіей и пользѣ присоединяемыхъ, всякій здравомысленный проповѣдникъ постарается всячески избѣжать всего предосудительнаго. По крайней мѣрѣ наша истинно-православная церковь никогда не поощряла, въ распространеніи вѣры Христовой, ни хитростей, ни обмановъ, ни насилій. Но что же бываетъ? Человѣкъ, перемѣнившій свою вѣру по убѣжденію, иногда даже при нѣкоторой долѣ принужденія, впослѣдствіи становится самымъ горячимъ прозелитомъ. Развѣ самъ апостолъ Павелъ покорился Христу не по особому промыслительному принужденію? А между тѣмъ сталъ апостолъ Павелъ! Бываетъ, что люди, принявшіе вѣру по какимъ-либо расчетамъ, впослѣдствіи показываютъ и сами приверженность къ новой

вѣрѣ самую неуклонную, а въ дѣтяхъ своихъ воспитываютъ самыхъ искреннихъ прозелитовъ, такъ-что въ первомъ, второмъ поколѣніи потомство ихъ совершенно перерождается.

Странно, что люди хлопочутъ навязать другимъ свою вѣру, чтобы другіе пользовались именно этой, а не иной формой откровенія, что, будто бы, составляетъ очевидную, поразительную безсмыслицу". Очевидная поразительная безсмыслица заключается здѣсь не въ этой будто бы странности, что люди хлопочутъ объ этомъ, а въ томъ, что человѣкъ, мнящій себя не только мыслящимъ, но и христіански мыслящимъ, видитъ въ этомъ странность. Святые апостолы, первые христіанскіе проповѣдники видѣли, напр., что ихъ образованные современники продолжаютъ еще приносить свои студныя жертвы Пріапу и Венерѣ, или кровавыя жертвы Молоху, видѣли и внушали свое христіанское евангеліе. Значитъ, это они странно поступали?! Нынѣшній сибирскій миссіонеръ видитъ, что полудикарь-инородецъ сегодня намазываетъ своему бурхану губы сметаною, съ поклономъ, а завтра того же бурхана сѣчетъ съ азартомъ розгами. Миссіонеръ внушаетъ полудикарю святое евангеліе Христово, — это онъ странно же поступаетъ?! Католическій миссіонеръ видитъ, что островитянинъ-австраліецъ, или первобытный американецъ сожигаетъ въ жертву богамъ человѣка, а потомъ самъ доѣдаетъ его въ религіозномъ пиршествѣ. Миссіонеръ раскрываетъ этому людоѣду Христово евангеліе, — и онъ странно же поступаетъ?! Вотъ англичане своими законами и казнями запрещаютъ индійцамъ кидаться подъ колесницу своего свирѣпаго бога и гибнуть подъ колесами; а свободомыслящіе сѣверо-американцы внушаютъ мормонамъ Христову заповѣдь одноженства даже посредствомъ пушекъ. Или вотъ наши законы предписываютъ мѣропріятія противъ скопцовъ, въ видахъ огражденія другихъ отъ ихъ изувѣрствъ. И

всѣ они стали равно виноваты предъ русскимъ помутившимся лжеучителемъ.

Нашъ лжеучитель „знаетъ истину истинъ“, и скопецъ, или индійскій изувѣръ душитель, или американскій людоѣдъ, знаютъ, каждый для себя, свою истину истинъ? Позвольте же. Что эти трое знаютъ не только истину, но даже истину истинъ, въ этомъ мы съ вами не только не сговоримся никогда, но считаемъ излишнимъ и сговариваться. А позвольте васъ спросить самихъ о вашей собственной истинѣ истинъ? Вы не хотите говорить о браминизмѣ, буддизмѣ, конфуціанствѣ, магометанствѣ; вы выставляете исключительно христіанство, какъ „вѣру вамъ извѣстную, нужную и дорогую“. Позвольте же, нельзя-ли опредѣленнѣе. Какое вы христіанство изволите разумѣть? Да. Вамъ угодно разумѣть христіанство безъ догматовъ, съ однимъ нравственнымъ ученіемъ. „Все ученіе христіанское“, по словамъ лжеучителя, „распадается на два отдѣла: ученіе о догматахъ и на нравственное ученіе“; „какъ ни старались“,—по его словамъ,—„учители церкви смѣшивать эти двѣ стороны ученія, онѣ никогда не смѣшивались, какъ масло и вода; своими догматами христіане служатъ діаволу, а не Богу; Христосъ прямо говорилъ, что Онъ пришелъ разрушить всѣ догматы“. Начнемъ же съ вопроса, гдѣ Христосъ говорилъ, что Онъ пришелъ разрушить всѣ догматы? Нигдѣ ничего подобнаго Христосъ не говорилъ; совершенно обратное: *не пріидохъ разорити законъ или пророки, но исполнити* (восполнить, довершить); *іота едина или едина черта не прейдетъ отъ закона* (откровенія Божія). Во всѣхъ евангеліяхъ Христосъ разъясняетъ догматы о своемъ небесномъ Отцѣ, о Божіемъ Промыслѣ, о своемъ божественномъ посланничествѣ, о Святомъ Духѣ и Его дарахъ, о будущей жизни, о своемъ воскресеніи, о страшномъ судѣ, о таинствахъ крещенія и евхаристіи и т. д. Евангеліе же отъ Іоанна все исполнено возвышеннѣйшаго догматиче-

скаго богословствованія; почему Іоаннъ и наименованъ Богословомъ. А вѣдь нашъ лжеучитель пользуется евангеліемъ отъ Іоанна, какъ и прочими тремя, т. е. искажаетъ его, какъ и всѣ евангелія. Для лжеучителя, да, „открытъ первый смыслъ евангелія, отрицающаго всякіе догматы". Точнѣе — открытъ самоизмышленный смыслъ евангелія потому, что лжеучитель самъ сочинилъ евангеліе; а до сихъ поръ, въ продолженіе почти 19 вѣковъ, никто не догадался это сдѣлать. Въ старые годы дѣлали это развѣ Маркіонъ и другіе сумасбродные еретики гностики, которые теперь совсѣмъ забыты, какъ и евангелія ихъ. Догматы христіанства никакъ не вяжутся съ нравственными заповѣдями? Лжеучителю угодно утверждать такой абсурдъ, который никому пока не приходилъ въ голову. Самъ Христосъ Спаситель, во всѣхъ четырехъ евангеліяхъ, связалъ свое догматическое ученіе съ своимъ нравственнымъ ученіемъ. Кто же посмѣетъ раздѣлить то, что связалъ самъ Христосъ? Поомѣлъ сочинитель новаго евангелія! О, противъ такой дерзости, въ наши дни, силенъ только судъ Божій. Такая дерзость отважится и отважитъ на многое, на все. „Всѣ-ли согласны въ какихъ-бы то ни было догматахъ"? спрашиваетъ лжеучитель, и отвѣчаетъ: „нѣтъ. Всѣ-ли согласны въ нравственныхъ правилахъ? Всѣ", отвѣчаетъ. Нѣтъ, отвѣчаемъ мы, не всѣ согласны и въ нравственныхъ правилахъ. Возьмемъ сущность этихъ правилъ, якобы извлеченныхъ г. Львомъ Толстымъ изъ заповѣдей христіанства. Не противься злому? Съ толкованіемъ этой заповѣди у Льва Толстаго несогласны ни православные, ни нигилисты, два противные полюса. Не прелюбодѣйствуй? Съ толкованіемъ его-же, въ смыслѣ принадлежности одного изъ супруговъ на всю жизнь одному мужу или одной женѣ, несогласны ни нигилисты, ни даже православные, у которыхъ разрѣшаются второй и третій браки, разрѣшается бракъ и прелюбодѣямъ до браку. Не клянись? Несогласенъ никто.

Не судись? Несогласенъ никто. Зачѣмъ же онъ проповѣдуетъ такія нелѣпости, срамя себя и людей, которые его слушаютъ и слушаются? Возьмемъ заповѣди наиболѣе трогательныя, христіанскія упражненія наиболѣе или возвышенныя или болѣе обычныя, напримѣръ заповѣдь о томъ, чтобы просящему дать, или обѣтъ удаленій въ пустыни для общенія съ Богомъ, или обычай подавать калачи въ острогъ,—заповѣди и упражненія, которыя лжеучитель выставляетъ особенно, настаивая, что относительно нравственнаго ихъ характера согласны всѣ. Нѣтъ, не всѣ согласны. Удаляться въ пустыню, говорятъ, безумно и противоестественно,—противоестественно отымать себя у общества человѣческаго, обрекать свою природу на безплодіе для человѣчества. Подавать просящимъ нужно, говорятъ, не всякому, не всяко; попрошайкамъ, нищимъ по ремеслу, говорятъ, подавать безнравственно. Подавать калачи въ острогъ — нѣтъ, говорятъ, не только не нравственно, но и гибельно для народной нравственности, такъ какъ часто острожники говорятъ, что въ острогѣ кормятъ ихъ такъ, какъ дома не кормятъ и въ свѣтлый день Пасхи. Однимъ словомъ, всякое нравственное правило христіанства подвергалось еще большимъ пререканіямъ, чѣмъ догматъ. Современная же философская мораль отвергаетъ цѣлую, даже большую и высшую, внутреннюю половину евангельскаго нравственнаго ученія объ обязанностяхъ къ Богу и самому себѣ, о внутреннемъ очищеніи духа, о восхожденіи къ Богу, ограничивая долгъ человѣка такъ называемымъ альтруизмомъ, обязанностями человѣка только къ другимъ людямъ: чего не желаешь себѣ, не твори другому, и обратно, что въ исполненіи можетъ быть совершенно безнравственно съ евангельской точки зрѣнія. Лжеучитель провозглашаетъ христіанство безъ догматовъ. А спросимъ: возможно ли какое бы то ни было вѣроученіе безъ догматовъ, напримѣръ даже отрицательное буддійское, даже нигилистическое, даже

будто-бы христіанское, а на дѣлѣ антихристіанское ученіе г. Льва Толстаго? Вѣдь и у него есть свои догматы: 1) что истинно только его евангеліе; 2) что Іисусъ не Божій Сынъ, а простой человѣкъ; 3) что человѣкъ есть сынъ безконечнаго начала, сынъ Отца, но не личнаго Бога, сынъ не плотью, а духомъ; 4) человѣкъ долженъ служить этому началу, Отцу и Богу (не личному) духомъ (не таинствами, не богослуженіемъ, не молитвами); 5) жизнь всѣхъ людей имѣетъ божественное начало, она одна свята; 6) истинная жизнь есть только въ каждый мигъ настоящаго; обманъ жизни во времени, жизни прошедшаго и будущаго, т. е. вѣра въ вѣчность личнаго Бога, какъ и надежда на личное безсмертіе, скрываетъ отъ людей истинную жизнь настоящаго; 7) истинная жизнь есть жизнь настоящаго, общая всѣмъ людямъ, жизнь Сына человѣческаго; и 8) потому живущій въ настоящемъ общей жизнью всѣхъ людей, истинною жизнью Сына человѣческаго, соединяется съ Отцемъ, безличнымъ началомъ и основой всей жизни. Какъ же лжеучитель требуетъ отдѣленія догматовъ въ христіанствѣ истинномъ, когда даже въ ложномъ христіанствѣ г. Льва Толстаго измышленная имъ мораль тѣсно сплетена съ измышленными имъ же нелѣпыми догматами, включающими въ себѣ внутреннее противорѣчіе?

И какъ-же это „истина истинъ“ нашего лжеучителя, христіанская „истина истинъ“, столь ему извѣстная, нужная и дорогая, выходитъ у него совершенно согласною съ истиною истинъ русскаго скопца или австралійскаго людоѣда, который съѣдаетъ своего врага, зарѣзаннаго въ жертву богамъ, на религіозномъ пиршествѣ?! „Выраженіе такихъ разныхъ вѣръ можетъ быть различно“,—увѣряетъ лжеучитель,—„сущность должна быть одна и та же, – мы всѣ люди“. Выраженія вѣры русскаго скопца, австралійца, американца и индійца-людоѣда уже слишкомъ рѣзки и омерзительны сравнительно съ христіанствомъ. Такъ легко поступается настоя-

щимъ христіанствомъ странный его исповѣдникъ развѣ только потому, что „вѣра его—слова, а не то, чѣмъ онъ живетъ, наростъ, а не сердце“, и даже не наростъ, а блажь, а фальшь, а маска, а удочка для уловленія другихъ. Какимъ-же образомъ возможно въ сердцѣ у человѣка христіанство безъ личнаго Бога, безъ Христа, вѣрующаго въ безсмертіе, безъ безсмертія, безъ признанія и діавола? Чему равняются рѣчи этого неслыханнаго въ мірѣ лицемѣра, что христіане своими „догматами служатъ діаволу, а не Богу“, когда этотъ лицемѣръ не вѣритъ ни въ Бога, ни въ...? „И дѣйствительно“,—сознается этотъ вредоносный лицемѣръ,—„съ общей точки зрѣнія *всякая вѣра есть обманъ, все это есть суевѣріе*, что и доказываетъ царствующая теперь философія. Глядя съ общей точки зрѣнія, и я“ (лицемѣръ) „*не отразимо пришелъ къ признанію того, что всѣ вѣры—обманы людскіе*“. Вотъ это ясно. Оттого-то у него „ихъ сотни вѣръ“ и всѣ онѣ одинаковы. „*Сущность въ нихъ одна,—суевѣріе, обманъ*“, хотя выраженія и различны по сравнительной тупости обманывающихся и обманывающихъ людей. Оттого христіанинъ-ли, грубѣйшій-ли идолопоклонникъ, людоѣдъ-ли во славу своихъ свирѣпыхъ божествъ, это все у него одно. Оттого-то у него „*истинная вѣра можетъ быть во всѣхъ такъ называемыхъ расколахъ, ересяхъ, но навѣрное не можетъ быть только тамъ, гдѣ она соединена съ государствомъ; явно ложна только государственная вѣра*“. Но позвольте же, я совершенно охотно, всѣмъ сердцемъ принимаю вѣру истинную государственную, вѣру большинства народа, искренно находя ее лучшею всѣхъ извѣстныхъ мнѣ ересей и расколовъ, какова она и есть, вѣра моихъ отцовъ, вѣра св. отцовъ, св. мучениковъ, св. апостоловъ, самаго Христа? Вѣдь моя вѣра въ лучшую изъ вѣръ совершенно искренняя и глубока и пламенна, почему-жъ это она непремѣнно должна быть ложна?

Извѣстно, съ чего у насъ на Руси пошли и какъ встрѣтились государство и церковь. Послѣднія археологическія изысканія и этнографическія гаданія дають понять, что славяне были аборигенами Европы, что они старѣе здѣсь всѣхъ народовъ, бороздившихъ Европу въ знаменитую эпоху переселенія народовъ, что славяне жили въ Европѣ уже за 2000 лѣтъ до Р. Х. Допустимъ. Для насъ это неважно. Важно то, что славяне, въ длинную эпоху своего проживанія въ Европѣ до Рюрика, не выработали изъ себя никакого политическаго строя. Вся народная масса ихъ, нарождаясь отъ семей и родовъ, доросла только до понятія племени, остановившись на раздробленіи племенъ, которыя въ теченіи многихъ вѣковъ не успѣли срости въ одинъ народъ. Слово народъ употреблялось скорѣе въ смыслѣ небольшой массы народившихся отъ одной семьи или рода въ томъ или другомъ племени, чѣмъ въ смыслѣ народа, какъ совокупности всѣхъ народившихся отъ одного корня славянскихъ племенъ, слившихся въ одно народное тѣло. Такого славянскаго народа тогда никто, ни изъ славянъ, ни изъ инородцевъ, не видалъ, не слыхалъ, и не зналъ. Были новгородцы, полочане, кіевляне, были кривичи, вятичи, лютичи, были и славяне, какъ особое племя. Но никто не зналъ славянскаго народа. Начальники родовъ или городовъ судили и рядили своихъ сродственниковъ посредствомъ рады, круга или вѣча. Но эти круги или вѣча или рады скорѣе раздѣляли племя отъ племени, чѣмъ стягивали ихъ въ одинъ народъ. Ихъ религія, съ ея разрозненною, не установившеюся миѳологіей, безъ всякой попытки сосредоточиться даже около какого-либо трескучаго Перуна, который не имѣлъ даже такого жалкаго отношенія къ прочимъ божествамъ, какъ Зевсъ въ эллинской миѳологіи, религія безъ жреческаго сословія, безъ особо-чтимыхъ святилищъ, безъ грамоты и какого бы то ни было символа, также нимало не сближала племени съ племенемъ.

Извѣстно, что любящіе свободу, точнѣе—шатуны номады, чуть-чуть пахари, наши предки, проживъ на своихъ широкихъ земляхъ, можетъ быть, тысячелѣтія, наконецъ надумались отказаться отъ своей свободы, рѣшивъ позвать къ себѣ варяжскихъ князей съ наказомъ: „земля наша велика и обильна, а порядка въ ней нѣтъ, придите княжить и володѣть нами". Зачалось государство. Но и первобытное государство не имѣло ни личнаго, ни земельнаго центра. Рюрикъ обжился было въ Новѣ-городѣ, но Олегъ уже облюбилъ Кіевъ, а Святославъ стремился уже за Дунай въ Болгарію. Самое-же важное, Рюрикъ съ братьями принесли съ собою собственно не государственное, а семейное родовое и удѣльное начало, которое должно было скорѣе раздробить, чѣмъ сплотить русскій народъ. Вотъ тутъ-то и началась благотворная миссія святой православной церкви для русскаго народа и государства.

Не вдаваясь въ подробности, назовемъ существенныя черты этой церковно-государственной миссіи. Православная церковь принесла на Русь изъ Православной Византіи идею великаго князя, какъ Богомъ поставленнаго владыки, правителя и верховнаго судіи подвластныхъ народовъ, устранивъ славяно-варяжскую идею князя, какъ старѣйшаго въ родѣ атамана удалой, покоряющей огнемъ, желѣзомъ и дубьемъ дружины. Церковь перенесла на Русь изъ Византіи идею государства, съ устраненіемъ варяжской идеи земли съ народомъ, которую княжескій родъ можетъ дробить безъ конца, какъ удѣльную свою собственность. Церковь утвердила единство народнаго самосознанія, связавъ народы единствомъ вѣры, какъ единокровныхъ, единодушныхъ чадъ единаго Отца небеснаго, призывающихъ Его пренебесное имя на единомъ языкѣ, который съ тѣхъ поръ сталъ для всѣхъ словенскихъ племенъ единымъ, роднымъ и священнымъ языкомъ. Церковь создала сперва одно, потомъ другое дорогое

для народа святилища, въ Кіевѣ и Москвѣ, закрѣпивъ тамъ своимъ благословеніемъ, своими молитвами, сосредоточеніемъ тамъ высшихъ церковныхъ учрежденій, мѣстопребываніе всесвязывающей государственной власти. Церковь перенесла на святую Русь грамоту и культуру, государственные законы и чины византійскаго царства. Единственно только церковь была собирательницею разрозненныхъ русскихъ княжествъ, раздѣленныхъ еще больше, чѣмъ старинныя племена славянства, удѣльными усобицами. Единственно только церковь спервоначала была собирательницею русскихъ людей, князей, городовъ и земель, раздавленныхъ татарскимъ погромомъ. Церковь, выпѣстовала, выростила слабаго московскаго князя сперва до великокняжескаго, а потомъ и до царскаго величія. Пересадивъ и выростивъ на русской землѣ идею византійскаго единовластительства, церковь возложила и св. мvропомазаніе древнихъ православныхъ греческихъ царей на царя Московскаго и всея Руси. Церковь же оберегла народъ и царство и отъ порабощенія игу ляшскому въ годину смутъ самозванцевъ и общаго шатанія умовъ...

Разверзлись хульныя уста того же лжеучителя на почитаніе святыхъ мощей. Подите, кто хочетъ, любопытствующіе изыскатели, посмотрите въ подземельи великой церкви святой Кіево-Печерской лавры честныя мощи почившаго въ прошломъ столѣтіи святителя Павла, митрополита Тобольскаго, пока еще не причтеннаго къ лику святыхъ. Подите въ разные концы св. Руси, въ которыхъ почтительно хранятся мощи разныхъ святителей, также пока еще не канонизованныхъ. Подумайте, съ какимъ тщательнымъ опасствомъ открывались св. мощи святителей Митрофана Воронежскаго въ запрошлое и Тихона Задонскаго въ прошлое царствованіе. Подумайте, отчего это Богъ хранитъ десятки лѣтъ и вѣка въ нетлѣніи мощи больше монаховъ, всего чаще святителей, и непремѣнно высокой богоугодной жизни. И пере-

станьте хульники хульничать.. Русскій народъ, въ милліонахъ своей непочатой, нерастлѣнной пока Толстовскою культурою средѣ, чутьемъ чуетъ, куда ему идти на поклоненіе, для назиданія, для подражанія, туда-ли, куда народъ пока еще не ходилъ, гдѣ выживший изъ ума, всѣмъ отъ пресыщенія наскучившій баринъ, отвергающій Бога и Христа, слѣпя очи слѣпыхъ, балуется, ходя за сохою, или лѣпя печи, или тачая сапоги; или же туда, куда народъ ходитъ тысячу лѣтъ, отъ начала царства и св. вѣры на Руси, въ Кіевъ, въ Москву, въ Троице-Сергіеву лавру, или на Соловки, гдѣ преподобные отцы спасали себя и другихъ, въ пустыняхъ скитающеся, и въ горахъ, и въ вертепахъ, и въ пропастѣхъ земли, лишени, скорбяще, озлоблени, ихъ же не бѣ достоинъ весь міръ; гдѣ, люди россійскіе, сей простой черный народъ, также въ своей бѣднотѣ и чернотѣ лишени, скорбяще, озлоблени, въ пустыняхъ скитающеся, и по горамъ, и въ вертепахъ и по пропастямъ земли, видятъ свой собственный идеалъ, чернаго снаружи, но ангельски свѣтлаго въ душѣ человѣка, видятъ звѣзду внутренняго душевнаго счастія, упокоенія въ Богѣ и горней надежды, свою зарю обѣтованнаго вѣчнаго счастія въ небесахъ?! А никакъ не здѣсь, не на земной Толстовской фермѣ... Это вы тутъ деритесь, безъ Бога живаго, безъ живаго Христа, безъ надежды на небо, безъ надежды когда-либо даже помириться между собою въ дракѣ изъ-за равнаго для всѣхъ куска хлѣба. Въ чужихъ бо зубахъ ломоть всегда великъ.

Въ послѣднее время въ особенности прославляется любовь къ свободѣ и причисляется къ великимъ заслугамъ того или другаго лица. Любовь къ свободѣ заслуга?! Ее питаетъ хищный волкъ, бѣгущій въ лѣсъ съ овцою; ее питаетъ собака на привязи, левъ въ клѣткѣ, медвѣдь на цѣпи, питаетъ всякій дикій звѣрь, дикая пташка, рыба, гадина. Любить свободу также естественно, какъ любить поѣсть, попить, по-

спать. Это любовь чисто животная. Въ чемъ тутъ заслуга человѣка собственно человѣческая? Достойная собственно человѣка заслуга заключается въ любви не къ свободѣ, а наоборотъ, въ любви, въ почтительности, въ благопокорномъ стремленіи къ ограниченію свободы. Любитъ свободу дикарь, который уходитъ въ особую дальнюю берлогу съ своею женою и дѣтенышами, не любя стѣсняться присутствіемъ другихъ, равныхъ или старшихъ. Разумная же общественность немыслима безъ стѣсненія свободы. Была-ли свобода, за которою такъ гоняются дикари, даже въ древней Элладѣ послѣ царей, среди борьбы племенъ, городовъ, маленькихъ республикъ, среди борьбы съ преобладаніемъ мелкихъ тирановъ, съ злоупотребленіями черни? Была-ли въ древнемъ Римѣ, среди подобной-же борьбы, отъ послѣдняго царя до Марія и Суллы? Не больше-ли тамъ, въ этихъ республикахъ, было настоящаго рабства и порабощенія, чѣмъ въ монархіяхъ? Вопросъ, что дольше живетъ, что тверже стоитъ, республика, или монархія? Кажется, этотъ принципъ республиканства или монархизма тутъ неприложимъ. Дольше живутъ и крѣпче стоятъ народы: китайскій, индійскій и особенно еврейскій. Скажите-же, въ чемъ секретъ ихъ жизненности? Въ свободѣ или стѣсненіи? Во-первыхъ, не въ гражданскомъ мотивѣ, а въ религіозномъ, потому что индусы и евреи давно свою гражданскую самостоятельность потеряли; далѣе же, не въ свободѣ, а именно въ свободномъ самостѣсненіи, въ свободномъ непоколебимомъ самоподчиненіи религіознымъ уставамъ, преданіямъ и обычаямъ. Китаецъ, индусъ, еврей, который оставляетъ стѣсненіе себя своими родными, освященными и скрѣпленными временемъ, обычаями и воспринимаетъ европейскую культуру, тотъ китаецъ, индусъ, еврей потерянъ для народа и народности, особенно если онъ принялъ и вѣру чужаго народа. Въ основу русскаго государства также положенъ идеалъ никакъ не свободы, а также

стѣсненія, свободнаго самоотреченія отъ свободы полудикарей, шатуновъ, вѣчевыхъ крикуновъ и т. д. Затѣмъ св. православная вѣра связала русскихъ въ народное единство, подчиненное единой волѣ Помазанника Божія. Тогда-то мы и были слабы, тогда едва не развалились, когда по временамъ захватывали себѣ побольше старо-славянской шатости, какъ было въ періодъ удѣловъ и самозванцевъ. Напротивъ, когда мы были всего крѣпче? Когда охотно несли благое иго Христово и доброе иго доброй единой власти, напримѣръ при Петрѣ I, во время шведской войны, при Александрѣ I, во время отечественной войны, и при Николаѣ I. А когда у насъ на Руси пошла неслыханная дотолѣ шатость умовъ, съ тѣхъ поръ мы стали для всего свѣта колоссъ на глиняныхъ ногахъ. Пусть подумаютъ объ этомъ тѣ великомудрые мужи, которые съ своихъ высокихъ каѳедръ, воздвигнутыхъ для ихъ блеска потомъ народа, собиравшаго русское царство, гремятъ диѳирамбами во славу своей любви къ свободѣ. Далеко-ль они ушли отъ графа Льва Толстаго, имѣвшаго неслыханную отвагу провозгласить и неслыханное упорство провозглашать всякую власть насиліемъ, каковое должно всячески искоренять? Пусть подумаютъ, въ согласіи или въ разрѣзъ съ народнымъ духомъ проповѣдуютъ они свою любовь къ свободѣ, — народному духу, который создалъ и вынесъ русское государство среди всякихъ историческихъ бурь самоограниченіемъ свободы и христіанскимъ самопокореніемъ своей грѣшной воли всеблагой волѣ Провидѣнія. Замѣчательно, что христіанство вовсе не поощряетъ любви къ свободѣ, какъ чувства естественнаго, въ которомъ чистое и достойное смѣшано съ плотскимъ и грѣховнымъ. Христіанство, напротивъ, поощряетъ смиреніе, самопокореніе, самоотверженіе, и во-первыхъ, отверженіе собственной грѣховной воли, приклоненіе подъ благое иго Христово собственнаго взимающагося на разумъ Божій ума; поощряетъ вольное подъятіе и

несеніе креста Христова. Пусть подумаютъ, что въ основу русскаго государства положено самоограниченіе народной воли, выразившееся въ общенародномъ приговорѣ относительно призванія князей, — приговорѣ или договорѣ, который и до сихъ поръ скрѣпляется, изъ поколѣнія въ поколѣніе, всенародною присягой, съ цѣлованіемъ Христова креста и призываніемъ Бога христіанскаго во свидѣтеля вѣрности и крѣпости всенародной присяги. Пусть подумаютъ, что безъ свободной душевной тяги, если не всего, то огромнаго большинства народа, въ русскомъ-же царствѣ, безъ сомнѣнія, всего русскаго христолюбиваго народа, безъ свободной тяги къ средоточію народной жизни, къ предержащей власти, невозможно было бы св. Руси жить, милліоны инородцевъ крѣпко къ себѣ привязывать и еще побѣждать многіе милліоны закованныхъ въ желѣзо, дышущихъ огнемъ враговъ. Пусть подумаютъ, насиліе-ли это, или же настоящая, разумно-человѣческая, сознательно-христіанская свобода, постигаемая и умомъ народа, особенно же чувствуемая его сердцемъ. Пусть подумаютъ, что всякій присоединившійся къ православной русской Церкви человѣкъ увеличиваетъ, а всякій отпавшій отъ нея уменьшаетъ народное большинство вѣрнѣйшихъ подданныхъ русскаго Царя, вольною волею и вольнымъ разумомъ поддерживающихъ его царскій престолъ. Пусть подумаютъ, что присоединеніе къ православію есть наиполнѣйшая *руссификація* (выражаясь языкомъ современной школы), не переоблаченіе, а перерожденіе, пресуществленіе инородца во второмъ, въ третьемъ поколѣніи, въ кореннаго русскаго человѣка; тогда какъ отпаденіе русскаго отъ православія въ иныя секты (за исключеніемъ ближайшаго къ православію старообрядства), особенно же въ раціоналистическія, молоканство, штунду, пашковство, нигилизмъ, толстовщину, перерождаетъ русскихъ въ нерусскихъ. Пусть подумаютъ о томъ, что эти проповѣдники любви къ

свободѣ и ненависти къ власти, какъ насилію, готовятъ русскому народу. А то же, что и во всемъ свѣтѣ всему человѣчеству. Готовится безъисповѣдный вселенскій космополитизмъ, въ которомъ, какъ предъ потопомъ или вавилонскимъ смѣшеніемъ, всѣ люди смѣшаются въ упадкѣ всякой вѣры, всякаго возвышеннаго идеала, всякаго стремленія къ горнему, небесному, смѣшаются въ работѣ самымъ низменнымъ страстямъ, въ захватѣ и раздорѣ изъ-за благъ міра сего; а раздѣлятся, какъ въ допотопномъ человѣчествѣ, на два лагеря, на лагерь исполиновъ коварства и злобы, который захватитъ лагерь болѣе незлобивыхъ и нелукавыхъ въ самое безпощадное рабство. И отъ этого послѣдняго зла избавитъ только самъ Богъ, стерши съ лица земли человѣчество, какъ недостойное болѣе жить.

Братіе, — умоляетъ насъ избранный сосудъ благодати Христовой св. апостолъ Павелъ, благовѣстникъ христіанскаго идеала христіанскаго государства,—*братіе! Молю васъ творити моленія, прошенія, благодаренія* предъ Богомъ *за вся человѣки*, прежде всѣхъ *за Царя*, а потомъ *и за всѣхъ, иже во власти суть, да тихое и безмолвное житіе поживемъ во всякомъ благочестіи и чистотѣ. Сіе бо добро и пріятно предъ Спасителемъ нашимъ Богомъ, иже всѣмъ человѣкомъ хочетъ спастися и въ разумъ истины пріити.*

Глаголаше Іисусъ къ вѣровавшимъ Ему: аще вы пребудете въ словеси Моемъ, воистину ученицы Мои будете. И уразумѣете истину, а истина свободитъ вы. Аще убо Сынъ свободитъ вы, воистину свободни будете (Іоан. 8, 31—36). Вотъ это слова Христовы, рѣчи евангельскія, ученіе Христовой церкви. Аминь.

1888 г.

15 р.

2007081179